

Н. М. ШАНСКИЙ

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОМУ
СЛОВООБРАЗОВАНИЮ
И ЛЕКСИКОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1959

ОТ АВТОРА

В настоящей работе сообщаются основные сведения по русскому словообразованию и лексикологии, особенно необходимые учителю русского языка и литературы в его школьной практике.

Так как в книге дается изложение всех важнейших вопросов словообразования и лексикологии, отраженных в ныне действующей вузовской программе курса «Современный русский язык», то она может быть использована и как учебное пособие для студентов-филологов.

Помимо новых очерков, составляющих большую часть предлагаемой книги, в нее вошли в исправленном виде также и некоторые материалы, публиковавшиеся ранее в работах «Основы словообразовательного анализа», 1953, и «Лексика и фразеология современного русского языка», 1957.

Основное место в работе занимают общепризнанные факты и собственные наблюдения и выводы автора. Поэтому изложение теоретического и конкретного материала, принятое в книге, носит объяснительный характер и дается в предельно «догматической» форме, очень далекой от критико-библиографической.

С иными точками зрения на разбираемые факты, а в ряде случаев с более детальным освещением того или иного конкретного вопроса читателю предлагается познакомиться самому. С этой целью наиболее важное и интересное из литературы указывается после каждого раздела книги.

В книге освещаются принципы словообразовательного анализа и понятие лексикологии (и в связи с этим задачи этимологического анализа), а также описывается русское слово как единица языка, его значение и структура и дается краткая характеристика лексической системы и способов словообразования современного русского литературного языка.

Описанию-фразеологической системы современного русского литературного языка автор собирается посвятить отдельную работу.

Автор будет признателен за все критические замечания, которые помогут ему улучшить предлагаемую работу.

ПРИНЦИПЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Нет надобности подробно останавливаться на том, какую большую роль в процессе обучения русскому языку играет работа по словообразованию.

Морфематический принцип русского правописания определяет большое значение работы по словообразованию в обучении учащихся орфографическим правилам.

Синтетическим способом выражения в русском языке подавляющего большинства грамматических категорий объясняется важность работы по словообразованию для сознательного и глубокого овладения грамматического строя.

Так как в центре внимания словообразовательного анализа находится слово и образующие его морфемы в их значениях и употреблении, то словообразовательная работа имеет также определяющее значение для обогащения лексического запаса школьника и выработки у него прочных лингвистических навыков и языкового чутья.

Такая большая роль работы по словообразованию в процессе обучения русскому языку с необходимостью требует правильной ее постановки.

Необходимость этого диктуется тем, что в школьной практике (как между прочим и в вузовской) при прохождении соответствующих разделов программы до сих пор продолжают бытовать серьезные ошибки, проявляющиеся в смещении словообразовательного анализа с этимологическим, в механическом и бессознательном членении слова на части (иногда в нем не существующие), в игнорировании специфики языка обучающегося (если русскому языку обучаются нерусские) и т. д.

Принципы словообразовательного анализа, твердое знание которых имеет не только важное практическое значение

для методически правильной постановки словообразовательной работы в школе, но и еще большее теоретическое значение для научного изучения словообразовательной системы языка, определяются двумя факторами: во-первых, тем, что () считается объектом словообразовательного анализа, а, во-вторых, как как понимаются его задачи.

Поэтому изложение принципов словообразовательного анализа следует начать с определения его объекта и задач.

Объектом словообразовательного анализа является слово со стороны его морфологической структуры, присущей ему как факту определенной системы языка.

Нередко понятие морфологической структуры слова ошибочно отождествляется с понятием состава слова и в связи с этим словообразовательный анализ сводится к разбору слова по составу.

Считается, что если выяснено, на какие значимые части слово делится, то тем самым его словообразовательная структура познана. Между тем, для того чтобы вскрыть структуру того или иного слова, необходимо установить не только то, из каких морфем это слово состоит, но также и определить, какое значение эти морфемы имеют и в каких связях и соотношениях друг с другом находятся.

Так, анализируя слово *переодевание* со словообразовательной точки зрения, недостаточно разделить его на приставки *пере-* и *о-*, производную основу *-де-*, суффиксы *-ва-* и *-НУj-* и окончание *-е*. Необходимо также установить характер и семантику выделенных корневой и служебных морфем и существующие между ними отношения.

В слове *переодевание* приставка *пере-* будет словообразовательной приставкой, имеющей значение «заново» (ср. *одеть* — *переодеть*), приставка *о-* — словообразовательной приставкой, обозначающей, что действие глагола распространяется на всю поверхность предмета (ср. *одеть* — *надеть* — *раздеть*), суффикс *-ва* — формообразующим суффиксом, указывающим на несовершенный вид глагола (ср. *одеть* — *одевать*), суффикс *-мм/-* — словообразующим суффиксом, служащим для производства имен существительных со значением отвлеченного действия, окончание *-е* — окончанием именительного падежа единственного числа слов среднего рода. Названные морфемы в слове *переодевание* как производном существительном от глагола *переодевать* — *переодеваться* оказываются связанными друг с другом следующим образом: {*пере-[(о-де)-ва]*} *ниj(e)*.

Следовательно, словообразовательный процесс идет так: *одеть — одевать — переодевать — переодевание*.

Выяснение словообразовательной структуры слова, свойственной для него в тот или иной период развития языка, установление характера и значения морфем и их связей и соотношений друг с другом, выявление конкретной роли морфем в слове и составляют задачи словообразовательного анализа.

Научный анализ морфологической структуры слова, а не механическое членение слова на морфемы (иногда, между прочим, не существующие) возможен только тогда, когда слово рассматривается, во-первых, на фоне родственных и одноструктурных ему слов, а, во-вторых, в совокупности всех ему присущих грамматических форм. Это является основным принципом словообразовательного анализа, которым обусловлены все остальные.

Например, выделение приставки *о-* в слове *одеть* (а значит, и в слове *переодевание*) оказывается возможным в силу существования рядом с ним родственных слов *надеть* и *раздеть*.

Определение значения этой приставки возможно благодаря наличию рядом с глаголом *одеть* глаголов *окутать* (ср. *кутать*), *окрасить* (ср. *красить*), *оклеить* (ср. *клеить*).

Правильное определение характера морфем *-ий* в слове *охотничий* и *-ес-* в слове *небеса* невозможно, если при словообразовательном анализе этих слов не будут учитываться другие грамматические формы этих же слов: формы косвенных падежей для слова *охотничий* и формы единственного числа для слова *небеса*.

Формы *охотничьего*, *охотничьему*, *охотничьим* и т. д. показывают, что *-ий* в *охотничий* не окончание, а видоизменение суффикса *-/,* в остальных падежах выступающего в своей основной форме. Окончание же в слове *охотничий* является материально не выраженным, нулевым, как в словах *сестрин*, *отцов* и т. д.

Формы единственного числа *небо*, *небу*, *неба* и т. д. без *-ес-* (при наличии этой морфемы во всех падежах во множественном числе) говорят о том, что *-ес-* является формообразующим суффиксом, служащим для различения основ единственного и множественного числа. Число в слове *небо* — *небеса* (подобно тому, что наблюдается в словах *судно* — *суда*, *сын* — *сыновья*, *клок* — *клячья*, *гражданин* — *гражде-*

дане) выражается не столько при помощи различных окончаний, сколько при помощи различных суффиксальных или безсуффиксных основ.

Сравнение разговорно-фамильярной формы *щец* со стилистически нейтральными формами *щей*, *щи*, *щам* и т. д. позволяет выделить в парадигме склонения слова *щи* единственное в своем роде окончание *-ец*, ранее бывшее уменьшительно-ласкательным суффиксом, как в слове *дверца — дверец*.

Подвергая слово словообразовательному анализу, необходимо учитывать, что принадлежность слова к определенному структурному типу или словообразовательному ряду определяется не морфологическим составом, а структурой. Пары *пасынок — подокожник*, *запись — праязык*, *головокружение — пароходство* выделяют соответственно приставку, корень, суффикс и нулевое окончание; приставку, корень и нулевое окончание; корень, соединительную гласную *о*, другой корень, суффикс и окончание.

Однако они резко отличаются друг от друга своей структурой и, естественно, способом образования.

Пасынок — суффиксально-префиксальное образование от *сын*, слово *подокожник* возникло в результате суффиксации предложно-падежной формы *под окном*. *Запись* — отглагольное существительное, образованное безаффиксным способом словообразования от глагола *записать*, *проформа* — префиксальное образование от слова *форма*.

Головокружение — сложное слово, *пароходство* — слово, образованное с помощью суффикса *-ство* от слова *пароход*.

Так как в результате словообразовательного анализа должна быть дана реально существующая в настоящее время картина морфологического строения слова, то особенное внимание должно быть обращено на четкое различение на первый взгляд одинаковых морфем и выяснение их специфики и употребления.

Несколько примеров.

На первый взгляд слова *конокрад*, *технорук*, *головокружение*, *черноморец*, *автобаза*, *быстродействующий* — все содержат одну и ту же, по функции общую морфему — соединительную гласную *о*. Однако это не так. Ее имеют лишь первые четыре слова, в слове *автобаза* (из *автомобильная база*) *о* принадлежит непроемной основе *автомобиль* и является последним звуком сокращения, в слове

быстродействующий, возникшем лексико-синтаксическим способом словообразования, *о* является суффиксом наречия *быстро* (от *быстрый*).

Но и в словах, имеющих соединительную гласную *о*, она выступает в разных функциях.

В слове *технрук* она является «незаконной» морфемой (ср. *политрук*, *военрук* без *о*) и появилась по чисто фонетическим причинам. В слове *черноморец* *о* как словообразующая морфема выступает вместе с суффиксом *-ец*; слово *черноморец* образовано сложносуффиксальным способом: путем сложением и одновременной суффиксации слов *Черное море*.

Лишь в словах *конокрад* и *головокружение* *о* выступает в качестве одиночной связочной морфемы, но и в этих словах *о* разное, так как в слове *конокрад* соединительная гласная *о* является незакономерно на месте ожидаемого *е* (ср. *коневодство*).

В глаголах *делать* и *бросать* выделяется суффикс *-а(ть)*, но если в глаголе *делать* он является простым классовым показателем, то в глаголе *бросать* (ср. *бросить*) он одновременно выполняет также и роль формообразующего суффикса, именно суффикса несовершенного вида.

Слова *пальто* и *кино* оба являются несклоняемыми, однако конечное *о* в этих словах все же разное. Если *о* в слове *кино* представляет собой неотъемлемую часть основы во всех случаях его употребления в русском языке, то в слове *пальто* *о*, не являясь окончанием, в ряде случаев (именно при словообразовательных процессах) ведет себя как окончание: ср. *пальто* — *пальт-ец(о)*, *пальт-ишк(о)*, как *письмо* — *письм-ец(о)*, *письм-ишк(о)*.

В русском языке окончание *-и* в слове *книги* указывает как на множественное число (ср. *книга*), так и на именительный падеж (ср. *книгах*), в болгарском языке оно будет (в связи с отсутствием в нем склонения) выражать лишь множественное число: русскому соотношению *книга* — *книги* — *книг* — *книгам* и т. д. там будет соответствовать лишь корреляция *книга* — *книги*.

Правильное определение характерной для слова морфологической структуры, являющейся целью словообразовательного анализа, невозможно без учета связей и соотношений, существующих между производной и производящей основой.

Учет связей и соотношений между производной и про-

изводящей основой — один из важнейших принципов словообразовательного анализа.

Только он даст возможность избежать при анализе слова с словообразовательной точки зрения того, что Богородицкий называл «лингвистической мифологией», выделить в слово реально существующие в нем в настоящее время морфемы, порядок их присоединения в процессе словопроизводства, характер способа, использованного для образования слова, и т. д.

Если разбор слова с выделения в нем корня ведет к механическому членению слова на части, то разбор слова с установления соотношений и связей производной и производящей основ — к уяснению действительной картины словообразовательного строения слова, как факта лексической системы современного русского языка. Два примера.

При членении слов *соломинка*, *снежинка*, *корзинка*, *тропинка*, *осинка* на морфемы без учета соотношений и связей, существующих между производной и производящей основами, может создаться впечатление, что в них выделяется один и тот же суффикс *-инк(а)*. Однако это не так.

В слове *соломинка* выделяются суффиксы *-ин(а)* и *-к(а)* и непроединенная основа *солом-*; суффиксом *-ин(а)* указывается единичность, суффикс *-к(а)* является уменьшительно-ласкательным.

Слово *снежинка* содержит один суффикс *-инк(а)*, обозначающий единичность (ср. *снег*, при отсутствии — *снежина*).

В слове *тропинка* тоже выделяется только суффикс *-инк(а)*, но это уже суффикс уменьшительно-ласкательного значения (ср. *тропа*, при отсутствии — *тропина*).

Что же касается слов *корзинка* и *осинка*, то в них выделяется уже суффикс *-к(а)*, правда также различный: в слове *осинка* суффикс *-к(а)* является уменьшительно-ласкательным (ср. *большая осина*, но *маленькая осинка*), в слове *корзинка* — это уже суффикс чисто стилистического характера, меняющий лишь стилистическую окраску слова (слово *корзинка* — разговорное, слово *корзина* — межстилевое), но не его лексическое значение (ср. *большая корзина* — *большаякорзинка*).

С первого взгляда может показаться, что словообразовательная структура слов *обесцветить*, *обеспокоить*, *обескуражить* одинакова и во всех глаголах выделяются одни и те же служебные морфемы. Разбор соответствующих слов

с выделения в нем корня ведет к закреплению этого предположения.

Между тем сопоставление с производящими основами показывает, что такое членение данных глаголов будет неверным. В то время как слово *обесцветить* (соотносительное с *цвет*) выделяет, кроме суффикса *-и(ть)*, приставку *обес-*, слово *обеспокоить* (соотносительное с *беспокоить*) имеет в своем составе две приставки *о-* и *-без-*. Что же касается слова *обескуражить*, то оно в настоящее время никакой приставки ни *обес-*, ни *о-* и *без-* не содержит. Слова *кураж* и *куражиться* соотносительными ему по семантико-грамматическим связям не являются, так как не сохранили старого значения «мужество, храбрость, смелость» (ср. франц. *courage*)¹.

Естественно, что, применяя указанный принцип, следует учитывать спаянность морфем русского слова, иногда чрезвычайно тесную.

Так, в слове *табакур* в результате гаплогонии, т. е. выпадения слога (именно слога *ко*), мы наблюдаем тесное слияние двух непроемных основ *табак* и *кур* (ср. *винокур*, *смолокур*), *к* является одновременно и элементом первой основы *табак* и элементом второй основы *кур*.

В глаголе *обмануть*, соотносительном в качестве формы совершенного вида с глаголом несовершенного вида *обманывать*, то же явление может быть отмечено для корня и суффикса: *-н-* представляет собой и конечный согласный корня, и начальный согласный суффикса *-ну*.

Анализируя слово со словообразовательной точки зрения, особенно важно не смешивать словообразовательный анализ с этимологической рефлексией, возникающей у всякого познающего систему того или иного языка.

Следует иметь в виду, что словообразовательный анализ слова вскрывает его морфологическое строение и место среди других слов (родственных и одноструктурных) в современном русском литературном языке, с точки зрения наличной системы русского словообразования. Тем самым он является научным приемом познания словообразовательной структуры слова на основе объективно существующих языковых фактов.

Что касается этимологической рефлексии, то она относится к области языкового чутья и является следствием

¹ Другие примеры см. ниже, стр. 77—79.

возникающих на базе языковых фактов субъективных ассоциаций ¹.

Деление слоил на морфемы должно быть всегда осмысленным и обоснованным (значимые части по своей конкретной семантике, конечно, будут самые различные). Мало сказать «слоно делится на такие-то морфемы», надо обязательно доказать, почему оно делится и состоит именно из *-лих*, а не других значимых частей.

Именно поэтому, например, слова *виноград*, *забыть*, *порошок*, *витиеватый* должны быть интерпретированы как слова с непроизводными основами, хотя нам и «хочется» выделить в них в первом две непроизводные и соединительное *о*, во втором — приставку *за-*, в третьем и четвертом — соответственно суффиксы *-ок* и *-еват(ый)* (ср. слова *винодел*, *запеть*, *листок*, *плutowатый*, где эти морфемы выделяются).

При словообразовательном разборе слова в связи со сказанным принципиально важно учитывать разницу, существующую между основной и служебными морфемами: первая составляет совершенно необходимую принадлежность слова (слов без корня нет!), вторые могут в нем и не быть.

Отсюда вытекает новый принцип словообразовательного анализа: анализируя слово, следует иметь в виду, что производная основа как делимое целое существует лишь постольку и до тех пор, пока есть соотносительная ей в лексико-грамматическом отношении непроизводная. Слово может быть охарактеризовано как слово с производной основой только в том случае, если рядом есть хоть одно родственное слово с той же непроизводной основой, что и анализируемое. Будет неверным выделение чего-то в качестве непроизводной основы, если выделяемое известно в русском языке только в этом слове и ни в каком другом не встречается ².

¹ О ней см. статью Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию». «Известия АН СССР», Отделение языка и литературы? т. V, вып. 4, 1946, стр. 318 и след.

² Поэтому не может быть принята точка зрения А. И. Смирникова, полемизирующего по этому вопросу с Г. О. Винокуром; см. его статью «Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ». «Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ», вып. V, 1948, стр. 21—32; см. также его книгу «Лексикология английского языка», М., 1956, стр. 58—64.

Естественно, в силу этого то важное значение, которое приобретает для правильного решения соответствующих вопросов прочное и четкое знание той большой разницы, которая существует между производной и непроизводной основой как членимым и нечленимым целым¹.

Современная словообразовательная система представляет собой продукт исторического развития и содержит поэтому как продуктивные, так и непродуктивные словообразовательные типы, модели и регулярного и нерегулярного характера.

В нашем языке рядом с многочисленными и постоянно возникающими словами на *-ость* употребляется слово *синева*, выделяющее суффикс *-ева*, вместе с существительным на *-ние (-ение)* — слово *любовь*, выделяющее суффикс *-овь*, в одном ряду с собирательными на *-ство* (*казачество, студенчество, учительство, купечество* и т. д.) — собирательное *молодежь* с суффиксом *-ежь*.

Вместе с регулярным и обычным окончанием 1-го лица глаголов *-у(-ю)* встречается нерегулярное и «странное» окончание *-м* в глаголах *дам* и *ем* и т. д.

В силу этого выделяемые в слове служебные морфемы вовсе не обязательно должны регулярно повторяться в других словах, они могут встречаться даже в одном единственном слове (ср. *-ес-* в слове *белесый*, *-ис* в слове *скепис*, *-л(а)* в слове *метла*, *-юзга* в слове *мелюзга* и т. д.

Это определяет новый принцип, который необходимо соблюдать при словообразовательном анализе.

Следует следить при членении слова, чтобы всегда была соотносительность родственных слов. Соотносительности одноструктурных слов может и не быть, так как есть слова, служебные морфемы которых (суффиксы, приставки) существуют только в их составе.

Словообразовательный анализ как определенный лингвистический прием познания языковых явлений (именно морфологической структуры слова) устанавливает лишь то, что анализируемое слово в словообразовательном отношении представляет в настоящее время. Ответ на то, как данное слово возникло в действительности, он дает лишь в том случае, если анализируемое слово и сейчас имеет ту же словообразовательную структуру, какую имело в момент своего появления в языке, и то только в том

¹ См. ниже, стр. 68--82.

случае, если слово является для русского языка исконным, т. е. исконно русским (об этом понятии см. стр. 169 и след.).

Объектом словообразовательного анализа является словообразовательная структура слова, характерная для него в настоящее время.

Это определяет новый принцип словообразовательного разбора: при анализе морфологической структуры слова нельзя выходить за пределы тех связей и соотношений, которые существуют между словами в словообразовательной системе современного русского литературного языка. Иначе говоря, словообразовательный анализ необходимо четко ограничивать от анализа этимологического.

Этимологический анализ вскрывает происхождение слова в русском языке, дает ответ на то, исконно слово или заимствованно, когда, как и на базе какого слова оно возникло.

В отличие от словообразовательного анализа этимологический анализ занимается не настоящим, а прошлым слова, иногда очень отдаленным, не только строением и образованием слова, но и его лексико-грамматическими свойствами.

Исконный и заимствованный характер слов и постоянно наблюдаемые изменения в морфологической структуре слова (опрошение, переразложение, усложнение и т. д.; о них см. ниже) ведут к тому, что в этимологизации нуждаются не только слова, сейчас осознающиеся как корневые, но и слова, имеющие в настоящее время производную основу.

Так, объектом этимологического анализа являются и корневые слова *уклюжий*, *художник*, *Борис*, *волна*, *батог*, *истукан*, пережившие процесс опрошения основы и сейчас в своей основе неделимые, и слова производные, вроде *крохотный*, *звездочка*, *мохнатый*, имевшие процесс переразложения; *колоть*, *трусики*, в которых произошел процесс усложнения; *вдохновение*, *любовь*, пережившие процесс декорреляции; и слова *дневник*, *вольнодум*, *адресовать*, *графиня*, отражающие иноязычное влияние.

Слово *уклюжий* (чаще *неуклюжий*) объясняется как образование от ныне известного лишь в диалектах прилагательного *клюжий* — «красивый» с приставкой у- в отрицательном значении (ср. *гомон* — *угомон*, *богатый* — *убогий*, *солнце* — диалектн. *усолонь* — «тьень» и т. д.); прилагательное *клюжий* образовано от исчезнувшего существительного *клюдь* — «порядок, красота» (ср. *Неклюдов*) с по-

мощью суффикса *-/-*. Слово *художник* объясняется как суффиксальное образование от прилагательного *художь-ныи*, которое в свою очередь было образовано от слова *худогъ* — «мастер, мудрец» (слово *худогъ* — более старое написание *хѣдогъ* — из готского языка, где *handugs* < *handags* — мудрый, искусный от *handus* — «рука», совр. нем. *Hand*).

Имя собственное *Борис* (ср. уменьшительно-ласкательное *Боря*) является по происхождению сокращением сложного по составу имени *Борислав*, аналогичного именам *Ростислав*, *Мстислав*, *Святослав*, *Вячеслав*, *Ярослав* и т. д.

Этимологический анализ вскрывает, что слово *волна* (древнерусск. *вълча*) образовано с помощью суффикса *-н(а)* от слова *вълати* — «волноваться», слово *батог* (древнерусск. *батогъ*) образовано с помощью суффикса *-огъ* от слова *батати* — «бить, колотить», слово *истукан* представляет собой страдательное причастие на *-н* от глагола *истукати* (родственно глаголу *ткнуть*) — «отливать, вырезать из металла».

Он же показывает, что слова *крохотный*, *звездочка*, *мохнатый*, соотносительные сейчас со словами *кроха*, *звезда*, *мох* и выделяющие суффикс *-отн(ый)*, *-очк(а)*, *-нат(ый)*, на самом деле образованы от слов *звездка* — «звездочка», *крохоть* — «крошка, крупица», *мохна* — «пучок шерсти, кисть, косма» с помощью суффикса *-н(ый)*, *-к(а)* и *-ат(ый)*.

С помощью этимологического анализа мы обнаруживаем, что слово *труссы* образовано на базе слова *трусски* (заимствованного из английского языка — *trousers* — «брюки»), а не наоборот, т. е., что слово *трусски* пережило процесс осложнения основы и выделило в своем составе ранее отсутствовавший в нем суффикс *-ик* (по аналогии с *листки*, *гвоздики*, *носики* и т. д.), что слово *колоть*, выделяющее сейчас тематический суффикс *-о-*, ранее его не имело (ср. общеславянскую форму **kolti*).

Разбирая со словообразовательной точки зрения слова *вдохновение* и *любовь*, мы соотносим их с глаголами *вдохновить* и *любить*, этимологический анализ говорит нам, однако, что образованы они от других слов: от глагола *вдохнуть* (ср. *дунуть* — *дуновение*, *возникнуть* — *возникновение*, *столкнуться* — *столкновение* и т. д.) и от прилагательного *люб*.

Наконец, совершенно необходим этимологический анализ для слов, отражающих иноязычное влияние, будь это калька или прямое заимствование.

Слова *дневник*, *вольнодум* объясняются как словообразовательные кальки соответствующих французского слова *journal* и немецкого слова *Freidenker*, слова *графиня*, *адресовать* — как прямые заимствования из немецкого *Gräfin* и польского *adresować* (хотя на первый взгляд они могут показаться собственно русскими словами, возникшими уже в русском языке).

Естественно, что в практике преподавания этимологический анализ следует использовать очень осторожно и лишь в утилитарных целях (для объяснения написания слова, его значения и экспрессивно-стилистической окраски и т. д.), учитывая возрастные особенности учащихся и их языковую подготовку.

Пользуясь этимологическим анализом, необходимо всегда указывать на его отличия от анализа словообразовательного. Это значит, что, объясняя происхождение слова, его образование и строение в прошлом, нужно сразу же указать на его современную морфологическую структуру¹.

В связи с разграничением этимологического и словообразовательного анализов ярко выявляется не только уже сформулированный принцип, заключающийся в том, что при словообразовательном анализе нельзя выходить за пределы современного языкового сознания.

С большой остротой встает также вопрос о четком расчленении словообразовательных явлений русского языка от соответствующих фактов других языков, в том случае, если в последних имеются в том или ином отношении аналогичные словарные единицы или способы образования.

Этот принцип можно сформулировать таким образом: при словообразовательном анализе слова нельзя выходить за пределы словообразовательной системы русского языка, нельзя переносить в русский язык те соотношения и связи, которые существуют между словами в других языках (родственных и неродственных).

Например, было бы неправильным в словах *студент* и *доцент* выделять суффикс *-ент*, имеющийся в словах *оппонент*, *референт* и т. п., в словах *гараж* и *пассаж* — суффикс *-аж*, имеющийся в словах *массаж*, *тоннаж* и т. д.

Существование суффикса *-ент* в словах *оппонент*, *референт*, суффикса *-аж* в словах *тоннаж*, *массаж* подтверждается наличием в русском языке рядом с ними слов,

¹ Подробнее об этимологическом анализе см. стр. 24—41.

содержащих ту же непроизводную основу (ср. слова *опонировать*, *реферировать*, *тонна*, *массировать*). Рядом же со словами *студент* и *доцент*, *гараж* и *массаж*, кроме производных от них слов (ср. *студенчество*, *доцентский*, *гаражный* и пр.), в русском языке никаких других слов не существует. Поэтому выделять в них суффиксы *-ент*, *-аж*, как иногда это делают, нельзя, ибо в данных словах в русском языке этих суффиксов нет. Выделяя в них суффиксы, выходят за пределы словообразовательных соотношений, существующих в русском языке, в область словопроизводственных связей языка-источника (*доцент* и лат. *docere* — учить, *doctor* — учитель, *doctus* — ученый и т. д.; *студент* и лат. *studere* — ревностно заниматься, учиться, *studium* — учебные занятия, изучение; *гараж* и франц. *garer* — поставить в гараж; *пассаж* и франц. *passer* — проходить, проезжать и т. п.). Поэтому же, выделив, например, по отношению с другими словами, быгующими в русском языке, словопроизводственные морфемы в словах *бронхит* (суффикс *-ит*, ср. *бронх*), *экспонат* (суффикс *-ат*, ср. *экспонировать*), *реактив* (суффикс *-ив*, ср. *реакция*), *нейтралитет* (суффикс *-итет*, ср. *нейтральный*) и т. п., следует, невзирая на их этимологию и словообразовательные связи со словами языка, откуда они пришли (ср. *Ипр* — река в Бельгии; лат. *internus* — внутренний; франц. *passé* — прошлое; лат. *prior* — первый и т. д.), охарактеризовать как корневые слова *инприт*, *интернат*, *пассеизм*, *приоритет* и др., ибо соответствующих им слов с непроизводной основой в русском языке нет.

В силу отсутствия в нашем языке соответствующих беспрефиксальных образований с какими-либо другими приставками являются бесприставочными такие слова, как *аморфный*, *дезавуировать*, *реабилитировать*, *экспроприировать* и др., в отличие, скажем, от слов *аморальный*, *дезорганизовать*, *реконструировать*, *экспорттировать* и т. п. (ср. *моральный*, *организовать*, *конструировать*, *импортировать*), где приставки выделяются. Лишь с этимологической точки зрения, при привлечении данных языка-источника, слова *аморфный*, *дезавуировать*, *реабилитировать*, *экспроприировать* и т. п. предстают перед нами как содержащие в своем составе префиксы (*a-*, *dez-*, *re-*, *экс-*)¹.

¹ Ср. греч. *morphē* — форма; франц. *avouer* — признавать; лат. *habilitas* — пригодность, способность; лат. *proprietas* — собственность.

Относительно исконно русских слов этот принцип особенно важно соблюдать при обучении русскому языку лиц, для которых родным является какой-либо славянский язык.

Близость и сходство словообразовательной системы украинского языка русскому облегчает украинцам усвоение русского словообразования. Однако это же может в определенных случаях порождать и ошибки, вести к методическим трудностям, так как близкое и сходное учащийся может воспринять как абсолютно тождественное.

Несколько примеров.

И в русском и в украинском языках есть суффикс *-унок*. Но в русском языке этот суффикс является нерегулярным и выделяется лишь в одном слове *рисунок*, заимствованном русским языком из польского языка. Что касается украинского языка, то там эту морфему можно охарактеризовать как регулярную (ср. *рахунок*, *дарунок*, *поцілунок*, *малюнок* и т. д.)

Суффикс прилагательных *-ав(ый)* в русском языке является непродуктивным и значения неполноты качества не имеет (ср. суффикс *-оват*, *-еват*): *дырявый*, *кровавый*, *ржавый*.

В украинском языке этот суффикс представляет собой продуктивную словообразовательную морфему, обозначающую неполноту качества: *зеленавий* — зеленоватый, *жовтавий* — желтоватый, *білявий* — беловатый, *мокравий* — мокроватый, *щуплявий* — щупловатый, *довгавий* — долговатый и т. д.

Перенесение словообразовательных связей, существующих между словами в украинском языке, на словообразовательную систему русского языка будет наблюдаться, например, в том случае, если учащийся в слове *детвора* выделит суффикс *-ора* (по соотношению с укр. *дітва*), произведет по заданию образовать от прилагательных *старый*, *толстый*, *сладкий* прилагательные, указывающие на неполноту качества, вместо слов *староватый*, *толстоватый*, *сладковатый* слова *постарый*, *потолстый*, *последкий* (по образцу укр. *постарий*, *потовстий*, *посолодкий*).

Тот же выход за пределы словообразовательной системы русского языка будет наблюдаться, например, в том случае, если учащийся, родным языком которого будет болгарский, в слове *говядина* охарактеризует связанную основу *говяд-* как свободную (по соотношению с болг. *го-*

ведо — бык, корова) или на просьбу образовать от слов *камень*, *фонарь* имена лиц произведет, вместо слов *каменщик*, *фонарщик* слова *каменчик*, *фонарчик* (по образцу болгарских слов *доставчик*, *артелчик*: в болгарском языке есть только суффикс *-чик*, между прочим заимствованный из русского языка; суффикса *-щик* нет).

Собственно, уже этот принцип словообразовательного анализа, определяемый наличием родственных словообразовательных фактов в русском и родном языке учащегося, свидетельствует о том, что привить правильные навыки словообразовательного анализа русских слов нерусскому можно только, учитывая специфику его родного языка.

Учет специфики родного языка обучающегося в работе по словообразованию, естественно, в еще большей степени, чем сходством диктуется различиями, существующими между русским языком и родным языком обучающегося.

В связи с этим в работе по словообразованию совершенно необходимым является учет характерных особенностей значимых частей слова, его морфологического состава и словообразовательной системы в целом, свойственных не только для русского языка, но и для родного языка обучающегося.

Следует подчеркнуть, что дело в данном случае идет о характерных особенностях как сходства, так и особенно различия (ср., например, тюркские языки).

Наконец, чрезвычайно важно при словообразовательном разборе иметь в виду также и то обстоятельство (на которое указывает акад. В. В. Виноградов в статье «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка»), что «процессы образования новых слов на базе основного словарного фонда в разные эпохи сопровождаются возникновением омонимов, омонимных основ и омоформ, например: *следствие* (в значении — вывод) и *следствие* (в значении — расследование); *преследовать* (врага) и *преследовать* (свою цель); ср. *основа* (в тканье) и *основа* (в значении — база, основание); *отказать кому в чем* и *отказать кому что* (в значении — *завещать*) и т. п.»¹

В самом деле, в лексической системе современного русского литературного языка бытует довольно большое количество слов-омонимов, представляющих собой закрепление одного и того же звукового комплекса в качестве обозначения не одного, а двух или более понятий.

¹ Сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», 1952, стр. 175.

К анализу слов такого рода словообразовательной структуры необходимо подходить особенно осторожно. Правильный словообразовательный анализ слов, при которых имеются другие такого же звучания и написания, оказывается в ряде случаев весьма тонким делом.

Естественно, что прежде всего в данном случае следует разрешить вопрос о том, какое слово подвергается словообразовательному анализу, иначе говоря, какое значение имеет данный звуковой комплекс. Неправильно начинать словообразовательный анализ слова, если оно имеет своего двойника по звучанию и написанию, не уяснив, какое именно слово имеется в виду.

Нельзя производить словообразовательного анализа слов *кружок*, *заведение*, *заговорить*, *засаливать*, *потопить*, *рукав* и т. д., пока неизвестно, о каких словах в каждом отдельном конкретном случае идет речь (ср. *кружок* — уменьшительное к *круг* и *кружок* — организация лиц, объединившихся для каких-нибудь совместных занятий; *заведение* — предприятие и *заведение* — действие по глаголу *завести* — заводить; *заговорить* — начать говорить и *заговорить* — утомить разговорами; *засаливать* — несовершенный вид к *засолить* и *засаливать* — несовершенный вид к *засалить*; *потопить* (печь) и *потопить* (корабль); *рукав* (у рубашки) и (пожарный) *рукав* и т. п.).

Лишь тогда, когда нам известно, что это за слово, мы можем определенно сказать, делима ли его основа или нет, и если членится, то на какие значимые части, и т. д.

В подобных случаях поэтому нельзя не прибегать к помощи контекста.

В словах-омонимах, если они не являются явно корневыми (*свет*, *мир*, *лук*, *коса* и т. п.), всегда наблюдается омонимия словообразовательной формы, проявляющаяся или в омонимии основ, или в омонимии составляющих ее морфем. Некоторые из слов-омонимов отличаются друг от друга характером основы в целом. Так, слово *кружок* (в контексте: металлический кружок) как соотносительное со словом *круг* имеет основу производную и выделяет в своем составе непроизводную основу *круж-* и суффикс *-о/с*, в то время как слово *кружок* (в контексте: драматический кружок) имеет основу непроизводную, ибо со словом *круг* не соотносительно; слово *заведение* (в значении — «предприятие»), несмотря на прозрачность ранее составного характера морфологической структуры, содержит в себе непроизводную основу

в отличие от слова *заведение* (со значением действия по глаголу *завести — заводить*), соотносительного с глаголом *завести — заводить* и образованного от него при помощи суффикса *-ениj-*, и т. д.

Некоторые из слов-омонимов, разлагаясь иногда на одни и те же в звуковом отношении части, отличаются друг от друга в словообразовательном отношении семантикой этих частей.

В одном случае — только значением одной основной морфемы¹: так, в словах *засаливать* (рукав пиджака) и *засаливать* (огурцы) только основная морфема *-сал-* имеет различное значение, приставка *за-* и суффикс *-ива-* в обоих случаях одной и той же семантики.

В другом случае — только значением какого-либо аффикса: так, в словах *заговорить* (начать говорить) и *заговорить* (утомить разговорами) различное значение имеет лишь приставка *за-*.

В третьем случае — и тем и другим: так, в словах *потопить* (печь) и *потопить* (неприятельское судно) различное значение заключено и в основной морфеме *-топ-* (ср. *топка* и *потоп*), и в приставке *по-*, ибо в слове *потопить* (печь) префикс *по-* имеет словообразовательный характер и указывает на действие, совершающееся не в полную меру (ср. *истопить*), а в слове *потопить* (неприятельское судно) префикс *по-* выступает как формообразующий элемент, образуя лишь совершенный вид глагола.

Следует иметь в виду, что омонимия словообразовательной формы может наблюдаться и в пределах одного и того же слова. В таком случае она проявляется в способности слова делиться на разные части. Такая возможность двоякого членения слова на морфологические части «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова»², а следовательно, от того, в пер-

¹ По возможности от такого рода омонимов русский язык в процессе своего исторического развития освобождался. Так, из трех слов *стѣнный*: 1) от слова *стѣнь* — дающий день, тенистый, 2) от слова *стѣти* (сеять) — производящий семя, 3) от слова *спно* — относящийся к селу — осталось только одно, соотносительное со словом *сено* — *сенной*; из трех слов *въчьный* (от слов *въкъъ*, *въко*, *въче*) осталось только прилагательное от существительного *век*; из двух слов *воротник*: 1) у рубашки, 2) привратник — в современном языке существует только первое; нет уже прилагательного от слова *вина* — *винный* (ср. *повинный*) и т. д.

² В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Русский язык в школе», № 2, 1951, стр. 9.

вую очередь, с каким словом как образующим соотносится нами по своей семантике данное, анализируемое.

Так, слово *стяжательство* может члениться и на *стяжательств(о)* и на *(стяжа-тель)-ств(о)* в зависимости от того, соотносится ли оно со словом *стяжать* или со словом *стяжатель*. Если на первый план в слове *стяжательство* выдвигается значение действия, будет правильным его деление на *стяжа-тельств(о)*. Если на первый план в этом слове выступает значение состояния, будет правильным его деление на *(стяжа-тель)-ств(о)*. Эту же омонимию словообразовательной формы будем иметь в словах *топотня: топ-отн(я)* — от *топать*, *топот-н(я)* от *топот*; *нескромность: не-(скромн-ость)* — от *скромность*, *(не-скромн-ость)* — от *нескромный*; *пустяковина: (пуст-як)-овин(а)* — от *пустяк*, *[(пуст-як)-ов]-ин(а)* — от *пустяковый*; *бессрочный: бес-(сроч-н(ый))* и *бес-сроч-н(ый)*) и т. п.

Таким образом, при словообразовательном анализе, который, как уже подчеркивалось, не ограничивается только правильным делением слова на морфологические части, его составляющие, а включает в себя в качестве не менее важного элемента и определение семантики и взаимоотношения этих морфологических частей, важно учитывать также омонимию словообразовательной формы и омонимичность аффиксов (об этом подробнее см. ниже).

В заключение хотелось бы подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Чтобы овладеть хорошими навыками словообразовательного анализа и правильно вести работу по словообразованию, совершенно необходимо ясно и четко представлять себе специфические особенности русского слова как определенного структурного целого (разного в пределах различных частей речи). Особенно важным здесь является учет различного характера слов с точки зрения морфологической структуры и основных семантико-словообразовательных особенностей корневой и служебных морфем в слове.

Из литературы по общим вопросам словообразования см.: Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании русского языка в средней школе. «Избранные труды», т. II, М., 1957; е го ж е, Общее языкознание. Курс лекций, там же, т. I; И. А. Бодуэн де Куртене, Глоттогонические (лингвистические) заметки, вып. 1, 1877; е го ж е, Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, Berlin, 1868.; е го ж е, рецензия на книгу А. Leskien'a «Handbuch der altpolgarischen Sprache», журнал Министерства народного просвещения, 1876, ноябрь;

Н. В. Крушевский, К вопросу о гуне, «Русский филологический вестник», 1881, № 1; его же, Очерк науки о языке, 1883; В. А. Богородицкий, О морфологической абсорбции, «Русский филологический вестник», т. VI, 1881; его же, Этюд по психологии речи, т. I, т. VIII, 1882; его же, Введение в этимологию (т. е. в морфологию.—Н. Ш.), там же, т. XXXIII, 1895; его же, Морфологический анализ слов в психологическом освещении. «Лекции по общему языкознанию», изд. 2, 1915; его же, Общий курс русской грамматики, изд. 5, 1935; В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. Сб. «Вопросы теории и истории языка», изд. АН СССР, 1952; его же, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина. В кн. «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1953; его же, Современный русский язык, вып. 1, 1938; его же, Русский язык, М., 1947; Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР, отд. лит. и яз.», 1946, вып. IV; его же, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939; его же, Маяковский — новатор языка, 1943; А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, 1938; А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основы. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948; его же, Лексикология английского языка, М., 1956; В. А. Богородицкий, Очерки по языкознанию и русскому языку, 1939; Анастасиев, Морфологический анализ слова. «Филологические записки», 1887, вып. 1, 1885, вып. 3—5; А. С. Будилович, Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения, Киев, 1874; Л. А. Булаховский, Курс современного русского литературного языка, т. I, Киев, 1952; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, т. 1, М., изд. 2, 1958; А. Дювернуа, Об историческом наложении в славянском словообразовании, 1957; К. А. Левковская, Словообразование, 1954; С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке. Сб. «Русская речь», новая серия, ч. 1, 1927; А. И. Соболевский, Лингвистические и археологические наблюдения, Спб., 1914; Ив. Леков, Словообразовательные склонности на славянских диалектах, София, 1958; Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа, М., 1953; его же, О словообразовательном анализе имен прилагательных, «Русский язык в школе», 1958, № 1; Н. Ułaszyn, Słowotwórstwo, Gramatyka języka polskiego, Krakow, 1923; W. Doroszewski, Monografie słowotwórcze I—4, Prace fil. XIII, 1928, XIV, 1929, XV, cz I—2, 1931; J. Kurýłowicz, Struktura morfemu, Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Krakow, VII, 1938. 1. I. Коваль НК, Вчення про словотвір, Львів, 1958; его же, Питання слов'янського іменникового словотвору. Львів, 1958; Б. А. Ларин, Словообразование, «Литературная учеба», № 3, 1934; Г. Е. Линник, Образование слов в языке и задачи словопроизводства, «Филологические записки», вып. 1. 1887; S. Peciar, Problematika morfológieho clenenia slovesných tvarov v slovanských jazykoch, Slavia, т. 32, 1953.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА

а) МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ШКОЛЕ

Как известно, работа по словообразованию в школе направлена в первую очередь на ознакомление учащихся с морфологическим составом слов современного русского языка. На уроках, специально посвященных словообразованию, учитель знакомит учащихся с тем, по каким правилам в русском языке создаются (морфологическим путем ¹) новые слова, какие словообразовательные способы и средства существуют в современном языке, как членятся на морфологические части те или иные слова и т. д.

Однако работа по словообразованию в школе может носить и несколько иной, по существу прикладной характер. Очень часто слова разбиваются на морфологические части не для уяснения их морфологического строения и образования, а для того, чтобы знать их правильное написание, лучше уяснить их смысловое значение и стилистические оттенки, их этимологию и т. д. Такого рода работа по словообразованию проводится не только на уроках русского языка, но и на уроках литературного чтения, где она является частью общей работы по обогащению лексики и повышению культуры речи. В этих случаях дается не только словообразовательный анализ слова, но иногда и анализ этимологический.

Словообразовательный анализ слова вскрывает его морфологическое строение и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы русского словообразования. Так как эта система, как составная

¹ Т. е. путем соединения в одно словесное целое основ или основы и каких-либо словообразовательных морфем.

часть грамматического строя, является очень устойчивой, то в подавляющем большинстве случаев установление словообразовательного характера слов оказывается в известной мере и определением их образования, их происхождения, т. е. этимологии.

Для слов с активно производящими основами, с продуктивными словообразовательными элементами этимологического анализа практически не существует: он совпадает в них с разбором словообразовательным. Например, в таких словах, как *норка, кареглазый, резчик, бурный, горнист, выбросить, ледокол, голосистый, садовый, соткать, входить, соавтор, шагая, пригорок* и т. д., установление их словообразовательного строения (*нор-к(а), кар-е-глаз-ый, рез-чик, бур-н(ый), горн-ист, вы-брос-и(ть), лед-о-кол, голос-ист(ый), сад-ов(ый), со-тк-а(ть), в-ход-и(ть), со-автор, шаг-а-я, при-гор-ок* и др.) является одновременно и уяснением их реального образования.

Это же можно сказать и о всех существительных, выделяющих суффикс *-изн(а)* (ср. *белизна, желтизна, отчизна, крутизна* и др.), которые не только выделяют сейчас его в своем составе, но и являются словами, при помощи его образованными.

Это же свойственно глаголам с суффиксом *-ка(ть)*, образованным от разнообразных звукоподражательных слов и местоимений (*якать, таякать, хихикать, мяукать, аукать, каркать, баюкать, хрюкать, тыкать* и т. п.).

Такое совпадение для многих слов словообразовательного разбора с этимологическим объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время такие слова членятся на части так же, как членились в то время, когда появились в русском языке. Это связано с тем, что изменение в морфологическом составе слова наблюдается не во всех словах и отнюдь не является обязательным для всех слов русского языка.

Вместе с тем, производя анализ морфологического состава слова, следует всегда иметь в виду, что большое количество слов за время своего существования в языке изменило свое морфологическое строение.

Поэтому, например, нет никакой гарантии, что слова, ныне корневые, непроизводные, ранее не распались на морфемы, что слова, сейчас каким-либо образом членимые, ранее членились также. Определение словообразовательных связей, существующих между такого рода словами

и другими словами в настоящее время, не будет уже уяснением того, как, от каких слов, при помощи каких способов словопроизводства они возникли.

Для разбора с морфологической точки зрения слов, изменивших по тем или иным причинам свою словообразовательную структуру, большую роль приобретает этимологический анализ.

Различие словообразовательного, с одной стороны, и этимологического, с другой, разбора можно показать, например, на анализе слов *здание*, *жук*, *час*, *смородина*, *окно*, *ужин*, *целовать*, *посетить*, *скрупулезный*, *халатное* (отношение) и т. д.

Если с точки зрения современных словообразовательных связей указанные слова предстают перед нами как слова с непроизводной основой (слова *целовать*, *посетить* выделяют в основе лишь суффиксы *-а-* и *-и-*), то с исторической точки зрения при этимологическом анализе все они оказываются и разложимыми словами с производными основами и вместе с тем словами, сохранившими внутреннюю форму слова, т. е. словами, в которых ясен мотив возникновения их как названий соответствующих предметов объективного мира.

С этимологической точки зрения слово *здание* предстает перед нами как образование от *зѣдати* — строить (ср. *зодчий* — архитектор, древнерус. *зѣдѣ* — «глина», откуда *зѣдати*), при помощи суффикса *-ние*, слово *жук* — как производное с суффиксом **-ко-* от звукоподражательного комплекса *жу*, слово *час* — как слово, возникшее на базе глагольного корня *-ча-* (ср. *чаяти* — ждать, *паче чаяния* — сверх ожидания), осложненного суффиксом **-со-*.

Этимологический разбор приводит нас к выводу, что такими же производными являются и слова *смородина* (с суффиксом *-ина*, от слова *смородѣ* — сильный запах; ср. старославянское *сморѣдѣ*), *окно* (от слова *око* — глаз, с суффиксом *-ѣно*), *ужин* (первоначально — полдник, от слова *угѣ* — юг, с суффиксом *-инѣ*), *скрупулезный* (с суффиксом *-езный*, от слова *скрупул* — название старинной единицы аптекарского веса, равной 1,24 грамма), *халатный* (с суффиксом *-н-*, от слова *халат*).

Такой разбор позволяет нам вскрыть мотивацию называния и невыделяемые с современной точки зрения морфемы в словах *посетить* и *целовать*: *посетить* оказывается образованием с приставкой *по-* и корнем *-сет-* (древнерус-

ское *сеть* — гость), а *целовать* — производным от прилатательного *цѣльъ* — здоровый, невредимый, первоначально обозначавшим не «целовать», а «приветствовать» (ср. современное «здравствуй!»).

Необходимость этимологического анализа для выяснения происхождения и действительной картины образования многих слов, существующих в современном русском литературном языке, определяется зачастую не теми изменениями, которым подверглось их словообразовательное строение, а тем, в качестве каких — исконно русских или заимствованных — появляются они (с соответствующим смысловым значением и морфемной структурой) в нашей речи.

В словообразовательной структуре, например, таких слов, как *дуэль*, *октябрь*, *флигель* и *флюгер*, *небоскреб*, *живопись*, (газетная) *утка*, с того времени, как они появились в русском языке, никаких изменений не произошло.

Этимологическое рассмотрение этих слов для объяснения их образования и происхождения обуславливается их сторонним, заимствованным характером. Оно показывает, что слова *небоскреб* и *живопись* являются словообразовательными кальками (первое с английского слова *skyscraper*, второе — с древнегреческого слова *zōographia*), а слово *утка* (газетная) представляет собой семантическую кальку с французского слова *canard*.

Этимологическое рассмотрение дает возможность установить иноязычное происхождение слов: *октябрь* — из латинского, *дуэль* — из французского, *флигель* и *флюгер* — из немецкого языка.

Знакомство с их значением и употреблением в языке-источнике позволяет выяснить и тот образ, который был положен в основу соответствующих названий: месяц *октябрь* (от *осто* — восемь) по римскому календарю был восьмым месяцем в году; *дуэль* (из среднелатинского *duellum*) восходит к латинскому словосочетанию *duo bellum* и буквально означает «война двух»; слова *флигель* и *флюгер* представляют собой трансформацию немецкого слова *Flügel* в значении «крыло» (от глагола *fliegen* — летать).

Производя на практике этимологический разбор слова, не следует, таким образом, забывать, что его ни в коем случае нельзя смешивать с делением слов на морфемы с точки зрения современных языковых связей и соотношений. Ведь если словообразовательный анализ дает нам картину морфологического состава рассматриваемого слова в настоя-

шем, то этимологический разбор знакомит нас с его прошлым, иногда весьма отдаленным.

Основное методическое правило, которое вытекает из всего изложенного, сводится к тому, чтобы при ознакомлении учеников со словообразованием современного русского языка брать по возможности исконно русские слова, этимологически ясные, и производить только словообразовательный разбор. Этимологический же анализ нужно применять лишь в тех случаях, когда он необходим как вспомогательное средство для орфографических, лексических и т. п. целей.

Следовательно, этимологический анализ в школе никогда не должен быть самоцелью, он всегда должен быть целенаправленным, обусловленным конкретными задачами, связанными с работой по повышению грамотности, языкового чутья и общей речевой культуры. Кроме того, этимологический разбор всегда должен проводиться учителем лишь в той мере, в какой это доступно ученику соответствующего возраста.

Так, в соответствии с изложенным в V—VII классах следует ограничиваться этимологическим анализом непроезженных или производных слов с морфологически ясной и исторически явно составной словообразовательной структурой. Например, этимология слов *понедельник* и *опахало* может быть дана в V—VII классах.

Для того чтобы ученики уяснили ее, необходимо сообщить им лишь старые значения слов *неделя* (которое раньше обозначало «воскресенье, свободный от работы день»: *неделя от не дѣлати*) и *пахать* (оно имело ранее значение «махать», ср. *врукопашную*) и напомнить о значениях предлога *по-* («после»: *по истечении, по прибытии* и т. д. и суффикса *-ло*, образующего слова со значением орудия действия (ср. *поддувало* от *поддувать*, *белила* от *белить* и т. п.).

Что же касается этимологии и родства слов, например, *корова* и *серна*, то для того, чтобы было ясно происхождение и первоначальное словообразовательное строение этих слов, приходится выходить за пределы русского и даже близко родственных славянских языков и привлекать данные по крайней мере из латинского языка. Только сопоставление этих слов (с учетом их фонетических изменений: *корова* < **korva*; *серна* < *сърна* < *sr̥na*) со словами латинского языка (*cornu* — рог, *serva* — лань) вскрывает производный с этимологической точки зрения характер

этих слов, существование в них когда-то корня **kor/svr* и выделявшихся суффиксов *-*да* и *-*na*, а также первоначальное их значение, связанное с образом, положенным в основу названия: «рогатая», «имеющая рога».

Такой этимологический разбор слова, связанный с привлечением не только данных русского языка и его истории, но и фактов близко родственных славянских языков, а в отдельных случаях и других западноевропейских и классических, возможен и целесообразен лишь в специальных кружках для учеников старших классов.

б) ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Выше, при разграничении словообразовательного и этимологического анализа, уже указывалось, что прежде всего отличает их друг от друга.

Словообразовательный анализ представляет собой установление словообразовательной структуры и места слова среди родственных с точки зрения современного языкового сознания. Этимологический разбор, напротив, является определением ранее существовавшего морфологического строения слова и его прошлых словообразовательных связей. Таким образом, этимологический и словообразовательный анализы противопоставлены друг другу прежде всего тем, что первый является средством выяснения прошлого в жизни слова, тогда как второй имеет своей целью объяснить его настоящее.

Но разница между ними не только в этом. Словообразовательный и этимологический анализы не соотносительны и резко разнятся между собой и объемом задач.

Когда слово подвергается словообразовательному анализу, то интересуются лишь его морфологическим строением и составом, но отнюдь не его семантикой как таковой и исконно русским или заимствованным характером.

При разборе со словообразовательной точки зрения слов *подгруппа*, *колоннада*, *подлодка* важно установить, что слово *подгруппа* делится на приставку *под-* и непроезжую основу *групп(а)* и образовано префиксальным способом; что слово *колоннада* представляет собой суффиксальное образование с помощью *-ад(а)* от основы *колонн(а)*; что слово *подлодка* соотносительно со словосочетанием *подводная лодка* и осознается как сложение сокращенной (*под-*) и полной основы (*лодка*) и т. д.

В этом случае специально не рассматриваются другие факты, например, то, что слово *подгруппа* является исконно русским словом, слово *колоннада* — заимствованным из греческого языка, а слово *подлодка* — калькой с французского слова.

Что касается значений слов, то их в данном случае не анализируют, а из них исходят при установлении семантико-словообразовательных связей с другими словами. Предметом словообразовательного анализа оказывается лишь современная морфологическая структура слова.

Этимологический анализ слова не ограничивается определением того, как слово делилось раньше, каким способом и на базе каких слов оно образовано. Его задачи оказываются гораздо более разнообразными и соответственно более сложными.

Конкретно в задачи этимологического анализа слова входит: 1) определение исконного или заимствованного характера слова (с данным значением и структурой), 2) выяснение образа (представления), положенного в основу слова как названия предмета объективной действительности, 3) установление способа образования слова и соответствующей ему производящей основы, 4) реконструкция его старого значения.

При выяснении этимологии слова прежде всего важно установить его происхождение: является ли данное слово исконно русским или же оно заимствовано из какого-либо языка.

Здесь существенно четкое разграничение: 1) иноязычных слов и слов, возникших на основе их в русском языке, 2) этимологического характера частей слова и его реального возникновения в языке как названия, 3) одинаковых по структуре и значению слов разных языков и словообразовательных и семантических калек и 4) языка-передатчика и языка-источника.

Нельзя считать, например, заимствованными слова *ехида*, *спец*, *нигилист* или такие, как *чайник*, *соавтор*, *школьный*, *якшаться*, *известняк* и т. п., имеющие русские словообразовательные элементы. Несмотря на их иноязычные корни, они являются словами русского языка: слово *ехида* возникло в результате усложнения на базе греческого *echidna*; слово *спец* появилось в советскую эпоху как сокращение слова *специалист* (франц. *spécialiste*); слово *нигилист* — как образование от латинского *nihil* — ничто, впер-

вые — в статье Надеждина «Сонмище нигилистов» в первой трети XIX в.

Определяя источник иноязычного слова, надо четко различать этимологический состав того или иного слова от реального возникновения его в языке при назывании явлений объективной действительности. Неправильно, например, было бы, учитывая греческое происхождение частей слов *утопия* и *телефон*, относить их к заимствованиям из греческого языка, потому что как слова они возникли в английском языке: слово *утопия* — неологизм Томаса Мора (XV—XVI вв.), слово *телефон* появилось в конце XIX в.

Требуется четко различать кальки и слова, возникшие как одноструктурные и синонимические в разных языках совершенно самостоятельно (ср., например, слова *выход* и *Ausgang* как аналогичные образования от глаголов *выходить* и *ausgehen*). Для того чтобы слово отнести к калькам, необходимо иметь совершенно определенные факты, говорящие о том, что его структура или значение воспроизводит соответствующий факт иноязычного слова.

Наконец, при определении, из какого именно языка пришло в русский язык то или иное слово, обязательно следует иметь в виду, что слова попадают в нашу речь часто не непосредственно из того языка, в котором они возникли, а через какой-либо другой или другие языки. В ряде случаев при этом в языке-передатчике происходит такая трансформация звуковой оболочки, значения и структуры слова, что в русском языке его приходится уже считать заимствованным не из языка-источника, а из того языка, из которого слово в наш язык поступило.

Было бы совершенно неверным, например, считать, что слово *шифр* является заимствованием из арабского языка, а слово *франт* — из немецкого. С тем звучанием и значением, которое им свойственно, они характерны соответственно французскому и польскому языкам и в русском языке должны определяться: *шифр* как галлицизм, а *франт* как полонизм. Другое дело, что во французском языке слово *chiffre* является заимствованием из арабского языка (*sifr*), а в польском языке слово *frant* не что иное, как переработка немецкого слова *Freund*.

Второй задачей этимологического разбора слова (с которой связаны и две остальные) является определение образа, который был положен в основу названия, почему

данный предмет объективной действительности назван именно так, а не как-либо иначе.

Ответ на этот вопрос очень часто является одновременно ответом на вопрос, от какого слова было образовано анализируемое слово?

В большинстве существующих в современном русском языке слов внутренняя форма слова ясна, хотя имеется немало слов и с неясным этимологом.

Определение внутренней формы слова возможно потому, что слово как название первоначально, при своем возникновении всегда является мотивированным.

Называя тот или иной предмет объективной действительности, люди соотносят его с другими явлениями окружающего их мира. Это приводит к тому, что данный предмет или явление получает наименование путем использования названия других предметов или явлений, в том или ином отношении с ним связанных или соотносительных.

Предметы и явления в результате этого начинают называться по тому или иному признаку, иногда весьма несущественному (по форме, функции, сходству и т. д.), который представлялся достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других. Так, *рыжик*, *черника*, *белок* (яйца) названы по цвету; *метла*, *рыло* (первоначально — *лопата*), *молот* (от *молоть*) — по функции; *кукушка*, *подснежник* — по характерному для них свойству. Признак, положенный в основу названия и составляющий образ слова, его внутреннюю форму, в результате изменений значений, звучания и структуры слова очень часто стирается, название в этом случае становится немотивированным. Все это может приводить к возникновению в языке таких словосочетаний, которые с этимологической точки зрения как бы противоречат логике, или объединяя совершенно различные вещи (*розовое белье*), или тавтологически повторяя одно и то же (*торная дорога*, *силосные ямы*; *тор* — • *дорога*, ср. чешское *tor* — *дорога*, *силос* — из испанского языка, буквально «ямы»).

Все слова с непроизводными основами, некоторые производные функционируют в языке как чисто условные и немотивированные обозначения. Первоначальные представления, образ, положенный в основу, например, таких слов, как *курица*, *забота*, *греча*, *зеркало*, *яровые*, в настоящее время совершенно исчезли, и слова предстают перед нами как условные названия.

Этимологический анализ восстанавливает забытое говорящими. Слово *курица* оказывается производным от слова *кур* (ср. как *кур во щи*) для обозначения особи женского пола. *Кур*, т. е. *петух*, получил название звукоподражательного характера (по крику *кукареку*). *Забота* (ср. северно-великорусское *зобота*) осознается как образование от глагола *зобать* — есть. *Греча* получила наименование по происхождению (из Греции), *яровые* — по времени (от исчезнувшего в русском языке слова *яро* — весна, ср. *ярка*, *поярок*, *Ярило* и др.), *зеркало* (старое — *зерцало*) — по функции (как орудие для «созерцания», видения, ср. глагол *созерцать*).

Для восстановления признака, ставшего основой названия, важнее всего определить то слово, которое послужило базой для образования анализируемого. Тем самым его определение в известной степени ведет к выяснению того, как данное слово было образовано.

При выяснении этого чрезвычайно важного вопроса этимологический разбор слова должен привести нас к реконструкции наиболее древней, насколько это возможно, структуры слова, к определению конкретного слова, на основе которого разбираемое слово образовано, наконец, к установлению действительного способа его образования.

Разбирая слова с этой точки зрения, следует учитывать прежде всего историчность их звучания, структуры и значения, в первую очередь процессы опрощения, переразложения и усложнения основы, а также факты тесного слияния морфем в слове. Совершенно необходимо возникающие на основе всестороннего анализа выводы проверять данными словарей как современного русского литературного языка, так древнерусского, диалектных и других языков.

Анализируя способы образования того или иного слова, важно четко разграничивать один от другого, рассматривая слово во всех аспектах. Будет неверным, например, утверждение, что слова *вожатый* и *закусочная* образовались путем субстантивации соответствующих имен прилагательных, т. е. с помощью морфолого-синтаксического способа словообразования.

На поверку оказывается, что слово *вожатый* (обращает особое внимание на себя уже его структура: суффикс *-ат-* следует за глагольной основой и не имеет присущего ему значения), является существительным с суффиксом *-атай* (ср. у Пушкина: «*Но я молю тебя, поклонник верный*

твой, будь мне возжатаем»), подвергшимся влиянию имен прилагательных на *-ый*. Результатом было переразложение основы в пользу окончания, образование на месте суффикса *-атай* суффикса *-ат-* и включение слова в систему склонений имен прилагательных.

Что же касается слона *закусочная*, то оно создано морфологическим путем, по модели действительно субстантивированных прилагательных женского рода, обозначающих то или иное помещение (*гостинная, прихожая, кондитерская* и т. Д.). Никакого существительного в таком значении оно не определяло и никакого эллипсиса этого существительного не было.

Неправильно будет отнесение к субстантивированным существительным такого слова, как *вселенная*; к причастиям, перешедшим в прилагательные, такого рода слова, как *рассеянный* (человек): оба слова являются кальками с соответствующих греческого и французского слов *oikoumenē* и *distrain*.

Мы совершим ошибку, если современные словообразовательные соотношения между словами *жилище* — *жить* отождествим с реальным образованием первого слова с помощью суффикса *-лиц(е)*. Как указывает устаревшее слово *жило* (ср.: «Почему ты думаешь, что *жило* недалеко?» у Пушкина в «Капитанской дочке»), слово *жилище* образовано посредством суффикса *-ище*.

Определяя старую структуру слова и его производящую основу, следует учитывать все те изменения, которые возможны в слове.

Чтобы было ясно этимологическое родство слов *стежка*, *зга* и *стогна*, необходимо учесть не только фонетические трансформации корня **stbg-* в этих словах, но и изменения семантического и даже орфографического характера. Слово *стыга* (сейчас известно лишь в выражении «ни *зги* не видно») образовало как слово *стежка* (с суффиксом *-ька*), так и слово *стогна* (с суффиксом *-ьна*). После падения редуцированных оно испытало ряд фонетических изменений, отраженных на письме, а именно: упрощение групп согласных (звук *t* был выброшен) и озвончение *c* и *z* перед *g*.

Его производное *стогна* появилось в русском из старославянского языка, причем в несколько ином графическом обозначении, нежели то, которое оно имело ранее, именно с *ъ* вместо *ь* (как результат смешения этих букв в старославянском языке в связи с падением редуцированных):

стѣгна > *стѣгна*. Последнее и дало современное звучание этого слова (ср. аналогичный факт в слове *зодчий*, от глагола *зѣдати*, современное *созидать*). Старое значение слова *стогна* — узкая улица, • переулок (ср. значение «улица» у слова *дорога* в ряде русских диалектов) сменилось новым — «площадь»: «И на немые *стогны* града полупрозрачная наляжет ночи тень» (П у ш к и н).

Чтобы стала несомненным фактом связь слова *набалдашник* с исчезнувшим словом *балдак* (эфес, рукоятка), заимствованным из тюркских языков, необходимо иметь в виду фонетические трансформации в слове, именно закрепление на письме произношения *чн*, как *ин* (ср.: *Столешников переулок*, *Свешников* и т. д.).

При восстановлении картины образования слова *разинуть* нельзя будет не принимать во внимание изменений в структуре слова, связанных с тесным слиянием приставки *раз-* и корня *-зи-*, который, в частности, мы находим в глаголе *зять* (образование по типу *сиять*, *реять*, *сеять* и т. д.).

Естественно, что очень часто для определения первоначальной составной структуры корневых слов приходится прибегать к сопоставлению данных русского языка с фактами других языков. Так, отглагольное происхождение слова *рука* (из **ronka*) проясняется лишь при учете родственных литовских слов: существительного *rankà* (рука) и глагола *renkù* (собираю); образование слова *крупа* с помощью суффикса **-pa-* при сопоставлении его с родственным ему греческим словом *krouō* (ударяю) и т. д.

Так как семантика слов в процессе их употребления в языке с течением времени может меняться и во многих словах сейчас совершенно другая, нежели та, которая характеризовала их раньше, то этимологический анализ слова включает в себя также и определение его старой семантики, именно того наиболее древнего значения, которое возможно установить на основании существующих языковых фактов и их взаимоотношений.

Такое определение старого (иногда чрезвычайно древнего) значения того или иного слова осуществляется, как правило, на сравнительном анализе данных древнерусского и других — славянских и прочих индоевропейских — языков.

Однако в ряде случаев установить его помогает также и всестороннее рассмотрение фактов, бытующих в системе

современного русского языка (как литературного, так и диалектов).

На старое значение слова, употребляющегося в настоящее время с иным значением, могут указывать: 1) значения производных слов и 2) фразеологические обороты, включающие в свой состав анализируемое слово. Использование при этимологическом разборе производных слов оказывается возможным (в связи с мотивированностью в своем возникновении названия) потому, что эти слова были образованы на базе слов с ныне исчезнувшими значениями. Использование с этими же целями фразеологических оборотов связано с тем, что в ряде устойчивых выражений сохраняются не только устаревшие, ныне не употребляющиеся отдельно слова, но и старые значения слов, которые с другой семантикой принадлежат к активному словарному запасу. Разберем на конкретных примерах эти два источника отдельно.

Значения производных слов могут быть использованы для уяснения старого значения слова, от которого они были образованы, только в том случае, если они имеют прозрачную морфологическую структуру и если имеющимся в них словообразовательным элементам свойственно четкое, закрепленное за ними значение.

Привлекаемые для названных целей слова подвергаются в таком случае обязательно морфологическому разбору с исторической точки зрения.

Возьмем к примеру такое слово, как *богатый*. С современной точки зрения оно предстает перед нами как слово с непроемной основой, несоотносительное со словом *бог*. Однако этимологически по своему строению оно явно составное, и суффикс *-ат-* в нем вычленяется совершенно свободно. Суффикс *-ат-* (ср. *рогатый*, *крылатый*, *бородастый* и т. д.), как известно, имеет значение «обладающий чем-либо». Исходя из этого, мы видим, что корню *бог* в слове *богатый* свойственно иное значение, чем слову *бог* как таковому. Учитывая общее значение слова *богатый* (обладающий большим имуществом, богатством) и как бы вычитая из него значение суффикса *-ат-* (обладающий чем-либо, что обозначено корнем), можно прийти к выводу, что корень *бог* в нем имеет значение «богатство», «большое имущество» и т. д.

Этот корень в слове *богатый* лишен религиозной окраски и имеет старое конкретно-бытовое содержание. Отсюда можно сделать заключение, что когда-то (до появления на

Руси христианства) слово *бог* имело значение «богатство», «большое имущество» и именно от него (в таком значении) было образовано слово *богатый*, в отличие, скажем, от слов *богиня*, *богомолье*, *богадельня* (от *бога дѣля* — *ради бога*) и т. д., возникших на базе слова *бог* в сравнительно новом, религиозном значении. О том, что этот вывод правилен, свидетельствует наличие других слов с данным корнем (ср. *убогий* — крайне бедный, приставка *у-* здесь имеет значение отрицания), а также факты других индоевропейских языков (ср. санскритское *bhāgas* — «благо, имущество, счастье»).

То же можно отметить и для слов *грех*, *господь*, первоначально не имевших в русском языке религиозных значений (они были заимствованы из старославянского языка). Старые значения этих слов сохраняются в словах *огрех*, *господин*, *господство* и др.

Слова *краснобай*, *красноречие* указывают на старое, когда-то бывшее у слова *красный* значение «хороший», «красивый» (ср. *краснозем*, *краснокожий*, *раскраснеться* и т. п., образованные уже от слова *красный* как обозначения цвета).

Слова *черепок*, *Черепанов* (ср. диалектн. *черепан* — гончар, горшечник) отражают старое значение слова *череп* — глиняная посуда, горшок, плошка.

Слова *непогода*, *погожий*, *беспутный* свидетельствуют о старых «положительных» значениях слов *погода* и *путь* (слово *погода* обозначало ранее только хорошую погоду, слово *путь* — только хорошую дорогу).

Слово *пятиалтынный* своим значением точно определяет для нас значение слова *алтын* (три копейки), ныне существующего лишь в пословице «Не было ни гроша да вдруг *алтын*».

Слова *разглагольствовать* и *наречие* дают возможность ясно представить старые, ныне исчезнувшие значения слов *глагол* и *речь*: нетерминологическое значение «слово» у слова *глагол* и терминологическое значение «глагол» у слова *речь* (слово *наречие* — словообразовательная калька лат. *adverbium*, т. е. прилаголие).

Слова *средний* и *бремя* сохраняют прежние значения слов *среда* («середина», *средний* — находящийся в середине) и *брать* (— нести, ср. подобное значение в лат. слове *fero*, в греч. слове *ferō* и т. д.).

О старых значениях ряда перечисленных выше слов говорят также и некоторые фразеологические обороты,

имеющие это слово в качестве одного из своих членов (ср.: *с грехом пополам, красная рыба, на миру и смерть красна, плошки да черепки — те же горшки* и т. д.).

О старых, иных, нежели те, которые свойственны им сейчас, значениях слов *виноград* (сад), *неверный* (неверующий), *жир* (богатство), *талант* (монета), *горб* (спина), *стопа* (шаг) говорят такие фразеологические выражения, как *сад-виноград* (ср. путь-дорога, сила-моченька), *с жиру беситься, зарыть талант в землю, гнуть горб перед кем-нибудь* (слово *спина* укрепляется в русском языке как полонизм в XVI в.), *Фома неверный, пойти по стопам* и т. д.

Производные слова говорят не только о старых значениях употребляющихся в настоящее время слов, но и о существовании слов, сейчас уже в русском языке не употребляющихся. Очень часто один этимологический состав слова без привлечения других данных приводит к знакомству с устаревшими словами. Так, простой этимологический разбор слов *персидский, беличий, подаяние, утлый, одеяло* указывает на исчезнувшие из употребления слова *Персида* (старое название Персии), *белица* (старое название белки), *подаять* (подавать), *тло* (дно, ср. *дотла*), *одеять* (одевать) и т. д.

В целях установления старых значений и исчезнувших из литературного языка слов важно также привлечение лексических данных русских диалектов, сохраняющих в отдельных случаях очень древние языковые факты. Так, например, старое значение слова *полено* — расколотое надвое (как образование от *пол* — половина) вскрывается при сопоставлении его с диалектным словом *полоть* — разрушать, раскалывать надвое. Собственное имя *Шульга* раскрывается в своем первоначальном нарицательном значении при сравнении его с диалектным нарицательным *шульга* — левша и т. д.

В свете установленных задач этимологического анализа совершенно ясно, что он (если это возможно) обязательно должен вести к выяснению реального происхождения слова в данном языке, т. е. обязательно должен давать ответ по крайней мере на следующие вопросы: исконно или заимствованно это слово, на базе чего и с помощью какого способа словообразования оно возникло.

В зависимости от характера слова (времени его появления, морфологической структуры и т. д.) такой этимологический анализ может принимать вид то ближней этимологии

(о ней подробно говорилось выше), то дальнейшей этимологии, в последнем случае с широким привлечением разнообразных сравнительно-исторических данных, «новейших открытий в области сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (ларингальной гипотезы, теории структуры морфологических частей индоевропейского слова и т. п.)»¹.

Этимологический анализ не всегда, однако, может привести к выяснению реального происхождения слова (ср. например, характер этимологий слова *площадь* и слова *три*). Лингвистическая археология древних по происхождению слов нередко дает возможность установления лишь родственных связей слова, а не его действительного происхождения. «Сплюшь и рядом нам удастся только довести генетические связи слова до определенного предшествующего этапа (скажем, до языка-основы), не раскрывая до конца, почему и откуда оно возникло»².

Довольно распространенным является мнение, что объектом этимологического анализа могут служить только слова, пережившие процесс полного опрошения своей основы и осознающиеся сейчас как исконно корневые.

Однако это мнение нельзя признать правильным. Объектом этимологического анализа являются все слова лексической системы языка, словообразовательный анализ которых не дает ответа на то, каково их происхождение (независимо от степени их «прозрачности»).

В качестве слов, требующих этимологического анализа, выступают тем самым такие слова, которые или не являются исконными в данной лексической системе языка (заимствования, словообразовательные и семантические кальки), или деэтимологизировались и изменили свою морфологическую структуру.

Не требуют этимологического анализа лишь исконно русские слова, о происхождении которых ясно говорит словообразовательный анализ, устанавливающий их морфологическую структуру и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы

¹ О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии, «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 21.

² В. И. Абаев, О принципах этимологического словаря, «Вопросы языкознания», 1952, № 5, стр. 288.

словообразования (ср. слова *тигрица*, *атомный*, *соавтор*, *сформировать*, *медсестра* и т. п.).

В соответствии с этим должны этимологизироваться, например, по только корневые слова *лень*, *золото*, *взять*, *знать* и пр., по и явно производные *лентяй*, *новичок*, *павлин*, *знахарь* и т. д., не только слово *целый*, но и слова *целебный*, *целовать*, *целиком*, *целовальник*, *целить*, *целомудрие*, *целковый*, *целостность*¹ и т. д.

Необходимость этимологического объяснения для того или иного слова определяется не тем, какова его современная морфологическая структура (она может быть самой различной), а тем, какой была его реальная история в данном языке.

Этимологического объяснения требуют: 1) все исконно русские слова, имеющие в настоящее время непроизводную основу; 2) все исконно русские слова с производной основой, пережившие деэтимологизацию или изменение своей морфологической структуры; 3) все заимствованные слова, независимо от характера словообразовательной структуры их основы; 4) все словообразовательные и семантические кальки.

Этимологизирование всех указанных разрядов слов предполагает обязательный учет закономерностей фонетических соответствий, семантических переходов и исторических данных. Но особенно важным в работе по этимологии является учет наличных и существовавших словообразовательных моделей и типов.

«Чтобы дать этимологию слов со стороны формальной, необходимо иметь в виду,— пишет В. Пизани,— нормальные способы образования слов и их значение в отдельных языках, а также знать, какие типы словообразования возможны в условиях соответствующего места и времени»².

Поэтому при научном этимологизировании объясняемое слово всегда должно быть поставлено в определенный словообразовательный ряд. Это должно быть основным правилом этимологического анализа³. Указанное правило объясняет большое значение для совершенствования и выработки

¹ Калька В. Г. Белинского немецкого слова *Ganzheit* едва ли не впервые встречается в его рецензии 1839 г. на статью Юдицкого «Способ к распространению шелководства».

² В. Пизани, *Этимология*, М., 1956, стр. 104.

³ Об этом см. нашу статью «Принципы построения нового этимологического словаря русского языка», *«Вопросы языкознания»*, 1959, № 5.

методов этимологического исследования работ по историческому словообразованию, в частности по созданию индекса словообразовательных морфем и моделей, характерных для различных периодов развития русского языка.

Изолированный анализ слова вне словообразовательного ряда, к которому оно принадлежит, всегда может повести (вместо вскрытия реальной этимологии) к умственной эквилибристике и несближаемым сближениям.

Особенно важным в связи с работой по этимологии русского языка оказывается изучение 1) нерегулярных служебных морфем (о них см. стр. 56—59) и сопровождающих словообразовательные процессы чередований (*кот — кошка, сват — сваха, паук — паутина, струхнуть — струсить, баран — барашек, скептик — скепсис* и др.) и 2) словообразовательных, фонетических и семантических фактов русской диалектологии и ономастики.

Из литературы по общим вопросам этимологии см.: В. П и з а н и, Этимология, М., 1956; Г. Ш у х а р д т, Этимология и исследование истории слов. «Избранные работы по языкознанию», М., 1950; М. М. П о к р о в с к и й, Семасиологические исследования в области древних языков, М., 1896; Л. А. Б у л а х о в с к и й, Деэтимологизация в русском языке. «Труды института русского языка», 1, изд. АН СССР, 1949; А. А. Б е л е ц к и й, Принципы этимологических исследований, Киев, 1950; В. В. В и н о г р а д о в, О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, вып. 3, 1953; Н. М. Ш а н с к и й, Принципы построения нового этимологического словаря русского языка, «Вопросы языкознания», 1959, № 5; О. Н. Т р у б а ч е в, Принципы построения этимологических словарей славянских языков, «Вопросы языкознания», 1957, № 5; А. М е й е, Общеславянский язык, М., 1951; В. И. А б а е в, О принципах этимологического исследования, сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», изд. АН СССР, М., 1956; L. Z a w a d o w s k i, Etymologie et valeur étymologique des mots, Biuletyn polskiego towarzystwa jazykoznawczego, Kraków, XIV, 1955; A. D a r m e s t e t e r, La vie des mots, Paris, 1886; V. M a c h é k, Zásady pro komposici etymologických slovníků slovanských jazyků, československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, Praha, 1958; F. r. S ł a w s k i, Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim, Z polskich studiów slawistycznych, Warszawa, 1958; E. B e n v e n i s t e, Problèmes sémantiques de la reconstruction, Linguistics Today, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954.

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Подобно всякому другому языку, русский язык как средство общения является языком слов. Из слов, выступающих отдельно или в качестве целых выражений, формируется при помощи грамматических правил и законов предложение. Словами в языке обозначаются конкретные предметы и отвлеченные понятия, выражаются человеческие эмоции и ощущения.

Тем самым в языке слово выступает в качестве основной его единицы. Несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, несмотря на яркие признаки, ему присущие, оно очень трудно поддается определению. Это объясняется многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения (ср.: *стол, доброжелательность, писать, черный; при, так как, лишь, вероятно; брысь! ох!* и т. п.)¹ Именно поэтому прежде всего в лингвистике до сих пор нет исчерпывающего определения слова, хотя определить его (с разных точек зрения и с различных лингво-идеологических позиций) пытались очень многие².

Учитывая специфические свойства слова в ряду других языковых единиц, его можно определить как фонетически и структурно-грамматически оформленную воспроизводимую единицу языка, соотносительную с отдельным предметом мысли или чувства; в отличие от морфемы слово вы-

¹ См. об этом в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (М., 1947, стр. 8 и след.).

² В числе последних работ, в которых имеются попытки решить эту проблему по-новому по отношению к русскому языку, следует назвать статьи А. И. Смирницкого «К вопросу о слове» (Сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952) и М. В. Панова «О слове как единице языка» («Ученые записки МГПИ им. Потемкина», 1956, т. 51, вып. 5).

ступает как элемент предложения (морфема существует лишь в слове); в отличие от фразеологического оборота, семантически эквивалентного слову, слово имеет, если оно не является безударным, одно основное ударение.

Однако, как и другие существующие определения слова, такое определение будет не совсем точным и определенным без конкретной характеристики слова в ряду других языковых единиц.

Действительно, специфические черты слова в русском языке лучше всего можно представить, сопоставляя его с другими языковыми единицами. Кроме слова, такими в языке являются морфема, фразеологический оборот, свободное сочетание слов (предложно-падежная форма и словосочетание) и предложение.

Всех их объединяет свойство присущей им значимости, совершенно не характерной для фонемы, представляющей собой звук, служащий для различения звуковых оболочек слов и морфем.

Однако наряду с общим признаком все они имеют специфические признаки, отличающие их друг от друга.

В качестве основных признаков слова как такового можно назвать следующие, в своей совокупности свойственные только слову: 1) воспроизводимость, 2) постоянство звучания и значения, 3) непроницаемость, 4) структурно-грамматическая оформленность, 5) преимущественное употребление в качестве элемента предложения или предложения, 6) обладание одним основным ударением или неударность.

При этом, естественно, следует иметь в виду, что для того, чтобы нечто можно было охарактеризовать как слово, необходимо, чтобы оно удовлетворяло всем перечисленным выше признакам, так как отдельными из них обладают и другие языковые единицы. Конечно, при этом нельзя забывать и наличия в языке в каждый момент его развития переходных и смежных явлений.

Одним из основных свойств слов является их воспроизводимость, заключающаяся в том, что слова не творятся в процессе общения, а воспроизводятся как готовые значимые единицы. Все слова, существующие в системе русского языка, независимо от сложности их состава и структуры (*или, дом, брать, оборонительный, диван-кровать* и т. д.) не создаются в процессе речи, а воспроизводятся в качестве целостных единиц. Этим они резко отличаются от сво-

бодных сочетаний слов и подавляющего большинства предложений, образуемых говорящими во время общения. Правда, здесь следует сделать две оговорки.

Во-первых, воспроизводимостью обладают только реальные слова языковой системы. Ее не имеют не освоенные языком контекстуальные новообразования, т. е. индивидуально-художественные неологизмы типа *желтоглазье* Н. Асеева, *ледяноплечий* Тихонова, *тюрьмовед* Чехова, *кюхельбекерно* Пушкина и т. п. Эти последние могут быть названы потенциальными словами¹, поскольку вне определенного речевого контекста они в языке не употребляются (о них подробнее см. ниже, стр. 239 и след.).

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что воспроизводимостью обладают и некоторые разряды предложений (например, безличные предложения типа *светает, тошнит; спокойной ночи, конечно, нет* и т. д.). Это объясняется тем, что отдельные слова и фразеологические обороты являются не номинативными единицами, а номинативно-коммуникативными. Синтаксические функции и свойства такого рода слов оказываются неразрывно связанными с их семантикой. Это, собственно, слова с синтаксически-обусловленным значением (о нем см. ниже, стр. 156).

Воспроизводимостью слова определяются многие его свойства, в частности постоянство его звучания, значения и структуры, а также непроницаемость.

Слово всегда выступает как определенный звуковой комплекс, имеющий то или иное значение.

Почти все слова являются целостными единицами, внутри которых вставки невозможны. Правда, отдельные группы слов оказываются проницаемыми, но 1) их очень немного, а 2) проникают в полнозначное слово в таком случае лишь слова служебные (ср. примеры акад. В. В. Виноградова: *нездоровится — не очень здоровится, никто — ни у кого и др.*)².

Только что указанные свойства слова, четко отграничивая его от предложения и сочетания слов (словосочетания и предложно-падежной формы) в одинаковой степени присущи, однако, не только словам, но также морфеме и фразеологическим оборотам.

От морфем слова отличаются своей структурно-грамма-

¹ О потенциальных словах см. также А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, § 15—18.

² В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 10.

тической оформленностью, тем, что это структурные единицы, имеющие определенные грамматические свойства. Последнее совершенно не характерно для морфем, являющихся мельчайшими значимыми единицами языка, строительным материалом для этого структурно-грамматического оформления слова.

Слово выступает всегда как лексико-грамматическое единство. Что касается морфемы, то она или является лишь указанием на определенное лексическое значение, или же несет определенные грамматические функции.

В качестве значимых частей морфемы употребляются лишь в слове, в то время как слово обычно выступает, если не является одновременно предложением (см. выше), в составе предложения. Это определяет постоянное и определенное местоположение морфем в слове (ибо слово воспроизводится) и относительную свободу слова в предложении (ибо предложение создается).

Последнее свойственно не только для самостоятельных слов, но и для служебных.

Сказанное о сфере бытования слов требует известной оговорки. Дело в том, что слова как структурно-грамматически оформленные единицы языка могут употребляться не только в качестве элемента для построения предложения, но и в качестве составных частей слова (ср. *платье-костюм, вагон-ресторан, чуть-чуть, пятьсот* и др.). ..

Это значит, что в некоторых случаях слово членится не на морфемы, а на слова, способные употребляться и отдельно, однако в этом слове, несмотря на различную структурно-грамматическую оформленность, эти слова образуют единое целое.

От словосочетаний такого рода слова отграничиваются не только тем, что они, соотносительны с отдельным предметом мысли или чувства, но и фонетико-акцентологически: слова типа *кафе-закусочная, восемьсот* имеют ОДНО основное ударение (первый компонент имеет лишь побочное ударение), в словосочетаниях типа *товарищ Власов, двадцать миллионов* в акцентологическом отношении слова не различаются (т. е. каждое слово имеет свое основное ударение).

Фонетико-акцентологический фактор оказывается решающим и тогда, когда приходится разграничивать слова и отдельные разряды фразеологических оборотов.

Подавляющее большинство фразеологических оборотов отличается от слов довольно четко и ясно. В самом деле, слова, как правило, являются образованиями, не имеющими в своем составе частей, которые могли бы употребляться самостоятельно. Они делятся (если не представляют собой корневых слов, не обладающих формами словоизменения) на морфемы, реально существующие лишь в слове (ср.: *по-дорож-ник*, *пис-а-тель* и т. д.).

Что же касается фразеологических оборотов, то они в отличие от слов состоят не из морфем, а из целых слов со свойственными им формами словоизменения (например: *уразбитого корыта*, *хоть пруд пруди*, *кровь смолоком* и др.).

Слова, составляющие фразеологические единства, сочетания и выражения, имеют яркую семантическую и фонетико-морфологическую самостоятельность¹. Поэтому такие фразеологизмы отграничиваются от слов без затруднений.

Значительно более трудным в ряде случаев оказывается разграничение слова и фразеологического сращения, целостного оборота, в котором слова семантической отдельности не имеют.

Особенно близкими к фразеологическим сращениям оказываются слова, образовавшиеся с помощью лексико-синтаксического способа, т. е. в результате слияния сочетаний слов в одно слово: *сегодня*, *тотчас*, *чтобы*, *заблагорассудится*, *восвояси*, *намедни*, *втридорога*, *Новгород* и т. п.

Именно здесь наиболее важную роль приобретает фактор фонетический, прежде всего акцентологическое оформление соответствующего языкового факта. Необходимо при этом учитывать традиционность многих наших отдельных написаний, сейчас уже совершенно не отражающих наблюдаемое лексическое членение речи.

Для научного решения вопроса — слово это или фразеологическое сращение — нужно прежде всего преодолеть то магическое влияние, которое иногда в таком случае оказывает орфография. Думается, что определяющим фактором при разграничении слова и фразеологического сращения будет характер ударения, наблюдаемый в анализируемом явлении.

Если перед нами одно основное ударение — это слово, если два или более — фразеологическое сращение.

¹ Об этом см. нашу статью «Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов», «Русский язык в школе», № 3, 1957.

Так как, стало быть и т. п. должны быть охарактеризованы как слова, а не фразеологические сращения, не смотря на наличие слов *так* и *как, стало* и *быть*.

Так как и *стало быть* не только представляют собой неразложимое семантическое целое, но и имеют одно основное ударение, как одиночное самостоятельное слово: никакой разницы в этом отношении между словами *сегодня, тотчас* и *так как, стало быть* нет. Разница носит чисто орфографический характер. Напротив, *семя и овамо, ничтоже сумняшеся, паче чаяния*, включающие в себя не существующие сейчас в языке слова, должны быть признаны фразеологическими сращениями, не словами, а оборотами, в силу того, что они имеют два основных ударения, делятся на два речевых такта (ср. аналогичное явление в оборотах *собаку съел, как пить дать* и т. п.).

Несоответствие орфографии лексическому членению речи затрудняет в ряде случаев также отграничение слов от предложно-падежной формы.

При решении вопроса, слово это или предложно-падежная форма, следует исходить из того, что предложно-падежная форма представляет собой свободное сочетание предлога и существительного. В нем и предлог, и падеж имени имеет свое, вполне определенное значение, из которых и складывается семантика предложно-падежного сочетания. Между предлогом и существительным вполне возможны вставки прилагательного, причастия или местоимения (ср. *от станции — от большой станции, в окно — в открытое окно, с отцом — с твоим отцом, перед автомобилем — перед остановившимся автомобилем* и т. д.).

В силу этого, несмотря на раздельное написание, *в голос, без ног, на слух, в упор, на отлете, на ять* следует признать целостными словами. Все эти слова не только не допускают вставки определения между «технически» осознающимися предлогом и падежом существительного, но и не имеют прямой семантической связи с их значениями.

Особенно ярко лексическая целостность таких слов, изображаемых на письме по традиции как два слова, проявляется в двух случаях. Во-первых, тогда, когда «чувствуемое» существительное как самостоятельное слово, имеющее присущие существительному лексико-грамматические категории, нигде более не встречается. В современном русском языке нет существительных *панталык, упад, всеуслышание, просып, умолк, избежание, обиняк, скок, зарез*, нет

и предложно-падежных форм с *панталыку, до упаду, без просыпу, во всеуслышание, без умолку, во избежание, без обиняков, на скаку, до зарезу*. Есть целостные лексические единицы, слова, относящиеся к категории наречий.

Во-вторых, тогда, когда ударение оказывается перенесенным на первый слог слова, т. е. на бывший предлог (ср. *дó смерти, нѐ слово, нѐ дом* и т. д.).

В написаниях *вовремя, дотла, насмерть, впросак* и *во избежание, до упаду, на скаку, в угоду* и т. д. наблюдается не разница в структурно-семантических свойствах этих фактов (все они являются словами), а различное графическое изображение однотипных по значению и строению наречий.

Естественно, что раздельно написанные слова следует четко отграничивать от омонимичных предложно-падежных форм.

Следует учитывать также, что в языке существуют и переходные явления между словом и предложно-падежной формой, где семантическая слитность сосуществует с известной проницаемостью (ср. *на беду — на мою беду, на ходу — на полном ходу, до свидания — до скорого свидания, на днях — на этих днях* и т. п.).

Нередко, определяя слово как основную единицу языка и в связи с этим пытаясь установить четкие признаки, отграничивающие его от других языковых единиц, указывают на номинативную функцию слова.

В таких случаях не учитывается, однако, многообразие лексико-грамматических типов слов. Дело в том, что не все слова являются одинаково функциональными. Во-первых, имеются слова, назывной функцией не обладающие. Такими являются, например, слова служебные, которыми, собственно говоря, как и морфемами, выражаются понятия. Во-вторых, есть слова, в лексико-грамматической структуре которых назывная функция сливается с коммуникативной (слова типа *светает, да, жаль* и т. п. и называют и сообщают).

Кроме того, номинативная функция в известной степени характерна также и для словосочетаний и предложений.

Некоторыми исследователями русского языка в качестве основного свойства слова указывается фразеологичность. М. В. Панов пишет: «То, что фразеологично — слово», «между частями слова или несвободная, фразеоло-

гическая зависимость, или же оно вообще не членимо на части»¹.

Такое качество, действительно, присуще многим словам, однако далеко не всем. Многие разряды слов обладают такими лексическими значениями, которые целиком выводятся из значений, составляющих эти слова морфем, и никакой «фразеологичности» не содержат.

Такими, например, качествами обладают многие слова на *-ость*, большинство отглагольных существительных, образованных с помощью суффикса *-ние (-ение)*, значительная часть наречий на *-и*, основная часть отыменных глаголов на *-ить* и т. д.

Кроме того, несвободная связь между частями в такой же степени присуща и большей части фразеологических оборотов. Поэтому свойство фразеологичности также не может быть признано основным признаком для слова.

Определить слово как основную единицу языка можно только с учетом всего присущего ему комплекса свойств, ибо именно сочетанием этих свойств оно отличается от других языковых единиц¹. Типичные для слова свойства в отдельности могут быть не менее характерными и для морфемы, фразеологического оборота, словосочетания, предложно-падежной формы и даже предложения.

Для того чтобы яснее представить себе слово как основную языковую единицу, необходимо познакомиться с тем, что оно представляет собой как определенное структурное целое и значимый элемент языковой системы.

Кроме работ, указанных в сносках ранее о слове как основной единице языка см. также: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, Учпедгиз, 1957; Р. А. Б у д а г о в, Слово и его значение, Л., 1947; В. В. В и н о г р а д о в, О формах слова. «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1944, вып. 1; Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностранные языки в школе», 1952, № 2; А. М. П е ш к о в с к и й, Понятие отдельного слова. Сборник статей, М.—Л., 1925; П. С. П о п о в, Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления, «Вестник МГУ», 1954, № 4; О. С. А х м а н о в а, Еще к вопросу о слове как основной единице языка, «Вестник МГУ», 1955, № 1; А. И. С м и р н и ц к и й, К вопросу о слове (Проблема отдельности слова). Сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952; А. И. С м и р н и ц к и й, К вопросу о слове (Проблема тождества слова). «Труды И. Я. АН СССР», 4, 1954; А. И. С м и р н и ц к и й, Лексическое и грамматическое в слове. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

¹ М. В. П а н о в, указ. статья, стр. 163—164.

РУССКОЕ СЛОВО КАК СТРУКТУРНОЕ ЦЕЛОЕ

а) МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОВА

Выступая в языке в качестве его основной значимой единицы, слово предстает перед нами всегда как определенное структурное целое, так или иначе соотносительное по своему строению с другими словами.

Тот или иной структурный характер слова, который оно в настоящее время имеет, объясняется как его значением и грамматическими свойствами, так и отчасти его экспрессивно-стилистической окраской, употребляемостью и происхождением.

Особенно важным является в этом случае специфика свойственных слову значения и грамматических свойств, принадлежность его к словам, имеющим как лексическое, так и грамматическое значение, или, напротив, к словам, которые лексическим значением не обладают и собственно номинативной функции в связи с этим не имеют.

Служебные слова, междометия и модальные слова выступают как слова, форм словоизменения не имеющие. В связи с этим такие слова всегда представляют собой в структурном отношении чистую основу (*от, до, насчет; ибо, а, так как; вот, только, дескать; Ага! Ох! Дудки! безусловно, кажется* и т. д.).

Что касается полнозначных слов, то подавляющее большинство их выступает в качестве слов, имеющих богатую и разветвленную систему форм словоизменения. В связи с этим они в структурном отношении оказываются составными, заключая в себе не только основу (выражающую лексическое значение слова и указывающую на его несинтаксические формы), но и окончание (служащее для выражения синтаксических свойств слова в предложении).

Среди самостоятельных (или полнозначных) слов, т. е. слов-названий, формами словоизменения не обладают и, следовательно, на основу и окончание не распадаются только наречия (*здесь, направо, наедине, по-прежнему, зря* и др.), слова категории состояния (*жаль, налицо, страшно* и др.) и в качестве особой формы глагола деепричастия (*любясь, стуча, осветив* и пр.).

Не имеют в нормированной литературной речи форм словоизменения также и немногочисленные имена существительные, в основном иноязычного происхождения.

Особую группу среди них составляют отдельные существительные, оканчивающиеся на гласный звук (ср. *пальто, такси, денди, кенгуру, декольте* и т. п.).

В такого рода словах конечный гласный, не представляя собой настоящего окончания, т. е. части слова, указывающей на отношение данного слова к другим словам, вместе с тем не является также неотъемлемой принадлежностью основы и осознается в ряде случаев как нечто подобное окончанию.

Это проявляется в том, что при образовании от такого рода слов с помощью суффиксов производных (в силу аналогического воздействия склоняемых существительных и характерного способа присоединения суффиксов при образовании слов от существительных) конечный гласный звук нередко отбрасывается как обычное окончание (ср. *письмо — письмецо* и *пальто — пальтецо, овца — овцебык* и *такси — таксомотор, сосна — сосновый* и *кенгуру — кенгуровый* и т. д.).

Слова этого структурного типа занимают промежуточное положение среди слов, представляющих собой чистую основу, и слов, разлагающихся на основу и окончание: являясь словами с чистой основой при склонении, они, однако, распадаются на основу и окончание при образовании слов и форм субъективной оценки. Такое явление наблюдается в несклоняемых существительных на гласный звук не всегда. Иногда при образовании от них производных основа наращивается согласным звуком / (*шоссейная, купейный, кофейник* и др.), иногда основа берется как она есть (ср. *кино — киношник* по аналогии с образованиями типа *вчера — вчерашний* и т. д.).

В ряде случаев фонетически выраженного окончания не имеют и слова, имеющие формы словоизменения, т. е. распадающиеся на основу и окончание.

Это наблюдается, однако, лишь в отдельных формах таких слов, которые в других формах его имеют (*стол, ткань, солдат, туч, сер, писал, пять* и т. д.). При этом принято говорить о «нулевом» окончании, так как чистая основа *стол*, в отличие от чистых основ *без, лишь, вчера* и т. п., выступает на фоне форм с окончанием (*стола, столу, столом, столам, столах* и др.) и воспринимается как соотносительная им форма.

Право говорить о нулевом окончании в данном случае дает и история слов типа *сушь, добр* и др., первоначально представлявших (в той же соотносительной системе) составное единство из основы и окончания *ь* или *ь*.

Следует иметь в виду также и то, что выделяющееся в словах, имеющих формы словоизменения, окончание может выступать в ряде случаев не только как формообразующая морфема, но и как словообразовательный элемент (ср. окончания в словах *безбородый, рева* и т. п.).

Естественно, что чистая основа в словах, имеющих в подавляющем большинстве своих форм окончания, не является идентичной чистой основе слов, форм словоизменения не имеющих.

Если в последних чистая основа является единственной формой их существования в качестве определенного значимого факта, имеющего те или иные лексико-грамматические свойства, то для слов, обладающих словоизменением, она — лишь одна из нескольких присущих им форм.

Еще более ясно различие между чистой основой и основой, за которой следует то или иное окончание: последняя воспринимается как единица, самостоятельно не употребляющаяся в речи, а выступающая как одна из частей слова как определенного структурного целого.

Как видим, слова современного русского языка могут представлять собой как чистую основу, так и основу с окончанием.

Но и чистая основа, и основа, образующая слово вместе с окончанием, могут быть различными по своему характеру: в одних словах они предстают перед нами как **н е р а з л о ж и м о е** целое (*под, там, берег, синий, несу* и т. п.), в других — как целое составное (*по-дружески, холодок, старательный, забросить, паровозостроение* и др.), складывающееся из отдельных значимых частей, морфем.

Основы, делимые на морфемы, называются **п р о и з в о д н ы м и**. В составе производных основ обязательно выде-

ляется не производная основа (иначе называемая корнем) и те или иные служебные морфемы.

Если в составе производной основы находится одна непроизводная основа, перед нами — простое слово (*очаровательный, заземлить, опровержение, хорошенько* и др.). Если она включает в себя две или более непроизводные основы, перед нами — сложное слово (или **СЛИТНОЕ**: *головокружение, грязеводолечебница, аэрофотосъемка, зоосад, вуз* и т. д., или **СОСТАВНОЕ**: *диван-кровать, кафе-молочная* и др.).

Разграничивая простые и сложные слова, следует иметь в виду, что не всякое сложное по составу слово является сложным по своему образованию: имея в своей производной основе две или более непроизводные основы, слово может быть образовано и при помощи других способов словообразования, не только при помощи сложения (подробнее см. ниже).

Среди служебных морфем в словах с производной основой в современном русском языке выделяются прежде всего **суффиксы, приставки и соединительные гласные**.

Кроме этих основных морфем, в отдельных структурных типах слов наблюдаются также **словоэлементы** (*полу* в *полуобморок*, *-вед* в *языковед*, *-вод* в *пчеловод*, *-образный* в *порошкообразный*, *-видный* в *шаровидный* и т. д.) (о них см. ниже).

Инфикса в современном русском языке как особой образующей морфемы, вставляемой внутрь корня, нет, не было его в русском языке и в восточнославянскую эпоху его развития.

Отдельные случаи образования с помощью инфикса *-н-* глагольных форм наблюдались лишь в общеславянском; языке-основе (ср. *сяд-у*, *-ешь*, *-ет* и т. д. из **send-*, образованное от *sed-* посредством инфикса *-н-*).

Как непроизводная основа, так и служебные морфемы выступают в составе производных основ, образуя определенную систему взаимосвязанных и соотносительных друг с другом значимых частей.

Структурный характер какого-либо конкретного слова в связи с этим определяется не только его морфемным составом, т. е. наличием в нем тех или иных морфем, но и их словообразовательной спецификой, значением и соотношениями друг с другом.

Естественно поэтому, что морфологическая структура таких пар слов, как *нигде* и *незачем*, *просторечие* и *пароходство*, *гребец* и *вдовец*, *обежать* и *овдоветь*, *беловатый* и *мешковатый* и т. д., будет различной.

При одинаковом составе (например, в первой паре оба слова состоят из приставки и чистой основы, во второй паре оба слова имеют два корня, соединительную гласную о, суффикс и окончание, в третьей паре оба слова членятся на непроеизводную основу, суффикс и нулевое окончание и т. д.) в указанных словах наблюдаются и их разное значение, и их различный словообразовательный характер, и особая в каждом случае связь морфем друг с другом.

Морфемы в составе простых слов следуют друг за другом в строго определенном порядке и перемещаться не могут.

В сложных словах, образованных сложением или сложно-суффиксальным способом, в очень редких случаях перестановка корневых морфем как будто возможна (ср.: *полководье* — *водополье*, *блюдолиз* — *лизоблюд*, *зубоскал* — *скалозуб*, *управдом* — *домоуправ*, *воронограй* — *грайворон* и др.). Однако она наблюдается лишь относительно слагаемых основ в целом и не касается местоположения их частей, следующих в обычном порядке.

Кроме того, в ряде такого рода слов перестановка основных морфем является только кажущейся: параллельные слова, состоящие из одних и тех же морфем, или являются самостоятельно возникшими по отношению друг к другу образованиями (например, *домоуправ* и *управдом*), или представляют собой результат метатезы (например, лит. *медведь* и диалектн. *ведмедь*).

Морфемы в составе русских слов имеют не только постоянное местоположение, но и закрепленный порядок следования одной морфемы за другой.

Приставка, если она в слове имеется, находится всегда до непроеизводной основы (или непосредственно перед ней, или перед Другой приставкой).

Соединительные гласные *о/е* располагаются всегда между соединяемыми основами или словами.

Суффиксы всегда стоят после непроеизводной основы или непосредственно, или после другого суффикса, но, как правило, — перед окончанием.

Окончание обычно замыкает морфемный состав слова.

Случаи, когда наблюдаются значимые части слова после

окончания, немногочисленны и касаются отдельных пофлексийных суффиксов (-ся, -ка, -те и др.: *берусь, зайдем-ка, вспомним-те* и т. д.).

Естественно, что окончания могут наблюдаться и перед суффиксом в том случае, если членимое целое представляет собой по образованию суффиксацию словосочетания (*отсебятина, потусторонний* и т. д.) или сращение словосочетания в слово (*умалишенный, сумасшедший* и пр.). В таком случае это будут окончания не анализируемых слов, а тех, от которых или на базе которых анализируемое образовано.

Что касается словоэлементов, то они возможны как до, так и после непроемной основы, но в зависимости от этого приобретают то префиксальный, то суффиксальный характер семантики и употребления.

Образующие русское слово морфемы составляют слитное целое, иногда настолько тесно, что выделение и определение составляющих его морфем оказывается в ряде случаев затруднительным и сложным. Несколько примеров.

Чрезвычайно тесное слияние приставки и непроемной основы (при четком осознании той и другой морфемы) можно наблюдать в словах *приду, архиерей, разину*, в которых звуки *и* и *з* одновременно являются принадлежностью как непроемных основ *ид-*, *иерей*, *зи-*, так и приставок *при-*, *архи-*, *раз-*.

Такое же «взаимопроникновение» элементов непроемной основы и суффикса можно отметить в глаголе *пнуть* и существительном *бесkozyрка*, где *н* и *к* являются как принадлежностью корней *пн-* и *kozyрк-* (ср. *пинать*, *kozyрек*), так и суффиксов *-ну-* и *-к(а)* (ср. *толкнуть*, *безрукавка*). Еще более тесное слияние морфем наблюдается в инфинитивах на *-чь* (типа *печь, мочь, стеречь, беречь, стричь, течь* и др.), в которых в звуке [ч'] объединены в одно целое конечный согласный корня [к] или [г] и инфинитивный суффикс [т'].

Нередко *-чь* в глаголах указанного типа рассматривается как особый суффикс инфинитива, подобный суффиксу *-ть* (*-ти*). Такая трактовка глагольного *чь* является неправильной: придерживающиеся этого толкования не учитывают ни семантико-словообразовательных связей и соотношений, существующих в настоящее время между разными основами глагола (например, *пеку* — *пекла* — *печь* и т. п.), ни наличных сейчас чередований при образовании форм и слов, ни, наконец, истории возникновения конечного *-чь*.

Тесное слияние ^{*}конечного с непроизводной основы *бизнес* и начального -с суффикса *-мен* (являющегося по происхождению объединением соединительного согласного -с и суффиксоида *-мен*) наблюдается в слове *бизнесмен* (ср. *спортсмен, яхтсмен, рекордсмен*).

Примеры такого рода фузийности морфем можно легко увеличить.

Именно этой тесной слитностью морфем в составе слова наряду с другими причинами объясняется та семантическая нечеткость и фонетическая невыразительность, которые оказываются иногда характерными как для служебных, так и для корневых морфем (ср. *обуть, пройти, ветвь, смерть* и т. п., подробнее см. ниже.).

В подавляющем большинстве случаев в пределах одного слова одинаковые морфемы не повторяются. Однако в отдельных словах такого рода повторение все же можно наблюдать. Так, например, в словах *жалостливость, злость, безжалостность, жизнерадостность, целостность, тягостность* содержится два раза суффикс *-ость*, в слове *вековечный* — два раза корень *век*, в словах *разойтись, запропасться*—два раза суффикс инфинитива, в слове *поверхностность*—двараза суффикс *-н-* и суффикс *-ость* и т. д.

б) ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ МОРФЕМ

Все выделяющиеся в слове части имеют ту или иную семантику: непроизводная основа выражает основное лексическое значение слова, а остальные морфемы (их называют служебными морфемами, или *а ф ф и к с а м и*)—дополнительные лексические и грамматические значения.

Значение, присущее морфемам, может быть свободным или связанным.

С в о б о д н ы м значением следует назвать такое, которое четко выявляется в морфеме как таковой. Оно имеет себе аналогию в прямом, номинативном значении слова.

Что касается **с в я з а н н о г о** значения, то оно ясным выступает лишь тогда, когда морфема рассматривается как определенная часть более сложного целого. Оно имеет себе аналогию во фразеологически связанном значении слова.

Свободный или связанный характер значения непроизводных основ зависит от их специфики как морфемы (подробно об этом см. ниже).

Свободное значение у производной основы наблюдается тогда, когда она является *с в о б о д н о й*, т. е. способной выступать не только в составе производной, но и вне ее. Так, свободными являются производные основы *лес-*, *гор-*, *нес-*, *дв-*, *вчера* и т. п., ибо они известны как в составе производных основ (вроде *перелесок*, *горный*, *занести*, *удвоение*, *позавчера*), так и вне их, сами по себе (ср. *лес*, *гора*, *несу*, *два*, *вчера*).

Связанное значение у производной основы наблюдается тогда, когда она представляет собой основу *с в я з а н н у ю*, т. е. основу, известную только в составе производной, обязательно употребляющуюся в связи с теми или иными аффиксами или другой основой.

Так, связанными являются производные основы *ул-* (ср. *улица*, *улочка*, *переулок*), *бел-* (ср. *белка*, *белчий*), *у-* (ср. *обуть*, *разуть*), *роб-* (ср. *робость*, *робеть*, *робкий*) и т. д.

Характер значения аффиксов находится в зависимости от того, какими они являются с точки зрения регулярности и нерегулярности, т. е. с точки зрения характера воспроизводства в качестве значимой части в словах.

Те служебные морфемы, которые постоянно воспроизводятся в составе слов, называются *р е г у л я р н ы м и*. Они имеют, как правило, свободное значение, присущее им самим по себе, взятым в отдельности. Это значит, что их основное значение (оттенки могут быть разными) ясно, как правило, говорящему и тогда, когда аффиксы берутся как таковые, вне какого-либо конкретного слова.

В качестве примеров можно привести суффиксы *-ние* (*-ение*) и *-ба*, приставки *вы-* и *пра-*, окончания *-ами* и *-ей* и т. д.

Значение этих служебных морфем является свободным, оно четко в них не только в составе слов (*изменение*, *страдание*, *чтение*, *косьба*, *борьба*, *стрельба*; *выходить*, *вынести*, *выставить*; *правнук*, *празык*, *проформа*; *берегами*, *местами*; *лошадей*, *дверей*, *дочерей* и т. д.), но и вне их.

Слова с регулярными аффиксами составляют закономерные ряды образований (количественно, правда, разные), которые образуют определенную словообразовательную или формообразующую модель.

Именно поэтому регулярные аффиксы выступают в большинстве случаев как морфемы, имеющие то или иное значение, не только как часть словесного целого, но и взятые отдельно.

Что же касается нерегулярных аффиксов, т. е. аффиксов, которые в составе слова встречаются sporadически и воспроизводимой модели не образуют, то они имеют только связанное значение, присущее им лишь как частям тех слов, в которых они выделяются.

Взятые отдельно, они осознаются как «незначимые» части, лишенные ясной и четкой семантики.

Как определенная служебная морфема и, следовательно, значимая часть слова нерегулярные аффиксы возможны и существуют лишь в структуре конкретного слова. Их значение совершенно определенно устанавливается только путем выяснения связей и соотношений содержащих их слов с соответствующими им родственными словами и сравнения с регулярными моделями.

В существительном *любовь* по соотношению с глаголом *любить* выделяется суффикс *-овь*. Этот нерегулярный суффикс имеет не свободное, как, например, суффиксы *-ние* (*-ение*) и *-ба* (см. выше), а связанное значение. Оно существует у суффикса *-овь* только в содержащем его слове. Как суффикс имени действия суффикс *-овь* определяется по установлению при анализе соотношений между словами *любить* и *любовь*, тождественных тем, которые наблюдаются в регулярных моделях вроде *страдать* — *страдание*, *косить* — *косьба* и т. д.

В существительном *чайхана* по соотношению с существительным *чай* выделяется суффикс-хана. Как и указанный выше суффикс *-овь* в слове *любовь*, суффикс-хана имеет связанное значение. В качестве суффикса со значением места он предстает перед нами лишь тогда, когда мы сравниваем слово *чайхана* со словом *чай* и убеждаемся в идентичности отношений, наблюдаемых между словами *чай*—*чайхана*, с одной стороны, и тех отношений, которые характерны для соответствующих им аналогичных регулярных типов — с другой (*кофей* — *кофейня*, *пиво* — *пивная* и т. д.).

Последний пример иллюстрирует изменение лексико-словообразовательного характера морфем при заимствовании слов русским языком. Часть *хана* в русском языке из суффиксоида, каким она является, например, в туркменском языке (ср. *китапхана* — *библиотека*) превратилась в суффикс.

Рассматривая значения непроеизводных основ и служебных морфем в слове, следует иметь в виду большую разницу, существующую между семантикой непроеизводных основ,

с одной стороны, и аффиксов — с другой. Эта разница идет главным образом по двум линиям.

Значение производной основы конкретно и носит предметно-логический характер. Значение же аффиксов абстрактно и является логико-грамматическим.

Особенно яркий отвлеченный характер значения среди аффиксов имеет окончание, с чем, между прочим, связаны и специфические особенности его морфематических связей (об этом см. ниже).

Значение производных основ совершенно самостоятельно и заложено в них самих. Значение же аффиксов (не только связанных, но даже и свободных) окончательно уточняется в структуре слова.

Этому не противоречат, как может показаться с первого взгляда, ни наблюдаемые иногда факты недостаточной четкой семантики связанных основ, ни довольно яркое свободное значение аффиксов, ибо первое не отменяет самостоятельности семантики связанных основ, а второе — того, что аффиксы как значимые единицы языка употребляются только в составе слова.

Особенно наглядно большая зависимость семантики аффиксальных элементов, а следовательно и их роли, от лексико-грамматических особенностей образующей основы проявляется в суффиксах, приставках и словоэлементах.

В значительно меньшей степени она сказывается в окончаниях. Совершенно независимым и в то же время наименее «семантичным» значение выступает в соединительных гласных.

Регулярные аффиксы могут иметь в отдельных случаях также и связанное значение, однако это наблюдается сравнительно редко и только тогда, когда слова, в которых они употребляются, из одной лексико-грамматической группы слов перешли в другую.

В качестве примеров можно привести: значение суффикса *-ение* в слове *крепление* (*крепление у лыж оказалось плохим*), и значение суффикса *-щик* в слове *бомбардировщик* (самолет); значение конкретного предмета у суффикса *-ние (-ение)*, значение действующего предмета у суффикса *-щик* являются связанными.

Это — отраженные значения данных аффиксов, ибо они возникли в слове в связи с изменением их семантики, а затем и определенных грамматических свойств.

Образовать сразу спомощью *-ние* (*-ение*) новое название конкретного предмета, с помощью *-щик* новое название действующего предмета нельзя.

Регулярными, образующими, они выступают соответственно как суффиксы имен действия и действующего лица.

в) СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ АФФИКСЫ

Все аффиксы как служебные морфемы в зависимости от того, служат ли они для создания самостоятельных слов (*писать* — *писатель*, *бежать* — *обежать* и др.), используются ли как средство для создания форм слов (*вода* — *воды*, *минута* — *минутка* и пр.), или же являются формами выражения как словообразовательных, так и формообразующих значений, делятся на словообразовательные, формообразующие и синкретические, слово-формообразующие.

Соединительные гласные всегда являются словообразовательными морфемами и существуют лишь в составе сложных слов.

Они, собственно, аналогичны по своей семантике союзам: разница лишь в том, что союзы выступают как связочные слова, объединяющие слова и части сложного предложения в составе предложения, соединительные же гласные являются связочными морфемами, объединяющими основы и слова в составе слова.

В отдельных случаях (если они не требуются соответствующей словообразовательной моделью) соединительные гласные приобретают характер семантически пустых, появляющихся в слове в силу чисто фонетических причин (ср. о в *технорук* при отсутствии его в *политрук*).

Окончания выступают обычно как формообразующие аффиксы, однако возможны они и в качестве синкретических формо-словообразующих морфем (ср. слова типа *безбородый*, *широкоплечий* и др.).

Среди приставок и суффиксов наблюдаются как словообразующие элементы, так и формообразующие. Немало среди них (особенно среди приставок) также и таких, которые выступают как синкретические морфемы, совмещающие в себе функцию выражения как словообразовательного значения, так и значения формообразующего.

Так, указывает на совершенный вид и в то же время на начало действия (т. е. является синкретической формо-

словообразующей морфемой) приставка *за-* в словах *заиграть*, *зашагать* и т. д., указывает на меньший размер и в то же время выражает экспрессию ласки (т. е. является синкретической слово-формообразующей морфемой) суффикс *-ок* в словах *узелок*, *лесок* и др.

Основная масса суффиксов и приставок или только образует новые слова (такими являются, например, суффиксы *-ние* (*-ение*), *-ка*; приставки *пра-*, *не-* и т. д.), или образуют только формы слов (такими являются, например, суффикс *-ну-* в глаголах совершенного вида, приставка *пре-* в прилагательных и др.).

Однако немало приставок и суффиксов смогут быть как словообразовательными, так и формообразующими. Различное значение таких аффиксов в каждом конкретном случае зависит от специфических особенностей образующей основы, ее лексических и грамматических свойств.

Особым вопросом является определение характера семантики у словоэлементов (об этом см. ниже).

г) МОРФЕМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ПРОДУКТИВНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ФОРМООБРАЗУЮЩИХ АФФИКСОВ

Каждая морфема имеет вполне определенный круг слов или основ, с которыми она может сцепляться в процессе формообразования и словопроизводства, образуя те или иные слова или их формы. Каждый аффикс, иначе говоря, имеет вполне определенные морфематические (словообразовательные или формообразующие) связи.

Круг слов и основ, в пределах которых выступают формообразующие аффиксы, имеющие определенное лексикограмматическое значение, как правило, является чрезвычайно широким, охватывая обычно многие слова того или иного грамматического класса. Так, окончания *-ый* (*-ий*), *-ая* (*-яя*), *-ое* (*-ее*) свойственны подавляющему большинству имен прилагательных, окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени *-у(-ю)* не известно лишь единичным глаголам типа *дам*, *ем* и т. д.

Количество слов и основ, в сфере которых употребительны те или иные словообразовательные аффиксы, оказывается зависимым от характера слова или основы в значительно большей степени. Так, суффикс *-тель* образует имена существительные только от глагольных основ (главным образом

от основ переходных глаголов, оканчивающихся на гласный звук).

В этом противопоставлении характера взаимосвязей, существующих между словом и основой и формообразующими, с одной стороны, и словообразующими аффиксами, с другой, ясно проявляется разница между грамматической абстракцией и абстракцией лексико-словообразовательной. В процессе развития и совершенствования русского языка ряд словообразовательных и формообразующих элементов изменил (расширил или, наоборот, сузил) свои связи, а вместе с этим и свою продуктивность, т. е. свои производящие качества. Так было, например, с суффиксом *-ость*, продуктивность которого в древнерусском языке (вплоть до XVII в.) была небольшой и ограничивалась в своих словообразовательных связях по существу пределами непроемких основ имен прилагательных.

Так было, например, с первоначально свойственным только словам среднего рода окончанием именительного падежа множественного числа — *a*, которое с течением времени довольно широко распространилось и в имена существительные мужского рода.

Между разнообразием и определенностью морфематических связей того или иного аффикса и его продуктивностью, его производящими качествами существует постоянное взаимоотношение.

Чем шире и богаче связи данного аффикса со словами и основами, тем он продуктивнее, и наоборот. Рассматривая отдельные лексико-грамматические группы, мы сталкиваемся с тем, что рядом со структурно разнообразными группами слов и форм, количественно очень богатыми, существуют группы, имеющие однообразное строение и насчитывающие два-три десятка, а то и того меньше примеров. Причем, если в первой группе встречаются слова и формы, возникшие недавно и интенсивно продолжающие появляться и сейчас, то во второй наблюдаются слова и формы, которые в русском языке были известны много лет назад (ср., например, слова на *-ость*, насчитывающие десятки сотен слов как давнего, так и совершенно нового происхождения, и слова с суффиксом *-изн (а)*, представляющие собой небольшую группу слов (*белизна, голубизна, желтизна, крутизна, левизна, новизна, прямизна, кривизна* и некоторые другие), в которой нет ни одного слова, появившегося в русском литературном языке позже первой половины XIX в.;

формы сравнительной степени на *-ее*, постоянно появляющиеся сейчас от новых качественных прилагательных (*революционнее, динамичнее, простодушнее, принципиальнее, эмоциональнее* и т. д.) со старыми (давно возникшими и не пополняющимися новыми образованиями) формами на *-ше, -е* и *-ший* вроде *больше, моложе, горший* и т. п.

Это объясняется различной продуктивностью морфем, образовавших или образующих соответствующие группы слов и форм.

Все аффиксы с точки зрения их действительности в образовании новых форм и слов делятся прежде всего на две группы: *живые, выделяемые* в слове *совершенно свободно* с точки зрения современного языкового сознания, и *мертвые, выделяющиеся* в слове *только с этимологической точки зрения*, после специальных разысканий. Естественно, что мертвые аффиксы являются тем самым и необразующими.

Слообразовательные и формообразующие элементы с точки зрения современных языковых отношений делятся на три вида:

1. *Непродуктивные морфемы* — морфемы, в настоящее время не производящие новые слова и формы.

2. *Продуктивные морфемы* — морфемы, не только выделяющиеся, но и активно производящие новые слова и формы, морфемы, наблюдаемые во многих словах нового происхождения, с разносторонними и богатыми связями.

3. *Малопродуктивные морфемы* — такие выделяющиеся морфемы, при помощи которых новые слова и формы образуются очень слабо.

Наиболее ясна, конечно, граница между продуктивными и непродуктивными аффиксами, наименее — между непродуктивными и малопродуктивными. Особенно это относится к словообразовательным элементам.

Мертвыми в русском языке в настоящее время являются такие морфемы, как инфикс *-н-* (его, например, содержит корень *ляг-* в *лягу*; *ляг-* из **leng-*, ср. *лежать, лег, ложе*), глагольный суффикс *-с-* (он, например, наблюдается в корне *тряс-* глагола *трясу*; *тряс-* из **tremс-*, ср. латинск *tremo* — *трясу, трясуть*), именной суффикс *-д(а)*, выделяющийся с этимологической точки зрения, например, в слове *звезда* (ср. *свет*), окончание *-ом* (ср. *поделом*) в дательном

падеже множественного числа, окончание *-ex* (из *ьхъ*, ср. *во облацех*) в предложном падеже множественного числа и т. д.

Как непродуктивные аффиксы могут быть охарактеризованы, например, суффиксы *-ырь* (*пустырь*), *-нь* (*ругань*, *пристань*), *-снищи* (*красавица*), *-и(а)* (*крыша*), *-яц* (*заяц*, ср. *заяшица*), *-иств(о)* (*пишество*, *новшество*), приставки *пра-* (*правнук*), *пре-* (*пресечь*, *преувеличить*), *низ-* (*низводить*, *ниспадать*), *воз-* (*возлюбить*, *воспламенить*), тематический суффикс *-о-* в глаголе (*колоть*, *молоть*, *полоть*), окончание *-м* в I-м лице единственного числа настоящего времени (*дам*, *ем*), окончания *-а*, *-у* в родительном и дательном падежах единственного числа притяжательных прилагательных, окончание существительных *-ьми* в творительном падеже множественного числа (*лошадьми*) и др.

Эти элементы свободно выделяются и в словах, и в формах, но среди слов и форм, образованных при их помощи, обычно нет недавних образований. Круг слов, в которых они выделяются как значимые части, очень небольшой; очень часто он ограничивается несколькими единичными образованиями. Так, с суффиксом *-чак* можно назвать только слова *весельчак* и *смельчак*, с суффиксом *-ис(а)* в настоящее время (исключая устаревшие и уже не употребляющиеся типа *директриса*) имеется только слово *актриса*; окончание *-а* для всех косвенных падежей встречается лишь в числительных *сто*, *сорок*, *девяносто*, форма на *-ян* характерна лишь для слов *семян* и *стремян* и т. д.

Среди малопродуктивных аффиксов, при помощи которых язык пополняется новыми лексическими единицами и их формами спорадически, связи которых являются узкими и очень ограниченными, можно отметить словообразующие суффиксы *-ач*, *-ышк(о)*, *-ат(ый)*, приставку *ультра*, формообразующие суффиксы *-ушк(а)*, *еньк(ий)*, окончание им. пад. мн. числа существительных *е* и т. д. Как продуктивные словообразовательные и формообразующие морфемы могут быть охарактеризованы суффиксы *-ств(о)*, *-ниј-* (*-ени\-*), *-чик* (*-цик*), *-ыва-* (*-ива-*), *-нича*, приставки *архи-*, *до-*, *раз-*, *вы-*, подавляющее большинство падежных окончаний существительных и прилагательных, личных окончаний глаголов и т. д.

Иногда действенность одного и того же аффикса является разной в образовании структурно и семантически различных слов и форм. Например, суффикс *-тель*, малопродуктив-

ный в настоящее время как словообразовательный элемент для образования имен со значением действующего лица, в то же время является продуктивным суффиксом для образования слов — наименований действующего предмета (*выключатель, обогреватель, выпрямитель* и т. д.).

Суффикс *-лив(ый)*, являясь очень продуктивным суффиксом для образования прилагательных от существительных и глаголов (с исключением из основы последних классового показателя глагола), представляет собой непродуктивную морфему для образования слов от основы в целом (ср. давние и единичные образования *горделивый, молчаливый, терпеливый*).

Окончание *-ов*, очень продуктивное у слов мужского рода 1-го склонения, является малопродуктивным и очень ограниченным в своих связях в словах 1-го склонения среднего рода, в которых оно встречается (исключая *облако*) лишь при суффиксальных основах, включающих суффиксы *-к(о)*, *-ик(о)*, *-ц(е)* и т. д.

Понятие различной продуктивности служебных морфем не следует отождествлять с понятием их регулярности и нерегулярности. Хотя эти понятия и являются соотносительными друг с другом, но тем не менее они далеко не равнозначны.

Говоря о различиях продуктивных аффиксов, следует иметь в виду их разную производительность, разный, для каждого свой «творческий» характер. Говоря о регулярности или нерегулярности, мы должны иметь в виду воспроизводимость аффикса в целом разряде слов или же в отдельных словах, модели не образующих.

Все продуктивные и малопродуктивные аффиксы являются в то же время и регулярными, т. е. составляющими определенную словообразовательную или формообразующую модель. Что же касается непродуктивных аффиксов, то было бы неправильным считать их все в то же время и нерегулярными, среди них немало имеется и таких, которые принадлежат к категории регулярных (например, указанный уже выше суффикс *-изна*).

г) ФОРМЫ МОРФЕМЫ И ВАРИАНТНЫЕ МОРФЕМЫ

Анализируя слово как структурное целое следует иметь в виду то, что, выступая в качестве той или иной значимой части слова, морфемы не представляют собой неизменяе-

мые, раз навсегда данные единицы, а имеют различное звучание, иногда серьезно отличающееся одно от другого. Это наблюдается как в разных формах одного и того же слова (*понять — пойму, жгу — жжешь, окно — окон, розочка — розочек, удалец — удалца* и т. д.), так и в родственных между собой словах (*иллю — посылка, иду — пройти, толща — толстый*).

Разное звучание одной и той же морфемы может иметь различные причины и в соответствии с этим различный характер.

Чаще всего оно представляет собой простое фонетическое видоизменение этой морфемы в силу действующих в настоящее время фонетических законов (например, ассимиляции или диссимиляции согласных, редукции гласных и т. д.).

Так, непроезжая основа *вод-* может выступать в современном русском языке в виде [вод], [вот], [вд], [вдЧ], [вѣд], [вод'] (ср. *подводный*, завод минеральных *вод, вода, водица, водовоз, половодье* и т. д.), окончание именительного падежа множественного числа может звучать то как [а], то как [ъ]: *масла, сѣла* и т. д.

В силу морфологического (вернее морфематического) принципа нашей орфографии такого рода факты обычно на письме не отражаются (исключения составляют лишь так называемые фонетические написания).

Однако довольно часто различное звучание одной и той же морфемы носит иной характер и выступает как явление не только фонетическое, но и орфографическое.

В отличие от фонетически обусловленной трансформации морфем это наблюдается только в пределах форм слов и родственных словах и касается лишь непроезжих основ и суффиксов.

Разные формы одной и той же морфемы в этих случаях объясняются ранее действовавшими фонетическими законами и видоизменением их в результате словообразовательных процессов и сопровождающих словообразование фонетических изменений. В качестве примеров можно привести, например, слова *гнуть — сгибать, застыть — простуда, дно — донья, мать — мнешь* и т. д. (подробнее об этом см. ниже, стр.81).

От форм одной и той же морфемы следует отграничивать варианты морфемы.

В а р и а н т н ы е м о р ф е м ы, имея в известной степени разное звучание, являются такими, которые выражают одно и то же значение и различаются между собой или в стилистическом, или в словообразовательном отношении (ср. *поэт — пиит, возчик — каменщик, ворвался — ворвалась, волнение — волненье, демобилизовать — дезинформировать, стеной — стеною сахара — сахару* и т. п.).

Варианты корней, с одной стороны, и аффиксов, с другой, резко различаются между собой как характером соотношений, так и спецификой их проявления (об этом см. ниже).

Для правильного словообразовательного анализа слова, как видим, следует прежде всего четко представлять себе состав и соотношения морфем в слове, их слитность и взаимосвязь, их семантику и степень продуктивности, четкое разграничение форм и вариантов морфем, специфические свойства каждой морфемы в отдельности.

К более подробному рассмотрению характера существующих в русском слове морфем мы далее и перейдем.

Так как непроизводная основа является ядром слова и без нее слова как такового нет, то логичнее всего обзор морфем начать с анализа непроизводной основы и тех соотношений, которые существуют между ней и производной основой.

Кроме работ по общим вопросам словообразования, указанных на стр. 22—23 (см.), можно назвать: Н. Д. Арутюнова, Некоторые вопросы образования и морфологии основ слов, «Филологические науки», М., 1958, № 1; В. Н. Троицкий, Основные принципы словообразования, «Учен. зап. Ленинградского пединститута иностр. яз.», т. 1, Л., 1940; Е. А. Земская, О глаголах со связанной основой, «Русский язык в школе», 1953, № 1; В. П. Григорьев, О границах между словообразованием и аффиксацией, «Вопросы языкознания», № 4, 1958; Г. Зенков, Некоторые вопросы теории современного русского словообразования, «Тезисы докл. и сообщ. на научн. конф. по славянской филологии», Фрунзе, 1958; К. А. Левковская, Основа слова и слово, «Сборник статей по языкознанию», изд. МГУ, 1958; И. И. Ковалик, Про деякі питання слов'янського словотвору, Кит., 1958; М. А. Соколова, К вопросу о корневых словах, «Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та», № 198, серия филологических наук, вып. 24, 1956; В. Н. Зиновьев, Исторические чередования звуков в суффиксах русского языка, «Ученые записки Горьковского гос. ун-та», вып. 26, 1954.

МОРФЕМЫ КАК ЗНАЧИМЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

а) ПРОИЗВОДНАЯ И НЕПРОИЗВОДНАЯ ОСНОВЫ

Вопрос о производной и непроизводной основах, правильное определение их и взаимосвязи между ними является одним из основных, принципиальных вопросов для научной постановки анализа слова с словообразовательной точки зрения. Кроме того, исследование «строения производящих основ в системах разных частей речи, изучение процессов изменения основ, например, образования непроизводных основ из производных, описание разных видов «связанных» основ, т. е. встречающихся лишь в сочетании с аффиксами (например, *с-верг-нуть*, *от-верг-нуть*, *по-верг-нуть* и т. п.), — всё это чрезвычайно важно для всестороннего и глубокого понимания структурных различий между частями речи»¹, выяснения системы словопроизводства в русском языке в целом.

Каждое слово современного русского литературного языка, как входящее в его основной словарный фонд, так и бытующее за его пределами, характеризуется не только определёнными грамматическими свойствами, лексическим значением, стилистической окраской, происхождением, употребляемостью и т. д., но и специфическим строением основы.

С точки зрения морфологической структуры основы как части слова, заключающей в себе его вещественное, лексическое значение, все слова делятся на две большие группы: слова с непроизводными основами и слова с основами производными.

¹ В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Русский язык в школе», 1951, №/2, стр. 5.

Так, например, слова *город, земля, стакан, голос, язык, спасти, лить, желтый, хороший, гордый, сто, здесь, суд* (им. пад. множ. числа), *куры* (им. пад. множ. числа), *нож* и др. являются словами с непроизводными основами, а слова *городской, земляной, подстаканник, голосистый, язычок, спаситель, вылить, желтизна, хорошенький, гордость, сотня, здешний, судно, курица, ножик* и др. — словами с основной производной.

Эти две группы слов словообразовательным характером своих основ резко противопоставляются друг другу: в первой группе слов основа выступает как целое, которое далее с морфологической точки зрения раздроблено быть не может; во второй группе слов основа выступает в качестве единства, состоящего с морфологической точки зрения из отдельных значимых частей (*город-ск(ой), под-стакан-ник, голос-ист(ый), желт-изн(а), суд-н(о), кур-иц(а)* и т. п.).

Как мы видим, разница, которая существует между производной и непроизводной основами заключается прежде всего в том, что непроизводная основа является неделимой на более мелкие части, в то время как производная делится на части, которым присущи свои самостоятельные значения — на морфемы.

Следовательно, разница между производной и непроизводной основами является прежде всего морфологической: первая делится на морфемы, представляя собой по структуре составное единство; вторая этой способностью не обладает и имеет характер единого по своему строению, далее нечленимого целого.

Однако этим существующее между ними различие не ограничивается.

Одним из важнейших качеств, отличающих производную основу от непроизводной, является зависимость первой от соответствующей непроизводной. Любая производная основа необходимо предполагает наличие аналогичной непроизводной, с которой она соотносится с семантико-грамматической точки зрения. Так, основы *вишнёв(ый), печк(а), мяукать, облачко* и т. п. являются производными основами лишь потому, что рядом существуют соответствующие им непроизводные *вишн(я), печь, мяу, облак(о)* и т. д.

О производной основе мы можем говорить, следова-

тельно, «лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа производная»¹.

Если почему-либо из языка исчезает аналогичная производная основа или перестаёт соотноситься с данной производной, последняя теряет свой производный, составной характер и переходит в разряд производных основ.

Например, производные для древнерусского языка основы *важн(ый)*, *ужас*, *блѣдн(ый)*, *доблѣсть* и *хижин(а)* в процессе развития, совершенствования русского языка потеряли свою морфологическую членимость именно в связи с исчезновением из употребления соответствующих производных основ *ваг(а)*, *жасити*, *блѣд(ыи)*, *добл(иш)* и *хыж(а)*; с трудом осознаётся производный характер основы в слове *платок*: соответствующее корневое слово *плат* возникает в памяти как устаревшее и риторическое слово поэтического языка XIX века (ср.: «Расстилали белый *плат...*», *Ж у к о в с к и й*; «Белый *плат* в крови мокрѣхонек», *Н е к р а с о в*, и т. д.). То же самое можно сказать и об основе слова *верѣвка*, производный характер которой ясен для знакомых с стихотворным языком XVIII — начала XIX в., в котором ещё встречается однокорневое, родственное слово *вервие* (ср.: «*Верѣвка!*— *Вервие* простое», *Х е м н и ц е р*; «Судно бежит. Вдруг ветер шатнул неподвижны *верви*», *Ж у к о в с к и й*). Производные ранее основы *крупн(ый)*, *наряд* и *добыть* не разлагаются сейчас и являются уже производными в силу того, что основы *круп(а)*, *ряд* и *быть* перестали быть соотнесительными производными и т. д.².

Это обстоятельство лишней раз подчёркивает тот факт, что делимость производной основы на отдельные морфемы, т. е. то, чем производная основа отличается от производной в словообразовательном отношении, является не каким-то внутренне присущим ей свойством, а определяется наличием рядом с ней соответственной производной основы. Например, основы *молодёжь*, *полочк(а)*, *козѣл*, *пропѣ(ть)*,

¹ Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР», отделение литературы и языка, т. V, вып. 4, 1946, стр. 319.

² Ср. также примечание в «Грамматике русского языка» (т. 1, изд. АН СССР, 1952, стр. 213) о слове *скорняк*: «Слово *скорняк* не подвергается разложению на основу и суффикс, так как литературному языку не свойственны ни «скура» в значении «шкура», ни прилагательное «скорный».

печальн(ый), *члени(ть)*, *шагом* (наречие) и т. д. выступают перед нами как производные, обладающие, следовательно, способностью члениться на значимые части, в силу того что рядом с ними существуют, наличествуют аналогичные им непроизводные: *молод(ой)*, *полк(а)*, *коз(а)*, *пе(ть)*, *печаль*, *член*, *шаг* и т. п.

Непроизводные основы этого рода могут быть и такими, которые существуют самостоятельно, в выделенном, чистом виде (подобными являются только что перечисленные *молод(ой)*, *полк(а)*, *коз(а)*, *печаль*, *член*, *шаг* и др.), и такими, которые как самостоятельное целое не наблюдаются, а встречаются лишь в сочетании или с какими-либо аффиксами, или с другой (производной или непроизводной) основой (так называемые «связанные» основы: *скрип-ач* — *скрип-к(а)*; *веж-лив(ый)* — *не-веж(а)*; *под-бав-и(ть)* — *при-бав-и(ть)* — *до-бав-и(ть)* — *от-бав-и(ть)* — *на-бав-и(ть)* — *у-бав-и(ть)*; *роб-е(ть)* — *роб-ость* — *роб-к(ий)* — *роб-че*; *ул-иц(а)* — *пере-ул-ок* — *про-ул-ок*; *щен-ок* — *щен-ят(а)*; *тряп-к(а)* — *тряп-иц(а)* — *тряп-о-(рез-к)(а)*; *боч-онок* — *боч-к(а)*; *кош-к(а)* — *кош-ач(ий)*; *у-прек-а(ть)* — *по-прек-а(ть)*; ср. слова *заснуть*, *уснуть*, *проснуться* и т. п.).

Следовательно, возможность членения основы того или иного слова на морфемы предполагает существование рядом по крайней мере хотя бы одного родственного слова, в котором (в чистом виде или в связанном — неважно) должна быть соответственная по семантико-грамматическим свойствам непроизводная основа.

С другой стороны, из этого же следует вывод о том, что основа того или иного слова безусловно является производной, если рядом с этим словом существует хотя бы одно, имеющее соответственную непроизводную. Причём вовсе не обязательно, чтобы выделяющийся поэтому соотношению аффикс встречался в целом ряде каких-либо других слов (ср. суффиксы *-овн(я)*, *-ёл*, *-ярус*, *-мень*, *-ёжь*, *-овица*, *-ал*, *-он(я)*, *-х*, *-ельн(ый)*, *-лин*, *-инь(я)* и т. д. В словах *болтовня* (ср. *болтать*), *козёл* (ср. *коза*), *стеклярус* (ср. *стекло*), *сухмень* (ср. *сухой*), *молодёжь* (ср. *молодой*), *луковица* (ср. *лук*), *театрал* (ср. *театр*), *тихоня* (ср. *тихий*), *успех* (ср. *успеть*), *смертельный* (ср. *смерть*), *павлин* (ср. *пава*), *ботвинья* (ср. *ботва*) и пр.). Он может являться нам в отдельных, изолированных словах и даже в одном единственном слове. В таком случае это будет

нерегулярная и непродуктивная служебная морфема, или потерявшая способность производить слова и формы, или ещё её не получившая.

Далее, разница между производной и непроизводной основами имеется и в выражении того или иного вещественного, лексического значения, составляющего их содержание. Значение основы непроизводной как бы заложено в ней самой, значение же производной основы представляется складывающимся из значений составляющих её отдельных морфем.

Наконец, для очень большой части производных основ в противовес непроизводным характерно такое обозначение предметов действительности, когда последние выражаются в слове через установление той или иной связи их с другими. Обозначение предметов действительности подобными основами представляется нам известным образом мотивированным, «в этих случаях, — говоря словами Г. О. Винокура, — известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова»¹.

В таких словах, как *лесок*, *белить*, *подводный*, *запеть* и т. п., где основа является производной, мы находим такое название предметов действительности, которое является не чем-то абсолютно условным и необъяснимым (ср. слова *лес*, *белый*, *вода*, *петь* и т. д.), а до некоторой меры осмысленным, мотивированным.

Будучи не в состоянии ответить на вопрос, почему данные факты действительности называются словами *лес*, *вода*, *петь*, *белый* и т. п., а не какими-либо иными, мы вполне можем объяснить причину функционирования для обозначения соответствующих фактов действительности слов *лесок*, *подводный*, *запеть*, *белить* и т. д. *Лесок* мы объясним как *небольшой лес*, *подводный* — как *находящийся под водой*, *запеть* — как *начать петь*, *белить* — как *делать что-либо или кого-либо белым* и т. д.

Однако было бы неверным (а именно это делалось в своё время Г. О. Винокуром²) определять каждое слово с производной основой как слово, которое даёт нам известное, пусть до некоторой степени условное, указание на то, по-

¹ Г. О. В и н о к у р, указ. статья, «Известия АН СССР», отделение языка и литературы, т. V, вып. 4, 1946, стр. 316.

² См. указ. статью, «Известия АН СССР», отделение языка и литературы, т. V, вып. 4, 1946, стр. 316—317.

чему данный предмет действительности обозначается им, а не каким-либо другим словом.

Есть такие слова, в производном характере основы которых в современном языке сомневаться не приходится, но этой мотивированности в назывании всё же нет.

Так, например, слово *ножик* определённо имеет основу производную, разлагающуюся на морфологические части, так как рядом с этим словом существует слово *нож* и часть слова *нож* в слове *ножик* и в слове *нож* значит одно и то же. Но вместе с тем слово *ножик* является таким же абсолютно условным обозначением режущего инструмента, как и слово *нож*. Соотношение, существующее между словами типа *листик* и *лист* и т. п., в данном случае отсутствует, но основа слова *ножик* всё же остаётся производной.

В слове *судно*, без сомнения, основа является производной, потому что это же слово во множественном числе имеет уже непроизводную основу *суда* и звуковой комплекс *суд* в *судно* и *суда* однозначен.

И всё же обозначение в данном случае соответствующего предмета действительности разными формами этого слова (*суда* — *судно*) является абсолютно одинаковым — условным и совершенно немотивированным.

Подобные факты наиболее ярко наблюдаются в связанных основах, когда непроизводная основа самостоятельно, в чистом виде не существует и выделяется лишь путём сравнения двух или более производных основ (ср. слова *пт-иц(а)*, *пиан-ист*, *с-вык-ну(ть)-ся*, *зр-яч(ий)*, *плот-иц(а)* и т. п., где непроизводная основа выделяется по соотношению их со словами *пт-енец*, *пиан-ин(о)*, *при-вык-ну(ть)*, *зр-ени(е)*, *плот-в(а)* и др.).

Таким образом, производная основа отличается от непроизводной своим особым обозначением предмета действительности (через отношение его к другим) не всегда и не во всех словах соответствующей морфологической структуры. Однако для очень большого числа слов с производной основой подобное свойство в отличие от слов, имеющих непроизводную основу, всё же является чрезвычайно характерным.

Мы видим, что производная и непроизводная основы определённо противопоставлены друг другу. Для производной основы можно отметить:

- 1) её членимость на отдельные морфемы;
- 2) её зависимость как членимого целого от соответствующей непроизводной (как производная она существует

постольку, поскольку существует её соответственная производная);

3) соответствие ос целостного значения как основы совокупности значений составляющих её частей;

4) обозначение предмета действительности в целой серии слов опосредованно, через установление определённой связи его с другими.

Для производной основы характерным является:

1) её нечленимость с морфологической точки зрения;

2) её всегда непосредственное, чисто условное и не мотивированное с точки зрения современных семантико-словообразовательных связей обозначение предметов действительности.

Учёт этих резко противоположных качеств, характерных для производной, с одной стороны, и производной — с другой, основ и их взаимосвязи в каждом отдельном конкретном случае, как уже отмечалось, является основным условием научного словообразовательного анализа слова.

Следует учитывать; что не всегда соотношение производной основы и соответствующей производной (т. е. основы, равной корню как носителю основного лексического значения в родственных словах) бывает прямым, непосредственным. Новые слова образуются не только на базе корневых слов, слов с производной основой, но и на базе слов, образованных от них, т. е. слов с производной основой. Было бы поэтому ошибочным понятие «производной основы» отождествлять с понятием «производящей основы».

Производящая (или образующая) основа — это та основа, которая служит основанием, базой для образования при помощи того или иного словообразовательного приёма нового слова, это, следовательно, основа, от которой образуется та или иная производная ¹. В качестве образующей, производящей основы может выступать и производная основа, и производная. В одних словах производная осно-

¹ Следует, конечно, иметь в виду то обстоятельство, что образованная тем или иным способом словопроизводства основа может быть (по ряду причин) производной. Это можно отметить: 1) для некоторых слов так называемого безаффиксного способа словообразования (ср. *удаль, хворь, рябь, мах, бой* и т. д.) и 2) для слов, стечением времени потерявших почему-либо первоначально производный характер основы.

ва является вместе с тем и производящей (ср. в словах *холод-н(ый)*, *от-би(ть)*, *жи-знь*, *волч-иц(а)* и т. п.). В других словах эта основа — лишь корень производной основы, выступающей как производящая. Например, для основы слона *землянка* производящей основой будет *землян-*, а производной * — *земл-*, для основы слова *покраснеть* производящей основой будет *красне(ть)*, а производной — *красн-* и т. д. Поэтому неправильно всегда начинать словообразовательный анализ слова с выделения в нём производной основы (иначе говоря — корня). При такой практике проведения анализа слова не учитывается тот факт, что производная основа не всегда является одновременно и производящей, что в качестве производящей основы может выступать и производная, делимая на морфемы, основа. А это ведёт к тому, что слово механически расчленяется на части, без установления связей между ними, без осознания тех соотношений, которые существуют между ними в данном слове, и тех, которые существуют между данным словом и ему родственными, в результате чего способ образования того или иного производного слова определяется неправильно, в анализируемом слове выделяются иногда не существующие в действительности морфемы и т. д.

При анализе морфологической структуры слова, его строения и образования прежде всего необходимо учитывать соотношения, существующие между производной и производящей основами. При этом особое внимание следует обращать на выяснение того, от какой основы образована данная, соотносительна ли с точки зрения фактов современного русского языка в своих семантико-грамматических свойствах рассматриваемая основа с предполагаемой производящей.

Разбирая слово с словообразовательной точки зрения, занимаясь «изучением морфологического состава слов и их морфологических, словообразовательных связей и соотношений»¹, необходимо, таким образом, в первую очередь учитывать реально существующие в настоящее время соотношения между основами слов и между словами вообще и не заниматься излишним корнеискательством. Иметь в виду то обстоятельство, что некоторые слова (в настоящее время слова с производной основой) ранее

¹ «Вопросы языкознания», редакционная статья, 1952, № 1, стр. 39.

членились, что некоторые слова ранее разлагались на части иначе, важно и необходимо, но при словообразовательном анализе никогда не надо выходить за пределы реально наблюдаемых связей между производной и производящей основами. Последнее нужно особенно учитывать при анализе морфологического состава и характера слов (вроде *забыть, печаль, участь, трудо́й, пёстрый, дело, обои, лопоть, мешок* и т. п.), в которых когда-то были аффиксы и которые, следовательно, были словами с производными основами, а в настоящее время представляют уже корневые слова.

Рассматривая то или иное слово с предположительно производной основой, нужно учитывать, что, если «его современное значение не выводится из его этимологического состава»¹, а следовательно, и не соотносится со значением предполагаемого производящего слова, оно является корневым словом, словом с непроизводной основой. Естественно, что слово является корневым и в том случае, если в современном языке соответствующее слово с непроизводной основой, которое служило когда-то базой для словообразования, не существует вовсе, вообще исчезло уже из употребления. Поэтому не только такие слова, как *отец, звук, старый, ящик, окорок, злак, тать, чан, овца, казнь, окно, где, тёзка, убогий, дуло* и т. п., где этимологически составной характер основы вскрывается с трудом, лишь с учётом истории языка², являются с точки зрения современных словообразовательных связей непроизводными. Непроизводными следует признать также и слова с довольно прозрачным составным с этимологической точки зрения характером основы, вроде *порошок, пшеница, кольцо, мещане, зычный, спичка, плотник, клубника, защита, понедельник, рубанок, страница, виноград, косынка* и т. п., ибо данные слова не являются соотносительными в своём реальном

¹ В. В. Виноградов, указ. статья, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 6.

² *Отец* — ср. древнерусское прилагательное *отъци* — «отцов»; *звук* — ср. старославянское *ꙗꙋꙗꙋ* из *звон+къ*; *старый* — ср. *стать*; *ящик* — ср. древнерусское *яскъ*; *окорок* — ср. болгарское *крак* — «нога»; *злак* — ср. существительное *зелье* с тем же корнем; *тать* — ср. глагол *таить*; *чан* — ср. древнерусское *дъчань* от *дъска*; *овца* — ср. старославянское *ꙋвнъ* — «баран»; *казнь* — ср. глагол *каяться*; *окно* — ср. *око*; *где* — ср. древнерусское *къде* — сложение *къ+де*; *тёзка* — ср. *тъзъ* — в древнерусском «тот же самый»; *убогий* — ср. *бог, богатый*; *дуло* — ср. *дуть* и т. п.

значении с непроизводными Словами, которые нам хочется выделить как соответствующие и соотносительные на основе сравнения с другими словами с определённо делимой и кажущейся нам аналогичной морфологической структурой.

Значение слов *страница, порошок, мещане, клубника, спички, плотник, защита, виноград, косынка, пшеница* и т. п. не выводится из значения слов *страна, порох, место, клубень, спица, плот, щит, вино* и *град, косой, пшено* и т. п.; соответствующие словам *кольцо, зычный* и пр. непроизводные *коло, зыкъ* в современном языке не существуют.

Таким образом, установление связи, существующей между производящей и производной основами (*сос(на) — соснов(ый), чёрн(ый) — чернот(а), земл(я) — заземли(ть), вне — внешн(ий)* и т. п.), позволяет прежде всего отделить подлинную производную, делимую на морфемы основу от только кажущейся производной.

Однако учёт взаимосвязи производящей и производной основ позволяет не только отделить живое от принадлежащего истории языка и рассматривать факты, реально существующие в области словопроизводства в настоящее время, а не существовавшие в прошлые эпохи языкового развития. Благодаря этому учёту можно избежать м е х а н и ч е с к о г о членения производной и сейчас основы, можно избежать такого чисто формального разбора слова, который ведёт к выделению на самом деле не существующих в разбираемой основе частей.

Например, при сравнении слов *древность, упорность, человечность, горячность, готовность, будущность* в начале может показаться, что в них мы имеем один и тот же суффикс *-ость*. Но выделив во всех перечисленных словах без исключения один лишь словообразовательный элемент *-ость*, мы совершим ошибку.

Сопоставление с соответствующими производящими основами доказывает, что здесь различные суффиксы: в словах *древность, упорность, человечность* наличествует действительно суффикс *-ость*, так как им соответствуют производящие слова — *древний, упорный, человеческий*; в словах же *горячность, готовность, будущность* выделяется уже суффикс *-ность*, так как им соответствуют производящие слова — *горячий, готовый, будущий*.

Конечно, выделяя в перечисленных выше словах то суффикс *-ость*, то суффикс *-ность*, не следует забывать, что второй по отношению к первому не является совер-

шенно самостоятельным суффиксом: ставить в один ряд суффиксы *-ость*, *-ность* и, скажем, суффикс *-ота* нельзя¹.

В словах *цепочка* и *восточка*, с одной стороны, и *булочка* и *марочки*, с другой, не один и тот же суффикс *-очк(а)*, как можно подумать, механически члена соответствующие слова. Основам *цепочк(а)* и *восточк(а)* соответствуют неприводимые *цель* и *вость*. Следовательно, в этих словах присутствует суффикс *-очк(а)*. Основы *булочк(а)* и *марочк(а)* в качестве соответствующих неприводимых, от которых они образованы, имеют основы *С)улк(а)* и *марк(а)*. В них, следовательно, выделяется уже суффикс *-к(а)*.

По связи с соответствующими неприводимыми основами в основах *сетчат(ый)* и *клетчат(ый)* (ср. *сетк(а)* и *клетк(а)*, но не *сеть* и *клеть*) выделяем суффикс *-ат(ый)*, тогда как в основах *лапчат(ый)* и *бревенчат(ый)* — ср. *лап(а)* и *бревн(о)* — суффикс *-чат(ый)*.

Слово *хвастовство* образовано от глагола *хвастать* при помощи суффикса *-овств(во)*, но слово *воровство* образовано от глагола *воровать* уже при помощи суффикса *-ств(о)*.

По соотношению с неприводимыми основами, от которых они образованы, основа *слесарнича(ть)* (от *слесарь*) выделяет суффикс *-нича-*, основа *жаднича(ть)* (от *жадн(ый)*) — суффикс *-ича-*, а основа *мошеннича(ть)* (от *мошенник*) — суффикс *-а-* и т. д.

¹ Характер взаимоотношения суффиксов *-ость* и *-ность* представляется следующим:

1. Морфема *-ность*, является производной по отношению к суффиксу *-ость* и по происхождению есть сочетание отвлечённого от основы прилагательного суффикса *-н-* и суффикса *-ость*. Отвлечение суффикса «-» от основы прилагательного сделалось возможным благодаря исчезновению соответствующих прилагательных на *-ный* (типа *готовный*), которые являлись вторичными образованиями, и сохранению в то же время тех (типа *готовый*), от которых эти прилагательные с суффиксом *-я* были образованы. Именно так можно объяснить возникновение суффикса *-ность* в словах *горячность*, *бытность*, *готовность*, *живность*, которые были образованы при помощи суффикса *-ость*, но в настоящее время выделяют уже суффикс *-ность*.

2. Морфема *-ность* как словообразующая морфема (а не выделяющаяся!), при помощи которой были образованы слова, является своеобразным фонетическим вариантом суффикса *-ость*; в качестве элемента словопроизводного она появляется лишь при основах прилагательных с конечным согласным *щ*, от которых суффикс *-ость* в своём обычном виде слов не образует (ср. слова *будущность*, *всеобщность*, *преходящность*, *присущность*).

Аналогичные взаимоотношения можно констатировать и для суффиксов лица *-щик* и *-чик*: второй есть всего лишь фонетический вариант первого после основ на *з, с, д, т, к, ц и ч*.

Таким образом, учёт соотносительности производной и производящей основ даёт возможность правильно, без ошибок определить выделяющиеся части производной основы в каждом отдельном конкретном случае.

Он же поможет определить способ словообразования, использованный для производства того или иного слова, а следовательно, и уяснить порядок присоединения одной морфемы к другой, т. е. даст возможность установить правильную, реально существующую картину взаимоотношения морфем между собой в производном слове. Механическое членение слов на части в случаях *пар-о-ход-ств(о)*, *по-красн-е(ть)*, *сен-о-кос-и-лк(а)*, *при-гор-ок*, *за-город-к(а)* и др. не даёт нам ясного и верного представления о том, как образованы данные основы, как связаны в них между собой составляющие их морфологические части. Это мы сможем сделать лишь тогда, когда поставим перед собой вопрос о том, от каких основ они образованы, с какими производящими эти производные основы соотносительны.

Слово *пароходство* (1. Транспорт на пароходах. 2. Пароходное общество) соотносительно со словом *пароход* и, следовательно, представляет собой не сложение двух основ *пар-* и *ходств(о)*, как думал в своё время А. М. Пешковский, а суффиксальное образование при помощи суффикса *-ств(о)* от сложного слова *пароход*. Слово же *сенокосилка* является уже словом сложным по своему способу словообразования, ибо оно соотносится в своих семантико-словообразовательных связях со словами *сено* и *косилка*.

Этот же учёт связи производной и производящей основ позволяет нам определить слово *покраснеть* (сделаться красным) как префиксальное образование от суффиксального глагола *краснеть*, слово *пригорок* как префиксально-суффиксальное образование при помощи одновременного присоединения суффикса *-ок* и приставки *при-* к основе *гор(а)*, слово *загородка* как суффиксальное образование от префиксального глагола *загородить* и т. п. Отмеченные соотношения морфем в перечисленных выше словах можно выразить таким образом: *[(пар-о-ход)-ств(о)]*, *по(красн-е(ть))*, *сен-о[(кос-и)-лк(а)]*, *при-гор-ок*, *(за-город)-к(а)*. Важность учёта последовательности присоединения морфем в процессе словопроизводства, а следовательно, и соотношения производной и производящей основ для установления действительно наблюдающейся картины словообразования того или иного слова подчёркивается даже школьным учебником, но

на это, к сожалению, очень часто не обращается никакого внимания.

Непроизводные основы, будучи одинаково неделимыми, в структурно-генетическом отношении вместе с тем единства не представляют.

Со структурно-генетической точки зрения непроизводные основы можно разделить (оставляя в стороне множество переходных случаев) на две основные группы, резко друг другу противопоставляемые.

Одну составляют такие, которые предстают перед нами как чистые корни, образующие абсолютное слияние. Разложить на морфологические части их можно иногда лишь с помощью глубокого этимологического анализа, привлекая сравнительно-исторические данные (ср. непроизводные основы в словах *бровь, ухо, нести, воз, новый, знать; земля, слуга, часть, трясти, нестрый, стопа, весло* и т. д.). Это те непроизводные основы, которые, по выражению В. А. Богородицкого, появились в результате процесса полного опрошения (об этом процессе подробно см. ниже)¹.

Другую группу образуют такие, которые при нечленности с точки зрения современного языкового сознания все же (конечно, в разной степени) сохраняют в своей структуре следы бывшей производности. Разделить на морфемы эти непроизводные основы очень легко, и очень часто это приводит даже к смешению словообразовательной и этимологической точек зрения. Такими являются непроизводные основы в словах *маститый, крупный, значок, опешить, сливки, закадычный, счастье* и т. п.

Это те непроизводные основы, которые возникли в результате первой ступени опрошения. О таких непроизводных основах В. А. Богородицкий писал: «Первую ступень опрошения представляют слова с прозрачным морфологическим составом, от которого, однако, реальное значение более или менее удалилось, например: *забыть, намерение, голик* и т. д.»².

В звуковом отношении корни могут быть открытыми, оканчивающимися на гласный (*пить, меню, при, да, вчера* и т. д.), и закрытыми, оканчивающимися на согласный (*стол, везти, писать, от, жаль* и пр.).

¹ В. А. Богородицкий, Очерки по общему языкознанию и русскому языку, 1939, стр. 193.

² Там же.

Фонетический характер производной основы зависит от лексико-грамматической принадлежности слова. Особенно ярко в этом отношении противопоставлены друг другу имена и глагол: в именах корни (за исключением немногих заимствованных слов типа *меню, кино*) всегда являются закрытыми, что же касается глагола, то в нем производные основы могут быть как закрытыми (*звать, просить, гореть* и т. д.), так и открытыми (*вить, знать, рыть* и пр.).

По составу корни представляют собой в своем подавляющем большинстве звуковой комплекс (чаще всего из двух — шести звуков). Однозвучные очень редки и встречаются лишь в исконно русских словах (ср. *у* в *обуть, разуть, т* в *та, то, те, а* в *акать* и т. д.). Многозвучные корни (из семи звуков и более), если это не производные основы, испытавшие первую ступень опрощения, являются заимствованными.

Корень не является неизменяемой частью слова, как это неправильно по традиции иногда считается. В разных формах слова и родственных словах производная основа может варьироваться не только в соответствии с ныне действующими фонетическими законами (см. стр. 66), но и в связи с наблюдающимися традиционно-историческими чередованиями. Последние приводят к тому, что в разных формах слова и в родственных словах одна и та же производная основа может выступать то как открытая, то как закрытая (ср. *мать* и *мнешь, я — мной*), превращаться из звукового комплекса в один звук (*прошедший—шла, сгибать—гнуть*), резко меняет свой фонетический облик (ср. *взять — возьму, шлю — посылка, иду — пройти, сон — сновидение, сесть — сяду, нести — ноша, жечь — жжение, съесть — еда* и пр.).

Особенно ярко варьирование производной основы проявляется в сфере глагола¹. Нередко такого рода фонетическая трансформация постепенно приводит к тому, что соответствующие друг другу формы начинают или вообще не осознаваться как родственные, или, осознаваясь генетически связанными между собой, все же выступать как самостоятельные производные основы (ср. *надменный — надутый, пасмурный — хмурый, лик — лицо, ждать — погодить,*

¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 52—53.

бряцать — брнчать, жар — гореть, звякать — звенеть, сон — спать, жука — журенок и т. п.)

Нельзя не учитывать, наконец, различие непроеизводных основ с точки зрения присущей им способности к образованию новых слов, так сказать, словопроеизводных возможностей.

На базе одних непроеизводных основ образован целый ряд слов, составляющих в ряде случаев обширные гнезда родственных слов (ср. *рука, земля, вода, везти, писать* и т. д.), на базе других — единичные слова изолированного характера (ср. *темя — темечко, втемяшиться, смычок — смычковый, штукатур — штукатурировать, штукатурный, галка — галчонок, галочий, галочка* и т. д.).

Наличие многих производных или, напротив, почти полное отсутствие родственных слов зависит не столько от принадлежности слова к устойчивой части лексики (т. е. к основному словарному фонду), сколько от его лексико-грамматических и структурных особенностей (ср. указанные выше слова *рука, писать*, с одной стороны, и *галка, темя*, с другой).

Необходимо иметь в виду также и то, что существование больших гнезд слов с той или иной непроеизводной основой в ряде случаев свидетельствует лишь о бывшей «производительности» соответствующего корня.

В современном русском языке он может быть уже и непроедуктивным. Как показывает материал проведенных в последние годы исследований, в настоящее время новые слова появляются в своем подавляющем большинстве не на базе слов с непроеизводной основой, а на основе слов, имеющих основу производную.

В составе сложных слов некоторые непроеизводные и производные основы теряют в известной степени свое конкретно-лексическое значение и начинают выполнять функции служебной морфемы. Чаще всего это наблюдается относительно основ, стоящих после соединительной гласной, т. е. опорных, но может быть и в первой основе сложного слова.

В таком случае возникают морфемы переходного типа, названные акад. В. В. Виноградовым словоэлементами, являются суффиксированные и префиксированные основы, исполняющие, с одной стороны, роль суффиксов и префиксов, а с другой, не порвавшие окончательно своих генетических и семантических связей с соответствующим корнем

(ср. *полу* в *полусвет*, *полушалок*, *полулежать*, *полушелк* и т. д., *-вод* в *бахчевод*, *пчеловод*, *свекловод*, *скотовод* и т. п.).

О таких морфемах см. стр. 98, 106, 108 и др.¹.

б) СУФФИКС

Суффиксом называется служебная морфема, которая располагается после производной основы и служит для образования слов и их несинтаксических форм.

По функциям суффиксы аналогичны приставкам. По своему постпозитивному местоположению по отношению к корню суффиксы сближаются с окончаниями, от которых они, однако, резко отличаются лексико-грамматическим значением и характером.

Так, в словах *бледна* и *ласково* окончание *-а* и суффикс *-о* одинаково находятся после производной основы, но они резко отличаются друг от друга своими функциями: если окончание *-а* образует форму слова синтаксического характера, то суффикс *-о* является словообразовательным элементом, с помощью которого от прилагательного *ласковый* образовано новое слово — наречие.

Находясь после корня, суффикс может следовать как непосредственно за ним, так и после какого-либо другого суффикса (ср. суффикс *-ость* в *злость* и в *затруднительность*).

В словах, имеющих окончание, суффикс, как правило, стоит перед окончанием: *читатели*, *крылатый*, *рассказывают* и т. д. Однако он может быть и после окончания.

Такого рода агглютинативные суффиксы наблюдаются в глаголе и отдельных разрядах причастий и местоимений.

Ср., например, *умываюсь*, *свешь-ка*, *формирующийся*, *кому-то*, *какого-нибудь* и т. д., где такими суффиксами, находящимися после окончания, являются суффиксы *-ка*, *-сь*, *-ся*, *-то* и *-нибудь*. Характерно, что все суффиксы, следующие за окончанием, по своему происхождению являются самостоятельными словами. Именно поэтому они нередко интерпретируются вместе с действительными частицами как

¹ См. об этом несколько иную трактовку этих явлений в статье В. П. Григорьева «О границах между сложением и аффиксацией», «Вопросы языкознания», 1956, № 4.

Подобное явление в значительно большей степени характерно для немецкого языка. См. книги К. А. Левковской «Лексикология немецкого языка», М., 1956, стр. 176 и след., и М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка», М., 1953, § 93, 114—118, 179—181, 144—148, 191—195, 253—266.

частицы, т. е. как слова (а не морфемы), служащие для выражения различных семантико-грамматических оттенков.

Однако такая трактовка этих языковых явлений вряд ли может быть признана правильной, ибо она основывается на происхождении анализируемых языковых явлений, а не на их функционировании в современном русском языке.

Не только *-ся(-сь)*, но и *-ка*, *-то*, *-нибудь* невозможны вне слона, как отдельные значимые единицы со свободным употреблением в предложении.

Образующее слово и пофлексийный суффикс составляют такое же слитное целое, между которыми вставки невозможны, как и соединение корня с суффиксами или приставками в пределах основы.

Так, между образующим словом и агглютинативным суффиксом *-то* в *кто-то*, *где-то*, *когда-то*, *какой-то* и т. д. не может быть никакой вставки, *-то* не способно стоять то после образующего слова, то перед ним.

Если же взять частицу (например, *было*), то она может занимать в предложении разное положение; от слова, к которому относится, ее можно отделить другими словами и т. д. (ср.: *Я хотел было написать письмо, да не стал. Я было хотел написать письмо, да не стал. Я хотел написать было письмо, да не стал. Я хотел написать письмо было, да не стал*).

Из пофлексийных суффиксов особого замечания требует *-ся (-сь)*. Этот аффикс наблюдается только в глаголе, действительных причастиях и деепричастиях (после основы).

В большинстве случаев аффикс *-ся* выступает в виде элемента залогового значения, т. е. как формообразующая морфема (ср. *литься, рассердиться, броситься* и т. д.). Вместе с тем в ряде образований аффикс *-ся* приобретает значение словообразующего элемента, выступая при словопроизводстве или одновременно с приставкой (ср. *расплакаться, присоединиться, разгуляться, вчитаться* и др.), или одновременно с суффиксом (*столоваться, гордиться, церемониться, хорохориться* и т. д.)¹.

Разграничение суффиксов и окончаний из-за различных функций и значений, им присущих, трудностей не вызывает. Определенные сомнения возникают лишь относительно, пожалуй, общепринятой трактовки морфем *-и*-и «вежливого»

¹ О суффиксе *-ся* см. А. В. Знаменская, Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке, Л., 1954.

-те в формах повелительного наклонения (*бери, принеси, едемте, остановитесь* и т. п.) как окончаний.

В самом деле, в современном русском языке существуют лишь две коррелятивные формы повелительного наклонения— 2-е лицо единственного числа и 2-е лицо множественного числа. Выражение повелительности формами 3-го лица единственного числа с *пусть* и 1-го лица множественного числа с особой интонацией представляют собой явления особого порядка, с двумя первыми несоотносительные.

Поэтому, думается, форма 2-го лица единственного числа на *-и* должна быть признана формой с нулевым окончанием, от которой форма 2-го лица множественного числа образуется с помощью окончания *-те*, а *-и* (в *бери, несите*) является суффиксом.

Суффиксом же следует признать морфему *-те*, служащую для образования от формы повелительного наклонения формы вежливого обращения.

В этом значении суффикс встречается в соединении с неглагольными основами императивного характера: *нате, нате, полноте*.

С присоединением аффикса *-те* в слове никаких новых синтаксических свойств не возникает, меняются лишь оттенки в его значении: например, в формах 1-го лица множественного числа категорический призыв к совместному действию уступает место вежливому (ср.: *Поедем со мной* и *Поедемте со мной*).

С фонетической точки зрения суффиксы могут быть от одного до шести звуков (ср. *тка-ч, пят-ер(о), хитр-ость, либераль-нича-ть, пир-шеств(о), издава-тельств(о)* и т. п.) и быть как открытыми, оканчивающимися на гласный (*прыг-ну-ть, ясн-ее* и пр.), так и закрытыми с конечным согласным (*лис-иц-а, тип-ичн-(ый)* и др.).

Следует отметить, что имена в этом отношении четко дифференцируются от других частей речи. В них почти преимущественно употребляются суффиксы закрытого характера.

Исключение составляют лишь формообразующие суффиксы, образующие сравнительную степень прилагательных, среди которых наряду с закрытыми встречаются и открытые (ср. *короче, старше, холоднее* и под.).

В глаголе одинаково часты как открытые, так и закрытые суффиксы: *толк-ну-ть, здрав-ствов-а(ть), пе-ва(ть), (се-ј-а)-л(а)* и т. д.

В сфере наречий подавляющее большинство суффиксов составляют, напротив, открытые (например, -о, -и, -ому (-ему), -мя: *старательно, трагически, по-хорошему, ревмя*), хотя существуют и закрытые (ср. морфемы -ом в *авансом*, -ой в *весной*).

Фонетический характер суффиксов наречий целиком определяется их происхождением из окончаний.

Примечательно, что не все согласные звуки в одинаковой степени способны выступать в качестве опорных элементов, образующих суффикс как определенное фонетическое целое.

Одни согласные звуки встречаются в суффиксе очень часто (ср. звуки, например, *н, к, в, т, /*), другие выступают в них только в отдельных, непродуктивных или малопродуктивных морфемах (ср., например, *и, с, д, з, ч, ж, л, б*).

Словообразовательные суффиксы всегда являются материально выраженными морфемами, представляющими собой звук или комплекс звуков. Что касается формообразовательных суффиксов, то среди них есть два таких, которые являются нулевыми, выделяющимися в слове лишь по сопоставлению коррелятивных форм, имеющих материально выраженные суффиксы.

Это глагольные суффиксы для образования формы единственного числа мужского рода прошедшего времени от глаголов типа *нести* и повелительной формы 2-го лица единственного числа от глаголов типа *бросить*. Нулевые суффиксы в таком случае всегда сопровождаются нулевым же окончанием.

Нулевой суффикс «повелительного значения» в словах *брось, засмейся, подвинься* выделяется по соотношению с формами *возьми, читай, держись*, содержащими суффиксы -и, / соответствующего значения. Здесь, между прочим, следует особенно строго разграничивать формы типа *читай* с суффиксом / (ср. *читать*) и типа *засмейся* с нулевым суффиксом (ср. *засмеяться, засмеюсь, засмеявшись* и т. п.), / здесь входит в образующий глагол и является суффиксом, ограничивающим глагольную основу от именной, где его нет: *сме-х*. Нулевой суффикс, указывающий на форму прошедшего времени глагола, наблюдающийся в словах *нес, греб, оглох, продрог, затих* и т. д., выделяется по соотношению с формами *несло, гребла, глохли, затихла*, с одной стороны, и *носил, правил, вздрогнул, услышал, стихнул* и пр., с другой.

Таким образом, например, в слове *продрог* было бы совершенно неверным выделять две морфемы. Это слово состоит

из четырех морфем: приставки *про-*, производной основы *-дрог-*, нулевого суффикса (для указания на прошедшее время глагола) и нулевого окончания (для указания на мужской род единственного числа). Нулевой суффикс, образующий форму прошедшего времени глагола, как и сопровождающее его нулевое окончание мужского рода единственного числа, возникли на базе материально выраженных суффикса *-л* и окончания *-ѣ* в результате утраты слабых редуцированных и отпадения *л* после согласного в конце слова (ср. древнерусск. *высохлѣ* > *высохл* > совр. *высох*).

Со структурно-генетической точки зрения суффиксы делятся на простые и составные.

Простые суффиксы выступают как морфемы, осознаваемые как неразложимые и целостные не только с точки зрения значения и выделения, но и внутреннего строения (*-и-*, *-тель*, *-изм-*, *-ат*, *-а*, *-ти* и т. д.).

Составные суффиксы, являясь целым, явно чувствуются все же как образования, возникшие путем объединения двух суффиксов.

В качестве составных суффиксов можно назвать суффиксы *-тельн-* (*упоительный*), *-овник* (*шиповник*), *-тельство* (*надругательство*), *-нича-* (*халтурничать*) ит. п., в структуре которых ясно осознается их происхождение из *-тель* и *-н-*, *-овн-* и *-ик*, *-тель* и *-ств (о)*, *-ник* и *-а*. Ср. два разных суффикса в словах *представительный* (образ правления) от *представитель*, *виновник* от *виновный*, (все) *учительство* от *учитель*, *сапожничать* от *сапожники* пр. (о разграничении такого рода фактов см. подробнее выше).

Употребляющиеся в русском языке суффиксы в своей подавляющей массе являются исконно русскими, возникшими на базе существующего в нем материала или унаследованными им из более древнего языкового источника.

Таковы, например, суффиксы в наречиях, представляющие по своему происхождению разнообразные окончания: *-и* в *дружески* восходит к *-ы*, старому окончанию творительного падежа множественного числа именных прилагательных мужского и среднего рода, *-ому(-ему)* является генетически окончанием дательного падежа полных прилагательных мужского и среднего рода, *-о* восходит к *-о* — старому окончанию именительного падежа именного прилагательного среднего рода.

Однако наряду с исконно русскими суффиксами в именах и глаголе имеется определенное количество заимствованных

суффиксов, пришедших в русскую словообразовательную систему извне.

Процесс заимствования суффиксов (как и служебных морфем в целом) не следует понимать как процесс перенимания самих суффиксов. Заимствуются слова, содержащие эти суффиксы. Выделение суффиксов происходит уже потом, когда рядом с заимствованными словами появляются родственные, содержащие ту же непроемную основу (ср. суффикс *-ант* в слове *диверсант* — есть *диверсия*, *-ид(а)* в слове *блокада* — есть *блокировать*, *-есс(а)* в слове *поэтесс(а)* — есть *поэт* и т. д.), в силу чего происходит процесс осложнения их основы (об этом см. стр. 129).

В том случае, если в русском языке образуется хотя бы небольшая группа одноструктурных слов, пришедших в него вместе с родственными, суффиксы начинают осознаваться как суффиксы регулярные, образующие определенную словообразовательную модель.

Это приводит иногда к тому, что заимствованные суффиксы становятся производящими в русском языке и свободно образуют новые слова даже от исконно русских основ (ср. старославянский по происхождению суффикс *-ущ(-ющ)* в причастиях, древнегреческий по происхождению суффикс *-изм* в существительных и т. д.).

Следует, однако, иметь в виду, что иноязычные суффиксы занимают в словообразовательной системе современного русского языка весьма скромное место. Это определяется не только их сравнительно небольшим количеством, но и их специфическими словообразовательными связями и образовательными, творческими возможностями.

Весьма характерно, что заимствованные суффиксы почти всегда в своей массе наблюдаются в таких словах, которые, как правило, не являются общеупотребительными и представляют собой словарные единицы иноязычного происхождения (ср. суффикс *-ит, -ат, -ант, -ионер* и др.).

Довольно редко (и далеко не все) суффиксы легко сцепляются с исконно русскими основами, образуя целые словообразовательные ряды и тем самым ясно проявляя свою продуктивность в русском языке. К таким, например, относятся суффиксы *-ист* (*баянист, значкист, очеркист, пушкинист, связист, хвостист, чекист, уклонист* и т. д.),

-иров- (*яровизировать, военизировать, советизировать*),
-аж (*листаж, подхалимаж, холуяж*)¹ и т. д.

Обычно* же они если и встречаются за пределами иноязычных по происхождению слов, то лишь в единичных словах (ср. такие слова, как *ерундистика, ухажер, славянофил, выпивон, старостат, болтология, теплофикация, верхотура, стервоза, старушенция, шагистика* и т. п.).

Для большинства имеющих в русском языке иноязычных по происхождению морфем является не менее характерным также и тот факт, что они очень часто бытуют в так называемых «связанных основах» и в ряде случаев выделяются с большим трудом.

В связи с тем, что при заимствовании глаголов и прилагательных всегда происходит словообразовательное переформление, в них чисто иноязычных суффиксов нет.

Появляющиеся в результате усвоения слов суффиксы в этих категориях всегда представляют собой составное единство, состоящее наполовину из заимствованного, наполовину из русского суффикса.

При заимствовании немецкого глагола *marschieren* в русском языке к его основе (для того чтобы ввести этот глагол в русскую грамматическую систему) прибавляется суффикс *-ов/у*. Слово приобретает вид *маршировать* и в связи с употреблением рядом существительного *марш* выделяет суффиксы *-иров-* и *-а(ть)*.

К суффиксам, появившимся в русском языке на базе иноязычных, кроме разобранных, относятся, например, глагольный суффикс *-изировать*, ряд суффиксов прилагательных (*-ичн(ый)*, *альн-(ый)*, *-ивн(ый)* и т. д.) и др.

Определяют суффиксальную специфику современного русского языка, однако суффиксы исконно русские.

Исконно русские суффиксы генетически распадаются на три группы. Одну группу образуют суффиксы, возникшие на базе старых окончаний. Это суффиксы наречий. В другую группу входят суффиксы, образовавшиеся в результате морфемизации слов. Сюда относятся все указанные выше пофлексийные суффиксы, суффиксы единичности *-ин*, *-ин(а)* (ср. *инок, инорог, иной*, в которых это корень), суффикс *-жды* в *дважды* и пр. (*-жды* восходит к корню

¹ О суффиксе *-аж* см. статью С. И. Ожегова «Существительные на *-аж* в русском языке», «Доклады и сообщения филфака МГУ», вып. 3, 1947.

шьд и родственно словам *шел, шедший, ходить* и т. п.)¹.

Однако число суффиксов, составляющих эти группы, незначительно.

Подавляющее большинство исконно русских суффиксов относится к третьей группе. Сюда входят суффиксы, унаследованные русским языком из общеславянского языка-основы, и суффиксы, возникшие на базе общеславянских в силу процессов переразложения.

Образование новых суффиксов в результате переразложения основы является основным способом пополнения суффиксального фонда в русском языке (см. стр. 127).

Надо сказать, что пополнение состава суффиксов новыми морфемами в именах и глаголе происходило различно.

В глаголе современная суффиксальная система с точки зрения состава сравнительно мало отличается от той, которая была характерна для общеславянской эпохи.

Новые суффиксы составного характера здесь возникали лишь на объединяющей основе суффикса *-а*: *-ва, -ыва (-ива), -нича, -ствов-а², -ка, -ов-а*-, указанные выше *-иров-а-, -изиров-а-*.

Старые суффиксы *-е* (из ѣ), *-и, -j, -н, -л* никаких производных не дали.

Иное мы наблюдаем в именах (существительных и прилагательных), суффиксальная система которых изменилась коренным образом не только в качественном отношении, но и в своем составе.

Подавляющее большинство суффиксов, в настоящее время регулярных и продуктивных, являются новыми образованиями, возникшими на базе однозвучных, ныне мертвых, или нерегулярных.

Более всего возникло новых суффиксов имен на базе суффиксов **ко, *то, *во, *но* (ср. *черпак — черпать, сев — сеять, залит — залить, тлен — тлеть* и т. п.).

Так, на базе суффикса **ко* возникли в результате переразложения основы (о нем см. на стр. 127) и сопровождающих фонетических процессов такие суффиксы, как *-и/с, -а/с, -ок, -енок, -ка, -инка, -янка, -овка, -няк, -ыка, -чик, (-щик), -льщик, -ник, -льник, -ач, -ец, -лец* и т. д.

¹ Суффиксом, генетически восходящим к окончанию (именно окончанию дательного падежа единственного числа слов с основой на *й*), является также суффикс инфинитива.

² О суффиксе *-ствов-а-* см. статью Н. С. Авиловой «К вопросу о словообразовательных типах русского глагола», «Русский язык в школе», 1955, № 2.

В силу специфики своего происхождения суффиксы современного русского языка в своей совокупности образуют не Параллельные и не зависимые ряды морфем, а целостную систему, основное ядро которой образует несколько обширных «гнезд» родственных суффиксов, регулярных и продуктивных.

Именно с помощью этих суффиксов образуется в настоящее время основная масса новообразований. Остальные суффиксы находятся как бы на периферии словообразовательной системы, являются обычно непродуктивными и нередко даже нерегулярными (ср., например, суффиксы существительных *-им*, *-д(а)*, *-еж*, *-ес*, *-ель* и т. д.).

Выше указывался лишь характер образования новых суффиксов на базе первичных, по своей структуре простых.

Естественно, что время образования того или иного суффикса может быть самым различным. Так, суффикс *-ость*, возникший, как полагает В. Вондрак, в результате переразложения и слияния суффикса *-от(а)* (ср. *высота*) и *-ть* (ср. *смерть*) (с изменением *tt > st*)¹, был словопроизводственным элементом уже в общеславянскую эпоху.

Суффикс же *-щик(-чик)* на базе объединения суффикса прилагательного *-ск-* и суффикса действующего лица *-ик-* в качестве образующей морфемы появился лишь в XIV в. и для других славянских языков не характерен.

Среди суффиксов есть как такие, которые всегда в слове выступают в одной форме, так и такие, которые могут варьироваться и появляться в слове то в одном, то в другом виде. Так, суффиксы *-тель*, *-нича*, *-ер(о)* (*писатель*, *вечность*, *либеральничать*, *пятеро*) разновидностей не имеют, у них всегда — один и тот же фонемный состав и изображаются на письме они всегда одинаково. Иное будет наблюдаться в суффиксах *-к(а)* (*пометка*), *-ец* (*сырец*), *-н(ый)* (*грешный*), *-ов* (*тосковать*), *-л(а)* (*прыгунья*) и др.

Эти суффиксы будут иметь различное звучание и написание в зависимости от того, в какой форме они выступают.

В родительном падеже множественного числа суффикс *-к(а)* появляется в виде *-ок* (*заметок*), в косвенных падежах суффикс *-ец* — в виде *-ц* (*сырца*), в краткой форме суффикс *-н(ый)* — в виде *-ен*, в настоящем времени суффикс

¹ О суффиксе *-ость* см. нашу статью «Происхождение и продуктивность суффикса *-ость* в русском языке». Сб. «Вопросы истории русского языка», изд. МГУ, 1959.

-ов — в виде суффикса -у, в родительном падеже множественного числа суффикс -j(a) — в виде -ий и т. д.

От варьирования суффикса в пределах различных форм слова следует ограничивать явление суффиксальной вариантности.

Вариантные суффиксы, будучи связанными друг с другом генетически и имея одно и то же значение, различаются между собой или словообразовательными связями, или стилистической окраской. В качестве суффиксальных вариантов, отличающихся друг от друга словообразовательными связями, можно привести суффиксы -ниj и -ениj, суффиксы -ство и -ество, суффиксы -ость и -ность, суффиксы -щик и -чик, суффиксы -ся и -сь и т. д.

Разница между суффиксами -ниj и -ениj заключается лишь в том, что они, будучи генетически родственными и синонимическими, отличаются друг от друга только тем, что суффикс -ниj образует существительные со значением действия от глаголов на -а и -е (*горение, печатание*), а суффикс -ениj — от глаголов с основой на -и и согласный (*приношение, моление*).

Суффикс -ество выступает как словообразовательный вариант -ство, появляющийся после основ на заднеязычные, шипящие и ц (ср. *соседство, нотворчество, ханжество* и т. д.).

Повлексийный суффикс -сь в качестве суффиксального варианта -ся наблюдается тогда, когда образующее слово оканчивается на гласный звук (ср. *сердиться, остается — осталась, гордяться* и т. д.).

Суффиксальные варианты, различающиеся между собой словообразовательными связями, как правило, при одной и той же основе быть не могут. Исключение представляет пара -ся и -сь: суффиксальный вариант -ся незаконно может появляться в стихотворной речи и после гласного, на месте -сь¹.

В качестве суффиксальных вариантов, отличающихся друг от друга стилистически, можно привести, например, суффиксы -ние — нье (ср. *волнение — волнение*) и -е —

¹ В ненормированной речи это может наблюдаться и в паре -ть — -та: суффиксальный вариант -ть, обычно употребляющийся только тогда, когда основа оканчивается на гласный, незаконно появляется иногда и после основы на согласный, т. е. на месте -ти (ср. просторечные *принесть, цвесть, плесть* вместо литературных *принести, цвести, плести*).

-ей (*сильнее — сильней*). Такие суффиксальные варианты появляются при одной основе и образуют стилистические варианты слова.

От суффиксальных вариантов, являющихся морфемами не только одного и того же значения, но и генетически родственными, следует четко отграничивать синонимические суффиксы.

Синонимическими суффиксами можно назвать такие суффиксы, имеющие общее значение, которые являются или воспринимаются с точки зрения происхождения и с точки зрения звукового оформления как совершенно самостоятельные морфемы.

Так, суффиксы *ниј* (-ен*иј*), -к(*а*), -б(*а*), -ти*ј*-, -еж-, -ац*ия* и др. являются синонимическими суффиксами, служащими для образования имен действия; суффиксы -ов-, -ин-, -ск(*ий*), (ср. *дедов*, *бабушкин*, *пушкинский*) являются синонимическими суффиксами, с помощью которых образуются прилагательные, обозначающие принадлежность; суффиксы -н(*я*), -льн(*я*), -ищ(*е*), -ник и пр. являются синонимическими суффиксами, служащими для образования имен со значением места и т. д.

Синонимические суффиксы обычно различаются между собой словообразовательными связями, кругом основ, с которыми они способны сцепляться. Однако в ряде случаев можно наблюдать и такие факты, когда однозначные суффиксы встречаются в соединении с одними и теми же производящими основами.

Естественно, что синонимичными в таких случаях могут быть и слова, образованные с их помощью. Правда, в русском языке всегда была заметная тенденция к устранению дублетности этого рода слов¹, но слова-синонимы с одной и той же производной основой не чужды ему и в настоящее время. Ср. *разница — разность*, *лукавство — лукавость*, *крутость — крутизна*, *волчиха — волчица*, *топонимика — топонимия*, *просьба — прошение*, *инструктаж — инструктирование*, *проворность — проворство*, *католиче-*

¹ Ср., например, вытеснение однокорневыми именами на -ость слов: *гнильство*, *терпчивость*, *слабость*, *близота*, *юноша*, *суровство*, *хитрство*, *щедрство*, *ветышина*, *храбрство*, *грубство*, *учтивство*, *глупство*, *смьльство*, *наглство*, *весельство*, *разньство*, *спесивство* и т. п., а также замену однокорневыми словами с суффиксами -от(*а*), -ин(*а*), -ев(*а*), -изн(*а*) имен на -ость: *высота*, *глубота*, *широта*, *силеность*, *немость*, *белота*, *великота* и др. Ср. развитие разных значений в словах: *верить — веровать*, *любитель — любовник* и т. п.

ство — католицизм, суматошный — суматошливый, напроказить — напроказничать и т. п.

Разбирая морфологическое строение таких слов, а значит, сравнивая и сопоставляя два или больше однокорневых слов-синонимов, необходимо помнить, что, имея одно и то же смысловое значение, они различаются между собой или сферой своего употребления, или стилистической окраской, или тем и другим. А так как это различие в них во многом определяется входящими и их состав словообразовательными морфемами, то важным является в таких случаях и установление тех оттенков, которые присущи в тех или иных однокорневых словах-синонимах словообразовательным элементам, в смысловом отношении одинаковым.

В некоторых работах однокорневые синонимические образования, имеющие синонимические суффиксы, считаются морфологическими вариантами одного и того же слова¹. Такое объяснение анализируемых образований принято быть не может, так как оно совершенно игнорирует структурную сторону слова, являющуюся такой же неотъемлемой его частью, как и значение (подробнее об этом см. выше).

Образуя новые слова и формы слова от какого-либо слова, суффиксы присоединяются не к целому слову, а к его основе. Этот способ присоединения суффикса наблюдается и тогда, когда образование слова происходит от предложно-падежной формы или словосочетания: *по ту сторону* — *потусторонний* (суффикс *-н-*), *от себя* — *отсебятина* (суффикс *-ятина*), *вне плана* — *внеплановый* (суффикс *-ов-*), *не без выгоды* — *небезвыгодный* (суффикс *-н-*), *подороге* — *подорожник* (суффикс *-ник*) и т. д.

К целому слову, включая окончание, присоединяются только агглютинативные суффиксы (см. выше, стр. 84). Присоединение других суффиксов к слову в целом возможно только в том случае, если образующее слово представляет собой чистую основу, окончания не имеющее (ср. *потомство*, *вчерашний*, *баюкать* и пр.).

Если образование слова с помощью суффикса происходит от глагола, то инфинитивный суффикс отбрасывается: *мечтать* — *мечта-тельный*, *свертывать* — *свертыва-ние*, *косить* — *косьба* и т. д.

Экзотическими исключениями являются такие слова, как

¹ См., например, книгу А. И. Смирницкого «Лексикология английского языка», М., 1956, стр. 42, и книгу О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии», М., 1957, стр. 213 и след.

растительный, женитьба, блюститель (ср. укр. *боротьба*), в которых суффиксы *-ба, -тель, -тельный* присоединены к целому инфинитиву, включая суффикс *-ть (-ти)*.

К инфинитивной основе глагола без *-ть(-ти)* суффиксы могут присоединяться как с сохранением классового показателя (*гулять — гуляка, молчать — молчаливый, акать — акание* и пр.), так и с его устранением (*подписать — подписка, тереть — терка, говорить — говорливый* и т. д.).

Следует отметить также и вполне определенную закономерность в способе присоединения суффикса к основе, зависящую от конечного звука образующей основы.

Если образующая основа оканчивается на гласный звук, то к ней может быть присоединен только прикрытый суффикс, начинающийся с согласного (*ломака, мяукать, блистательный* и др.).

В том случае, когда основа оканчивается на согласный, суффикс, присоединяющийся к ней, может быть как прикрытым (*ударник, ночник, тьякать, темный, прыгнуть* и пр.), так и неприкрытым, начинающимся с гласного (*баранина, ахать, чудак* и др.).

По своему значению суффиксы (как и приставки) могут быть формообразующими и словообразовательными. Отдельные суффиксы способны выступать в качестве синкретических морфем, формо-словообразующего характера.

Четкость и определенность значения суффикса зависит от того, является ли его значение свободным или оно выступает как связанное, является ли этот суффикс в данном слове или форме производящим элементом или же он достался им «по наследству» от образующей основы.

Обо всем этом говорилось выше (см. стр. 56 и сл.).

В глаголе, прилагательных, числительных, наречиях все суффиксы (не только формообразующие, но и словообразовательные) имеют очень абстрактное категориальное значение. Имеются с таким значением суффиксы и в именах существительных. Однако в них наблюдается также и ряд словообразовательных суффиксов с весьма конкретным значением.

Так, среди суффиксов имен существительных можно указать суффиксы «жены» (*-ш(а) — генеральша, -их(а) — мельничиха, -адья — попадья*), суффикс «болезни» (ср. *-ит* в *ларингит, плеврит, бронхит* и пр.), суффикс «мяса» (ср. *-ина* в *баранина, свинина, лососина* и др.), суффиксы, указывающие на пол действующего лица (*-ница — учитель-*

ница, *-ш(а)* — *кондукторша*, *-ья* — *бегунья* и т. д.), суффиксы «прибора» (ср. *-скоп*: *фильмоскоп*, *дефектоскоп*, *микроскоп* и т. д.).

Это объясняется специфическим значением имени существительного как определенной части речи и классифицирующим характером присущих ему суффиксов.

Именно это определяет в именах существительных разнообразие и богатство синонимических рядов суффиксов словообразовательного значения.

Следует, однако, учитывать, что среди каждого синонимического суффиксального ряда обычно выделяется один суффикс, в настоящее время продуктивный, все остальные выступают как суффиксы малопродуктивные или непродуктивные вовсе. Так, в сфере суффиксов, образующих абстрактные существительные качества и свойства, единственно продуктивным, активно образующим новые слова является суффикс *-ость* (остальные — *-ство*, *-ота*, *-изна*¹, *-ина*, *-ие*, *-ыня*, *-ица* и др. — непродуктивны), в сфере суффиксов, образующих абстрактные существительные со значением действия, неограниченной и яркой продуктивностью обладают только суффиксы *-ние*, *-ение* и т. д.

В отличие от приставок (см. ниже, стр. 98 и след.) большинство суффиксов выступает в русском языке как морфемы однозначные, способные выражать одно какое-нибудь значение (ср. суффиксы *-ость*, *-ыва (-ива)*, *-аст(ый)*, *-ист*, *-ин*, *-нича-*, *-л* (в глаголе), *-ер(о)* (в числительных), *-жды* (в наречиях), *-иров*, *-ние (-ение)*, *-льн(я)*, *-ин(ый)*, *-енок*, *-ул(я)*, *-л(о)*, *-щин(а)*, *-чин(а)*, *-очк(а)* и т. п.).

Однако есть в русском языке и такие суффиксы, которые могут иметь несколько значений, т. е. употребляться для образования не одной, а двух или нескольких семантико-грамматических групп слов. Два примера. Многозначным является суффикс *-тель*, выделяющийся как в словах со значением действующего лица (*писатель*, *водитель* и пр.), так и в словах со значением действующего предмета (*углубитель*, *выключатель*, *распылитель* и т. п.). Таким же многозначным, имеющим два значения является суффикс прилагательных *-оват (-еват)* (ср. *зеленоватый*, *твердоватый*, *красноватый* и *плутоватый*, *жуликоватый*, *крючковатый* и др.).

¹ О словах на *-изна* в русском языке см. нашу статью «Имена существительные с суффиксом *-изна* в русском языке». «Сборник статей по языкознанию», изд. МГУ, 1958.

От таких многозначных суффиксов следует строго отличать омонимические суффиксы. Омонимические суффиксы (или омосуффиксы) представляют собой такие одинаковые по звучанию и написанию морфемы, значения которых являются совершенно различными и не связаны друг с другом как основные и производные.

Так, оморфемами являются суффиксы в словах *ручка* (-к(a) — суффикс субъективной оценки), *лакировка* (-к(a)) — суффикс имен действия), *студентка* (-к(a) — суффикс для обозначения лица женского пола), *зачетка*, *техничка* (-к(a) — суффикс, превращающий в слово сочетание существительного и прилагательного) и т. д.

Омосуффиксы выделяются в глаголах *бросать* и *летать*: в первом -а — суффикс, указывающий на несовершенный вид глагола (ср. *бросить*), во втором -а — суффикс, указывающий на моторно-кратность движения (ср. выражение линейного, т. е. единичного и совершающегося в одном направлении действия в глаголе *лететь*).

В качестве омонимичных могут быть названы также суффиксы -ик (*в историк, листик*), -е- (*в видеть и синеть*), -а- (*в шагать, звать*), -ичн- (*во вторичный, типичный*), -j- (*в бегунья, братья*) и т. д.

Наиболее яркой особенностью омонимических суффиксов (кроме их различной, несводимой к общему смысловому стержню семантики) являются разные словообразовательные связи¹. Следует иметь в виду, что, как и в словах, в суффиксах, кроме омонимических, существуют также и оформные суффиксы (ср. -к- в *листка* и *книжка*, -ц- в *творца* и *дверца* и пр.), омографические суффиксы (-ик в *старик* и *историк*) и омофонные суффиксы (ср. родительный падеж множественного числа — *бедняг* и *бедняк* — именительный падеж единственного числа)². Правда, такого рода суффиксов в общем немного.

По своей функции очень близки к суффиксам суффиксоиды, представляющие собой опорные основы в сложных словах, образующих регулярную и продуктивную модель.

Функционально-семантическая близость такого рода корневых морфем к суффиксам особенно ярко видна тогда, когда

¹ Детальную и глубокую характеристику омонимии аффиксов см. в статье акад. В. В. Виноградова «О грамматической омонимии в современном русском языке», «Русский язык в школе», 1940, № 1.

² Понятие омонимии и ее отграничение от других явлений в словах освещается ниже, на стр. 157. •

от одной и той же **непроизводной** основы существуют синонимические друг другу суффиксальное и сложное образования: *китаист — китаевед, рыбак — рыболов, славяновед — славист* и т. д.

Не теряя семантических и генетических связей с соответствующим корнем и, значит, оставаясь корневой морфемой, в качестве суффиксоидов могут выступать: в прилагательных *-творный, -носный, -подобный, -образный, -видный* (примеры см. пп стр. 108), и существительных *-вед (правовед, товаровед, востоковед, почвовед), -вод (животновод, птицевод, шелковод) собаковод), -ход (теплоход, пароход, вездеход, атомоход), -воз (паровоз, электровоз, мотовоз, турбовоз), -мер (снегомер, тягомер, водомер, выотомер), -мет (пулемет, огнемет, бомбомет, гранатомет).*

Суффиксоид как морфему переходного типа следует четко отграничивать от суффиксов, генетически восходящих к корневым морфемам.

в) ПРЕФИКС

В качестве служебной морфемы префикс точно так же, как и суффикс, служит для образования слов или их несинтаксических форм. Именно в зависимости от этого среди них выделяются те же разряды: префиксы словообразовательные (*соавтор, праформа, выносить, антирелигиозный, дисгармонировать* и т. д.), префиксы формообразующие (*презабавный, наилучший, поближе, испугать, сформировать* и т. п.) и префиксы синкретического характера (например, *по-* и *за-* в словах *понести, запеть*).

Однако префиксы, будучи в известной степени аналогичными суффиксам, прежде всего по своим функциям, серьезно от них и отличаются. Это различие идет сразу по нескольким направлениям.

Прежде всего префиксы отличаются от суффиксов своим местоположением в слове. Если суффиксы располагаются после непроизводной основы слова, то приставки находятся в слове перед непроизводной основой. Это препозитивное положение префиксов по отношению к непроизводной основе может быть как непосредственным (*сумрак, проамериканский, замурить, разлить, паклен* и др.), так и опосредованным (ср. приставки *раз-, по-* и *на-* в словах *разнесчастный, понавыдереживать* и т. п.).

Только тогда, когда приставка превращается в носителя лексического значения слова в целом, она может оканчивать

основу. Так, в слове *ликбез* (ликвидация безграмотности) *без-* выступает уже не как приставка, а как сокращение основы *безграмотность*.

Препозитивное положение префиксов по отношению к непроизводной основе обуславливает и другие свойства, отличающие их от суффиксов, именно большую их самостоятельность в качестве значимой части слова, способ присоединения при словопроизводстве и формообразовании и характер образуемых с помощью префиксов слов.

В самом деле, если суффиксы выступают как образующие элементы вместе с окончаниями, то приставки всегда употребляются в таких случаях отдельно, сами по себе. В качестве одиночно выступающей морфемы префиксы образуют слова и их несинтаксические формы от целого слова (*праформа* от *форма*, *аморальный* от *моральный*, *предугадать* от *угадать*)¹. Именно поэтому (а также имея в виду происхождение приставок) префиксальный способ словообразования интерпретируется многими учеными, особенно в зарубежной лингвистике, как сложение².

С помощью приставок от целого слова можно образовать лишь слова того же самого лексико-грамматического разряда, что и образующее слово (от глагола *ходить* — только глаголы *приходить*, *исходить*, *заходить*, *уходить* и т. д.; от наречия *всегда* — наречие *завсегда* (разг.), от существительного *отдел* — существительное *подотдел*; от прилагательного *научный* — прилагательное *антинаучный* и т. д.).

Нет ни одной приставки в русском языке, с присоединением которой можно было бы образовать слово другой части речи, нежели образующее.

Диапазон действия у приставок значительно уже, чем это можно наблюдать у суффиксов. Продуктивные модели префиксального и суффиксально-префиксального образования в именах и наречиях очень немногочисленны и однообразны. В качестве активно производящих приставки наблюдаются лишь в сфере глагола и глагольных образований.

Приставки в значительно бóльшей степени, чем суффик-

¹ Суффикс, как отмечалось выше, превращает словосочетания и предложно-падежные формы в слова очень часто (*потусторонний* на базе *по ту сторону*, *богадельня* — на базе *бога дьяля* и т. д.).

² См., например, «Грамматику чешского литературного языка» Фр. Травничека, М., 1950, § 253 и след., «Deutsche Grammatik» W. Wilmann'a, Straßburg, 1896, стр. 115 и след., стр. 558 и след., «Общеславянский язык» А. Мейе, М., 1951, стр. 302—303; и т. Д.

сы, в своих образующих свойствах зависят от образующего слова (ср. *побежать, прибежать, отбежать, перебежать, выбежать, сбежать, недобежать* и т. д., но только *покраснеть* и *закраснеть*, присоединение приставки *раз-* к этому глаголу возможно лишь одновременно с агглютинативным суффиксом *-ся — раскраснеться*).

Это зависит от большей реальности значения приставок, которое для них характерно. Как уже указывалось, для суффиксов это свойственно в значительно меньшей мере.

С фонетической точки зрения префиксы, если они не являются однозвучными (*а, о, у, с, в*), представляют собой звуковой комплекс из двух — • пяти звуков (*на-, при-, кое-, ультра-* и др.)¹ и могут быть как открытыми, т. е. оканчивающимися на гласную, так и закрытыми, т. е. оканчивающимися на согласную.

Отдельные приставки могут выступать то как открытые, то как закрытые (ср. *разорвать — разрыть, вобрать — внести, отойти — отбежать, демобилизовать — дезинформация* и т. д.).

Однозвучные приставки являются или гласными (*а-, о-, у-*), или фрикативными согласными (*в-, с-*). Последние до падения редуцированных в древнерусском языке были двузвучными приставками: *въ-, съ-*.

Присоединение приставок к образующему слову не зависит от характера начального звука образующей основы и конечного звука приставки: рядом могут быть как согласные, так и гласные (*раскрыть, подстанция — приоткрыть, проамериканский* и др.). Иное, как уже отмечалось, наблюдается в суффиксах (см. выше).

Особенность приставки как значимой части слова (за редким исключением типа *приду, разевать*) очень четка и ясна. В качестве производящей морфемы они могут выступать и самостоятельно — при префиксальном способе словообразования — и вместе с суффиксом — при суффиксально-префиксальном способе образования: *наклен — пасынок, сумрак — суглинок, раструб — • распутье, разнести — разбежаться, влить — вжиться* и т. д.

От приставок, образующих слова и их несинтаксические формы и существующих в качестве определенных морфем

¹ Шестизвучная приставка *экстра-* заимствованного характера с трудом выделяется в настоящее время только в словах *экстраординарный* и *экстраполировать*.

словообразовательной системы, необходимо отличать приставки, возникающие в словах на базе предлогов при суффиксации предложно-падежных форм. В словах *подкатить*, *подзаголовок*, *придавить*, *призвук* наблюдаются настоящие приставки, с помощью которых данные слова образованы от слов *катить*, *заголовок*, *давить*, *звук*.

В словах *подводный*, *приморье* и т. п. *под-* и *при-* являются предлогами, ставшими префиксами в слове, в результате суффиксации предложно-падежных форм *под водой* и *при море*.

Фонетически приставки трансформируются слабо. Это объясняется тем, что видоизменение их зависит лишь от действующих законов редукции гласных и оглушения согласных. Ср., например, *подвалить*, *подкоп*, *подкуп*, *подрезать*, где приставка *под-* соответственно звучит *пѣд-*, *пат-*, *пот-*, *под-* и т. д. Префиксальные варианты наблюдаются редко и в основном связаны с характером начальных звуков образующего слова.

В структурно-генетическом отношении приставки, как и суффиксы, могут быть простыми (*пере-*, *из-*, *без-* и т. д.) и составными (*недо-*, *обез-*). Однако в отличие от суффиксов среди приставок составные почти не наблюдаются. Две вышеуказанные являются единственно регулярными и производящими. Система префиксальных морфем современного русского языка образуется приставками, структурно-генетически между собой не связанными, образующими параллельные ряды морфем, в то время как в суффиксах мы наблюдаем систему целого ряда «гнезд», связанных между собой единством функций и происхождения (ср., например, родственные агентивные суффиксы *-ак*, *-ч*, *-ач*, *-ик*, *-ец*, *-ник*, *-чик* (*-щик*), *-льщик* и т. д., в которых содержится общий элемент — общеславянский суффикс **ко*).

Реальное или чисто грамматическое значение особенно четко выступает в приставках тогда, когда они употребляются как средство словопроизводства или формообразования и являются продуктивными или регулярными. Это значение оказывается в них ослабленным (а иногда и трудно определяемым) в двух случаях.

Во-первых, если приставка не является в данном слове образующей. Таковы приставки в словах *засол*, *напев*, образованных безаффиксным способом, в словах *спокойный*, *скупать*, образованных суффиксальным способом и т. д.

Во-вторых, если приставка представляет собой нерегулярную морфему, слова с которой не образуют четко выражения

ного словообразовательного ряда (ср. приставки в словах *раскосый, прожилка, закоулок, сюрреализм* и т. д.).

По своему происхождению приставки могут быть как исконно русскими, так и иноязычными. Иноязычных приставок, вошедших в русский язык в составе заимствованных слов, в современной словообразовательной системе немного, встречаются они в немногочисленных словах (в основном с нерусской непроемной основой) и являются непродуктивными не только в сфере имен, но и в глаголе.

Естественно, что эти приставки заметной роли среди морфем современного русского языка не играют. Основную массу приставок составляют исконно русские приставки. Только две приставки являются морфемами, возникшими на базе трансформации и осложнения по образованию более ранних приставок. Это появившиеся в результате переразложения на стыке префикса и производящего слова, содержащего префикс, составные приставки *недо-* и *обез-* (ср. *недооценить, невыполнить, обезболить, обезлюдеть* и т. д.), о которых выше уже говорилось. Все остальные приставки по своему происхождению являются словами, которые стали морфемами, прежде предлогами и частицами.

Так, к частицам восходят такие, например, приставки, как *не-* (*ненужный, неточный, неурожай, нездоровится, невыгода* и т. д.)¹, *ни-* (*ничто, никуда, нигде* и др.), *кое-* (*кое-как, кое-кто, кое-какой* и пр.)².

Большая часть префиксов произошла однако из предлогов. Следы предложного происхождения подавляющего большинства приставок ясно проявляются в настоящее время. Почти каждой приставке есть соответствие среди предлогов, и наоборот (исключения типа *вы-, раз-, к-, перед-* единичны). Реальное значение многих приставок соотносительно с пространственно-временным значением предлогов.

Генетическое родство приставок и предлогов проявляется, в частности, в их тавтологическом повторении при сочетании глагола и предложно-падежной формы (ср. *войти*

¹ О приставке *не* см. статью А. Ф. Кулагина «О частице *не* и приставке *не*», «Русский язык в школе», № 6, 1957.

² Слова, образованные с такими приставками, обладают весьма нехарактерной для слов особенностью: между этими приставками и образующим словом возможны вставки служебных слов, приводящие как бы к «распадению» единого слова на три словарные единицы: *никто — ни к кому, ни с кем, нездоровится — не совсем здоровится, кое-что — кое в чем* и т. п.

вгород, добежать до финиша, изгнать из города, подсунут/ под дверь, отрезать от батона и т. д.).

Несколько особо стоят именные приставки *на-*, *су-*, *при-* (*паголенок, патрубок, сукровица, суягная, паклен, придед*), *прародина, праславяне*), однако и они генетически связаны с предлогами *по-*, *с-*, *про-*¹.

Приставки могут формироваться не только на базе служебных слов, но и на базе однозначных слов.

К таким следует отнести приставку *сверх-*, соотносительную с латинской по происхождению приставкой *ультра-* (*сверхмощь, сверхнизкий, сверхчеловек* и т. д.), и архаическую приставку *низ-* (*низводить, нисходить, ниспровергать* и др.).

подавляющее большинство приставок, употребляющихся в настоящее время, является в отличие от суффиксов очень древними образованиями. Пополнение префиксального фонда продуктивными элементами идет слабо и осуществляется в основном, как мы уже видели, за счет включения в систему русского словообразования иноязычных приставок. Если система суффиксов с общеславянской эпохи раннего периода до настоящего времени претерпела коренные изменения, то в области префиксов по сравнению с общеславянским языком в современном русском языке наблюдаются лишь отдельные новшества и утраты. Мы и сейчас в сущности пользуемся той префиксальной системой, которая была характерна для эпохи языкового единства славян.

Преимущественной сферой использования приставок является категория глагола. В других частях речи приставки в качестве образующих морфем встречаются значительно реже. Этим объясняется тот факт, что в отдельных учебных пособиях и даже научных работах при описании соответствующей части речи префиксальному способу образования существенного внимания не уделяется. Между тем изучение этого способа образования имеет очень большое значение для познания словообразовательной системы в целом и может дать (при условии привлечения диалектного и сравнительно-исторического материала) огромные результаты.

Имея в виду продуктивность приставок в глаголе, не следует вместе с тем забывать, что и в этой части речи не все приставки являются активными и не все глаголы одинаково способны соединяться с приставками. Способностью

¹ А. Мейер, *Общеславянский язык*, 1951, стр. 302—303.

свободно соединяться с приставками обладают только такие глаголы, которые являются или осознаются сейчас как слова, непронизводная основа которых является исконно глагольной.

Что касается отыменных глаголов, образованных от имен существительных и прилагательных, то они образуют приставочные формы очень скупо. Так, глагол *сапожничать* допускает присоединение к себе лишь приставки *по-*, глагол *звереть* — лишь приставки *о-* и т. д.

Естественно, что как только глагол перестает осознаваться как отыменное образование, от него сразу же появляются префиксальные (ср. глаголы *работать*, *делать*, являющиеся производными от *работа* (<рабъ) и *дело* (дѣти, дѣяти—«делать»)), от которых имеются производные с целым рядом приставок: *пере-*, *с-*, *за-*, *от-*, *до-*, *раз-* и т. д.

Учитывая тот факт, что образование новых глаголов, а не воспроизведение старых, осуществляется с помощью суффиксации от других частей речи, а не с помощью приставок (число которых ограничено), нельзя переоценивать префиксальный способ образования и в области глагола.

Префиксальные глаголы чаще всего оказываются не новообразованиями от соответствующих беспрефиксных глаголов, а существующими рядом самостоятельными (хотя и родственными) глаголами, воспроизводимыми как целостные значимые единицы.

Как и среди суффиксов, среди приставок наблюдаются синонимические морфемы, имеющие одно и то же реальное или чисто грамматическое значение (ср. *выбросить* — *изгнать*, *полететь* — *заиграть*, *прескверный* — *наилучший*, *неграмотный* — *аритмичный*, *ослабеть* — *наточить*, *ужалить* — *присниться* — *возмужать* и т. д.), однако большие синонимические ряды наблюдаются только для отдельных разрядов приставок, именно для приставок степени и отрицания (в именах) ¹ и совершенного вида (в глаголе) ².

При анализе приставок с разбираемой точки зрения необходимо иметь в виду как то, что синонимическими морфемами являются только такие, которые выражают абсо-

¹ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, ч. 1, М., 1957, стр. 253—292.

² Подробная характеристика этих приставок (с разграничением их от приставок реального значения) дана акад. В. В. Виноградовым в книге «Русский язык», М., 1947, стр. 530—539.

лютно одно и то же понятие, так и то, что синонимичность слов не свидетельствует автоматически о синонимии составляющих его морфем. Неучет этого может повести к такому же непропорциональному расширению понятия префиксальной синонимии, какое наблюдается в ряде случаев у Е. С. Истриной в «Грамматике русского языка» АН СССР (см. трактовку глаголов *отошел* — *ушел*, *обмотать* — *замотать* и др.)¹.

Реальное или чисто грамматическое значение приставки в глаголе неразрывно связано с тем, что представляет собой в структурно-семантическом отношении соответствующий беспрефиксальный глагол.

В глаголах с исконно глагольной непроизводной основой приставки, как правило, имеют реальные — пространственно-временные — значения и в качестве формообразующего элемента выступают сравнительно редко.

В глаголах, производных от слов других частей речи, те же приставки обычно выступают уже как приставки, с помощью которых образуются соотносительные глаголы совершенного вида. Ср., например, *облить* — *обледенеть*, *унести* — *усовершенствовать*, *полететь* — *покраснеть*, *запеть* — *заржаветь*, *приоткрыть* — *приготовить* и т. д.

Конкретный характер и значение глагольной приставки, собственно говоря, могут быть выявлены (даже если это регулярная и продуктивная морфема) только в соответствующем глаголе. Последнее положение определяется, кроме того, и чрезвычайно богатой омонимией приставок, существующих в русском глаголе.

Почти всякая активно производящая приставка имеет соответствующую себе омоморфему.

Естественно, что омонимическими приставками можно считать только такие, значения которых осознаются в настоящее время как генетически не связанные и не выводимые одно из другого.

Омоморфемами, например, будут приставки *из-* (со значением, аналогичным приставке *вы-* и противоположным приставке *в-*) в глаголе *изгнать* и *из-* (со значением полной исчерпанности действия) в глаголе *исписать*, приставка *о-*, указывающая на совершение действия вокруг (*опахать*), и *о-*, используемая как формообразующая морфема для образования форм совершенного вида (*опечалить*) и т. д.

¹ «Грамматика русского языка», т. 1, М., изд. АН СССР, 1952, стр. 578,

Среди именных приставок омоморфемы единичны (ср. *про-* в *пролесок*, *проседь* и *проректор*, *раз-* в *раскрасавица* и в *развилаина* и некоторые другие).

Значительно более независимым от производящего имени является в них и их конкретное значение степени, отрицания, неполноты, приблизительности, изначальности, совместности, подчиненности и т. д. (ср. *наиспособный*, *сверхприбыль*, *ультраправый*, *незнание*, *беспорядок*, *аритмия*, *сумрак*, *паклен*, *прародина*, *соучастник*, *подгруппа*, *проблеск*, *привкус*, *предыстория* и др.).

В качестве словообразовательных или формообразующих морфем приставки (несмотря на то, что они явно чувствуются в слове) вычленяются как значимые части далеко не всегда.

Во многих словах в связи с опрошением на стыке префикса и корня они уже не выделяются. Это, например, наблюдается в словах *навоз*, *позвонок*, *исчезать*, *обожать*, *несуветный*, *пасмурный* и т. п., в которых приставки возможно выделить лишь этимологически.

Невыделяемость приставки нельзя отождествлять с ее десемантизацией, при которой префикс, продолжая выделяться, превращается в морфему, семантически ослабленную, с трудно определяемым значением, на первый взгляд иногда даже в «незначимую» часть слова (ср. приставки в словах *облик* — *лицо*, *спокойный* — *покой*, *смерть* — *умирать*, *прожилка* — *жилка*, *прихоть* — *хотеть*, *упрек* — *попрек*, диалектн. *промеж* — *меж*, *опосля* — *после* и т. д.).

Семантическая опустошенность таких приставок, однако, является мнимой. Так, в слове *охота* приставка *о-* указывает на именной характер основы (ср. *хотеть*), в слове *супротив* приставка *су-* сообщает слову просторечную экспрессивно-стилистическую окраску (ср. *против*) и т. д.

Как приставка в функциональном отношении употребляется в настоящее время также и префиксированная основа *полу-*, все еще связанная в определенной мере с *половина* и *пол*.

Префиксоид *полу-* в современном русском языке образует в основном существительные и прилагательные (*полумесяц*, *полуколония*, *полутень*, *полупустыня*, *полукустарник*, *полуцир*, *полубак*, *полуботинки*, *полущубок*, *полуголодный*, *полукрытый*, *полуживой*, *полупьяный*, *полупрозрачный*, *полуодетый*, *полузабытый* и др.), но встре-

чается он изредка и в глагольных формах (*полусидеть, полуспать, полупотухнуть* и др.).

Основными значениями *полу* являются «половина» (того, что обозначено опорной основой), «пополам», «не совсем», «почти».

г) СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАСНЫЕ *o/e*

Образование сложных слов слитного характера, представляющих собой одно словесное целое и имеющих единое словоизменение, происходит в современном русском языке в сфере имен очень активно, но по-разному. Это зависит как от того, на базе чего образуются сложные слова, так и от того, как они образуются.

Сложные слова могут быть образованы и на основе объединения в одно словесное целое полных слов или основ, и на основе объединения (если производятся существительные) основ или слов сокращенных.

В первом случае сложение осуществляется обычно с помощью соединительных гласных *o* и *e* (исключения Типа *Калининград, сорвиголова* и др. немногочисленны), во втором случае сложение является непосредственным и соединительные гласные *o/e* в словообразовательном процессе, как правило, не участвуют (ср. *совнархоз, медсестра* и т. д.).

Почти всегда обязательными соединительные гласные оказываются и тогда, когда сложные слова образуются с помощью сложносuffixального способа, при котором новое слово возникает в результате сложения двух основ и одновременной суффиксации опорной основы (*черноморец, легкомыслие, железнодорожный, белоснежный* и др.).

Сказанное определяет то большое значение, которое имеют в словообразовательных процессах современного русского языка соединительные гласные *o* и *e* представляющие собой наиболее яркую примету структуры подавляющего большинства сложных слов.

Между тем до сих пор в лингвистической литературе нет не только детального анализа характера и специфики употребления этих морфем, но и краткой, самой предварительной характеристики.

Такая первоначальная характеристика соединительных гласных с учетом прежде всего тех аспектов, которые являются особенно важными для данной проблемы, ниже и дается.

Среди служебных морфем, составляющих вместе с корнем производную основу, соединительные гласные занимают совершенно особое место. Подобно приставкам и суффиксам, они находятся в составе основы. Однако в то время как приставки и суффиксы могут быть как словообразовательными, так и формообразующими аффиксами, соединительные гласные всегда выступают как словообразовательные морфемы и в качестве таковых участвуют лишь в процессах создания новых слов.

Производная основа, в которой выделяются соединительные гласные, всегда является сложной, включая в свой состав не одну непродуцированную основу, а по крайней мере две.

Этим соединительные гласные *о* и *е* также отличаются от суффиксов и приставок, в одинаковой степени возможных в пределах как сложных слов, так и простых.

Правда, следует иметь в виду, что среди сложных слов, имеющих соединительные гласные *о/е*, находятся и такие, в которых опорная основа в известной степени потеряла свое конкретное лексическое значение и превратилась в своеобразный словообразовательный элемент, аналогичный суффиксу (например, *музыковед*, *пчеловод*, *орденоносец*, *медоносный*, *шаровидный*, *порошкообразный*, *болезнетворный*, *мужеподобный* и т. д.).

Однако несмотря на абстрактную семантику, близкую к словообразовательному значению суффикса, такие основы до сих пор связаны по своему значению с соответствующими основами конкретного значения (*ведать*, *водить*, *носить*, *вид*, *образ*, *творить*, *подобный*) и четко осознаются в силу этого как корневые (а не аффиксальные) элементы слова.

Особенно сильно соединительные гласные как словообразовательные морфемы отличаются от приставок и суффиксов в семантическом отношении.

В то время как регулярные приставки и суффиксы (последние особенно в именах существительных) имеют свободное¹, в общем весьма четкое и определенное логико-грамматическое значение, соединительные гласные предстают перед нами как морфемы, значение которых является чисто словообразовательным и сводится к выражению прос-

¹ О понятиях регулярности и нерегулярности, связанном и свободном значениях аффиксов см. выше.

той идеи соединения. По своей семантике, совершенно независимой в отличие от значения суффиксов и приставок от образующих основ, соединительные гласные, собственно, аналогичны соединительным союзам. Разница лишь в том, что соединительные союзы выступают как **с в я з о ч н ы е** слова, объединяющие слова и части сложного предложения в составе предложения, а соединительные гласные являются **с в я з о ч н ы м и** морфемами, объединяющими основы и слова в составе слова.

В отдельных случаях (если они не требуются соответствующей словообразовательной моделью) соединительные гласные приобретают характер семантически пустых звуков, появляющихся в слове лишь в силу фонетических причин.

Так, если в словах *железобетон*, *рыболов*, *сухофрукты* соединительная гласная *о* является связочной морфемой, обусловленной определенными правилами словообразования (как уже отмечалось, сложение полных основ и слов осуществляется, как правило, с помощью соединительных гласных), то в слове *технорук* она со словообразовательной точки зрения представляет собой явление незаконное (ибо сложение сокращенных основ осуществляется без посредства соединительных гласных, ср. *политрук*, *военрук*, *физрук*) и никакого значения не имеет.

Наличие соединительной гласной *о* в слове *технорук* объясняется не правилами современного русского словообразования, а современным фонетическим строем русского языка, существующей произносительной практикой: соединительная гласная *о* необходима в этом слове как средство уничтожения образующегося стечения согласных (*технруктехнорук*).

Различными по своему характеру соединительные гласные могут быть и в составе слов, производные основы которых имеют два полных корня.

В одних словах, образованных сложением, они будут морфемами, с помощью которых эти слова образованы: *судоверфь*, *атомоход*, *ярко-желтый* и т. д., в других (образованных не сложением, а каким-либо другим способом) — морфемами, доставшимися данным словам по наследству от производящего слова: *домоседка* (от *домосед*), *пароходство* (от *пароход*), *старобрядческий* (от *старобрядец*), *вольнодумничать* (от *вольнодум*) и т. д.

В качестве связочных морфем соединительные гласные *о/е* в современном русском языке выступают чаще всего

как фонетически обусловленные варианты, появление которых в слове зависит от характера конечного согласного первой основы сложения.

Если первая основа сложения оканчивается на парный твердый согласный, то в качестве соединительного гласного выступает *о*: *пароход, растворомешалка, пивовар* и т. д.

Если же первая основа сложения оканчивается на мягкий согласный или твердые шипящие и *ц*, то в качестве соединительного гласного выступает *е*: *мореплаватель, буревестник, пешеход, кожеед, пучеглазый, любвеобильный, овцевод* и т. д.

Появление *е* после твердых шипящих и *ц* вполне понятно и является исторически вполне оправданным: шипящие *ж, ш* и *ц* были в древнерусском языке мягкими и отвердели лишь в XIV—XV вв., когда отмечаемое словообразовательное правило употребления *о/е* было уже давней и прочной традицией.

Однако указанное правило употребления соединительных гласных *о* и *е* не проводится последовательно во всех употребляющихся в настоящее время сложениях.

В целом ряде слов на месте ожидаемого *е* наблюдается «незаконное» *о*.

Такая «странная» соединительная гласная *о* в сложных словах, первая основа которых оканчивается на мягкий согласный, наблюдается иногда лишь в тех случаях, когда конечными согласными основы выступают мягкие согласные *н, р, т, в* (*зверь, конь, камень, честь, кость, власть, плоть, кровь* и некоторые другие).

Таковыми «неверно» образованными, но вполне обычными словами, в которых части сложения связаны между собой не соединительной гласной *е* (как мы ожидали бы), а соединительной гласной *о*, являются, например, слова *конокрад, коновязь, зверолов, звероподобный, каменотес, каменоломня, честолюбие, властолюбие, костоед, плотоядный, кровообращение, кровопийца, кровожадный, песнопение, баснописец* и т. п.

Рядом с такого рода словами иногда существуют и слова, где после той же первой основы закономерно появляется *е*: *коневод, конезавод, камнеобработка, камнерезный, костедробильный, кровеносный, песнетворчество* и др.

По времени возникновения все эти слова являются недавними образованиями, значительно более поздними, не-

жели родственные им по первой основе слова с *o*, указанные выше.

Регулярное и продуктивное образование сложных слов слитного характера, как уже отмечалось, в настоящее время неразрывно связано с использованием соединительных гласных *o/e*, выступающих в слове в виде ярких и непосредственных показателей его словообразовательной сложности.

О безраздельном господстве словообразовательной модели с *o/e* в производстве сложных слов свидетельствуют прежде всего многочисленность и разнообразие типов сложений с *o/e* по сравнению со сложениями без соединительной гласной.

О восприятии словообразовательной модели с *o/e* для образования сложных слов в качестве наиболее морфологизированной и типичной в русском языке, а соединительных гласных как наиболее яркой приметы сложений свидетельствуют также и отдельные случаи переоформления сложных заимствованных слов, и факты калькирования, и появление соединительных гласных в словах ранее иных словообразовательных разрядов, и отмечаемая изредка ложная этимологизация простых слов как сложных, и, наконец, сравнение с родственными славянскими языками.

Так, при заимствовании сложных слов в них появлялась иногда по аналогии с активной моделью соединительная гласная *o*: нем. *Pudermantel* дало ныне устаревшее *пудромантель*, нем. *Perlmutter* дало *перламутр* (сначала *перломутр*) и т. д.

В процессе калькирования в соответствии с отмеченным выше наблюдается известное отступление от точного следования за структурой калькируемого слова: в кальке появляется соединительная гласная, которой в калькируемом слове не было.

В качестве примеров можно привести слова *глазомер* (калька с нем. *Augenmaß*), *земледелие* (калька с лат. *agricultura*), *многоопытный* (калька с гр. *polypeiros*), *односторонний* (калька с нем. *einseitig*) и т. д.

Ср. также древние *виноград*, *воевода*, являющиеся кальками с готских слов *weinagards*, *hehisogo*.

Очень часто слова, образованные лексико-синтаксическим способом словообразования (т. е. сращением в слово словосочетания) и, естественно, не имевшие первоначально в своем составе соединительной гласной, с течением

времени, подвергаясь воздействию основной модели сложения с *o/e*, получали ее.

Так *противуположный* превратилось в *противоположный*, *домуправитель* — в *домоуправитель*, *кровипролитие* — в *кровопролитие*, *доматканый* — в *домотканый* и т. д.

То же можно отметить и относительно целого ряда слов иного типа образования.

О продуктивности словообразовательной модели с *o/e*, кроме указанных фактов, говорит изредка наблюдаемая ложная этимологизация простых слов как сложных.

Такого рода примеры проникают иногда даже в научный обиход. Например, как сложное было осознано и вслед за Соболевским до сих пор объясняется слово *горлопан*¹.

На самом деле по своему происхождению это слово является простым, а не сложным и образовано с помощью суффикса *-ан* (ср. диалектное *горлопай* — «горлопан», *горлопастый* — «крикливый», литературное *шалопай*, диалектное *шалопан*, антропонимические *Воропанов*, *Воропаев* от древнерусских *Воропань*, *Воропай* и т. д.) от существительного *горлопа* (ср. укр. *горлепа*).

На продуктивность словообразовательного типа сложений с *o/e* и непродуктивность иных указывают также и случаи различного производства сложных слов на базе одних и тех же основ в русском и других, ему родственных славянских языках.

Так, польск. *woziwoda* в русском соответствует *водо-воз*, укр. *гонивітер*, *грайворон* аналогичны русским *ветрогон*, *вороноград* и т. п.

Почти все новообразования сложного характера, появившиеся в последнее время (как среди существительных, так и среди прилагательных; в сфере глагола способа сложения не наблюдается), являются словами с соединительными гласными *o/e*.

Сравнительно-историческое изучение сложных слов в русском и славянских языках показывает, однако, что тип сложных слов с соединительными гласными *o/e*, являющийся сейчас основным и единственно продуктивным, не является первичным.

Этот словообразовательный тип возник на основе другого, ныне в русском языке совершенно непродуктивного, именно на основе сложных слов, в которых объединение

¹ См. М. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 1953, т. 1, стр. 296.

частей осуществлялось непосредственно (ср. слова *медведь, ночлег*) и в качестве первой части сложения выступала основа на **o/jo*: *злодей, листопад, пешеход, солнцепек* и т. д.

Первоначально такие слова, как *злодей, листопад*, представляли собой образования, аналогичные словам вроде *медведь, ночлег* и т. п., и никакой соединительной гласной не содержали.

Слово *злодей* возникло путем объединения основы *зло*, состоящей из корня *зл-* и тематического суффикса *-о-*, и слова *дѣи* — «делатель»; слово *листопад* возникло в результате сложения основы *листо*, состоящей из корня *лист-* и тематического суффикса *-о-*, и слова *падѣ* — «падание» и т. д.

Именно из тематического суффикса *-о-* (и его видоизменения после *j*—*e-*), который входил как значимая часть слова в первую основу сложения, и возникли затем — в результате процесса перерасположения — соединительные гласные *o* и *e*, ставшие как связочные морфемы «межосновными».

Трансформация тематического суффикса *-о-* (и его видоизменение после *j*—*e-*) в соединительные гласные *o/e* относится к глубокой древности.

В эпоху общеславянского языкового единства соединительные гласные как определенные словообразовательные морфемы уже существовали. Об этом ярко свидетельствуют общеславянские сложные слова (типа *водоносѣ* — «коромысло»), в которых в качестве первого элемента сложения выступают основы с каким-либо другим тематическим суффиксом (слово *вода* имеет основу на *ǫ*).

Определенно с помощью соединительных гласных по типу *злодей, листопад* были образованы слова *чародей, лицедей, прелюбодей, снегопад, водопад* и т. д.

Образование сложных слов с помощью соединительных гласных в дописьменную эпоху у славян было сравнительно слабым. Словообразовательная модель с соединительными гласными *o/e* становится продуктивной значительно позднее, прежде всего в связи с развитием сложной системы словообразовательных средств литературных славянских языков (в частности, и русского).

В процессе оформления соединительных гласных *o/e* в качестве продуктивных словообразовательных морфем определенную роль, несомненно, сыграло интенсивное калькирование сложных греческих слов, имевших аналогич-

ный соединительный гласный (ср. *kakologeîn* — злословити, *mikropsychia* — малодушие и т. д.).

Соединительные гласные *o/e* как связочные морфемы необходимо четко отграничивать от явлений иного порядка, внешне их напоминающих. Так, было бы неверно в словах *малоупотребительный, дикорастущий, сильнодействующий, здравомыслящий, нижеследующий* и т. п. считать *o/e* соединительными гласными. Как слова, возникшие при помощи лексико-синтаксического способа словообразования, указанные прилагательные никаких соединительных гласных не содержат: *o/e* в них являются наречными суффиксами (—о словообразующим суффиксом, *a-e* — формообразующим).

Не менее ошибочным было бы выделение соединительных гласных в словах *автозавод, велогонка, авторегулятор, метеосводка* и т. д. Во всех этих словах, представляющих собой сложение сокращенной и полной основы, *o* морфемы не образует и является такой же неотъемлемой частью сокращенных основ *автомобильный, велосипедная, автоматический, метеорологический*, как согласные *ф, т, р* и др. в словах *профсоюз, партактив, зарплата* и т. п. основ *профессиональный, партийный, заработный*.

В фонетическом отношении весьма характерным для соединительных гласных *o/e*, как выделяющихся и значимых частей слова, является то, что на них никогда не падает ударение.

Неударность *o/e* — один из их отличительных признаков. В сложных словах ударение всегда наблюдается на корневых морфемах (ср. *пылесос, водопровод, морозостойчивый, машиностроение* и т. п.).

На первый взгляд исключение представляют образования типа *текстолог, лексиколог, диалектолог, психолог, этнограф, топограф, историограф, библиограф* и т. п.

Однако это исключение является мнимым, так как интерпретировать эти слова как сложные, в которых опорная основа подверглась словообразовательному обобщению и используется в качестве морфемы, аналогичной суффиксу, можно только с этимологической точки зрения.

То же можно сказать и относительно слов вроде *библиотека, фильмотека, картотека, дефектоскоп, фильмоскоп, микроскоп* и т. п., в которых *o* является безударным.

Интерпретировать *-лог, -граф, -тека, -скоп* и др. как производные основы (пусть даже с очень абстрактным зна-

чением) и включать их в группу суффиксоидов типа *-вед*, *-вод*, *-носец* и т. п. (о них см. выше) с точки зрения современного языкового сознания нельзя.

Ведь с соответствующим значением ни один из этих комплексов (в отличие от *-вед*, *-вод*, *-носец* и пр.) в качестве корневой части слова не встречается в настоящее время ни в одном слове.

В силу этого слова типа *текстолог*, *этнограф*, *фильмотека*, *дефектоскоп* и т. д. следует считать суффиксальными образованиями, которые соединительных гласных в своем составе не содержат.

Ударное или безударное *о* в таких словах относится к суффиксам *-олог*, *-ограф*, *-отека*, *-оскоп*, возникшим на основе слияния соединительной гласной *о* с первоначально корневыми морфемами *-лог*, *-граф*, *-тека*, *-скоп*. При выделении суффиксов *-лог*, *-граф*, *-тека*, *-скоп'* придется признать, что соединительные гласные в русском языке могут использоваться не только при сложении, но и для соединения производящей основы и суффикса.

Способность или неспособность той или иной выделяемой морфемы выступать как в качестве служебной, так и в качестве корневой (ср. *оруженосец* — *носильщик*, *кроликовод* — *разводить*, но только *танкодром*, *аэродром* и др.) является основным показателем для разграничения суффиксоидов² от суффиксов, а следовательно, и сложных слов от суффиксальных.

Суффиксы употребляются в слове лишь как служебные морфемы и в виде корневых встречаться не могут (если не берут на себя роль выражения основного лексического значения слова: *Александра* > *Саша* > *Сашура* > *Шура*).

Суффиксоиды и существуют лишь постольку, поскольку они могут выполнять роль как корневой (*носить*, *творец*), так и служебной морфемы, аналогичной суффиксу (*смертоносный*, *смехотворный*).

Соединительные гласные *о/е* как значимые части слова могут быть выделены, естественно, только в том случае, если анализируемое слово осознается как сложное.

¹ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, 1947, стр. 105; А. И. Смирницкий, *Некоторые замечания о принципах морфологического анализа слов*. «Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ», вып. 5, 1948, стр. 24.

² Их иначе называют суффицированными словоэлементами; см. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М, 1947, стр. 105.

Если же слово пережило процесс переразложения (см. выше замечание о словах *текстолог*, *фильмотека* и т. п.) или опрощения, то никаких связочных морфем в них нет.

Так, не выделяется уже в качестве значимых морфем *o/e* в словах *столпотворение* (возникло путем эллипсиса на базе фразеологического оборота *вавилонское столпотворение*), *благодарить*, *целомудрие* (являющихся соответствующими кальками с греческих слов *eucharistein* и *sōphrosyne* *коновал* (сложение *конь* и *вал*), *дикообраз* (сложение *дикий* и *образ*), *кружокор* (сложение *круг* и *зор* — от *зреть*) и т. д.

В отдельных случаях соединительной гласной в слове нет, несмотря на то что оно остается по своей структуре сложным.

Это наблюдается в некоторых словах, испытавших процесс гаплогонии, т. е. выпадения одного из подобных слогов.

В качестве примера можно привести слова *табакур*, *знаменосец* (первоначально *табакокур*, *знаменоносец*, где *к*, *н* относятся и к первой и ко второй основе одновременно).

ОКОНЧАНИЕ

Окончание (иначе флексия) представляет собой аффикс, который не входит в основу слова, а находится за ее пределами.

Как уже указывалось, окончанием обладают не все слова, а лишь те, которые имеют формы словоизменения. Из полнозначных слов не распадаются на основу и окончания такие категории, как наречие, предикативы (категория состояния), деепричастия.

В качестве значимой части слова окончание является служебной морфемой, служащей для выражения синтаксических свойств слова в предложении. В слове оно выступает как элемент, с помощью которого указывается на отношение данного слова к другим словам.

В связи с этим окончание резко противостоит всем другим морфемам слова. С его помощью образуются обычно не новые слова, а различные синтаксические формы одного и того же слова.

Тем самым, окончания, как правило, используются в слове как формообразующий элемент, правда, различный по семантике в отдельных частях речи.

Однако в некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает не как формообразующий элемент, а как синкретическая, слово-формообразующая морфема, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом, участвующим в образовании слова. Это наблюдается в прилагательных типа *длинноволосый, толстокорый, бледнолицый* и т. д., образованных сложносуффиксальным способом, и в прилагательных типа *безбородый, безголовый, безусый* и др., образованных суффиксально-префиксальным способом.

Если в слове *каменный* морфема *-ый* является чистым окончанием именительного падежа единственного числа мужского рода, то в слове *длинноволосый* морфема *-ый* представляет собой элемент, выполняющий одновременно как функцию окончания, так и функцию суффикса, ибо это слово образовалось путем сложения и одновременной суффиксации словосочетания *длинные волосы*.

Это наблюдается в существительных типа *кума, супруга, раба* и т. п., в которых окончания не только выражают синтаксические свойства слова, но и указывают на пол обозначенного словом действующего лица (ср. *кум, супруг, раб* и др.).

За редким исключением (о них см. выше) окончание замыкает морфемный состав слова, оформляя слово как структурно-грамматическую единицу.

Окончания могут быть как материально выраженными, так и «нулевыми». Материальное выражение окончания представляют собой один—три звука.

Однозвучные окончания, как правило, выступают в виде гласных (*граждане, сорока, гости, семеро, несущие, малы* и т. п.).

Окончания типа *шь, м, т* нерегулярны, свойственны только глаголам и встречаются в единичных словах (ср. *дашь, ест, создам*).

Окончания из двух звуков являются обычно закрытыми и представляют собой сочетание гласного и согласного (*несут, водой, семерых, красным* и др.).

В качестве замыкающих согласных в закрытых двузвучных окончаниях могут выступать лишь звуки *м, х, ж, ф* (изображается на письме *в*), *с, т, ш*.

Открытые двузвучные окончания типа *-го, -ми, -те* и т. п. (*его, лошадыми, берегите*) являются редкими и непродуктивными. Окончания, являющиеся комплексом трех

звуков, всегда открытые и состоят из гласного, согласного и гласного (ср. *мечтою, внимательными, пишете* и т. д.).

Фонетическое варьирование окончания в слове связано лишь с редукцией заударных гласных и является в силу этого очень слабым.

Все употребляющиеся в настоящее время окончания воспринимаются как простые, несмотря на то что некоторые из них генетически представляют собой объединение двух и более морфем.

Синтаксические отношения слова к другим словам в предложении могут быть выражены и отрицательно, отсутствием материально выраженных элементов на фоне окончаний, имеющих определенное звуковое выражение.

Такие окончания, выделенные в результате сравнения однорядовых форм слова, называются «нулевыми» окончаниями. Выше уже отмечались нулевые морфемы среди формообразующих суффиксов (см. стр. 86—87).

Так, в слове *писал* по соотношению с формами *писала, писало, писали*, имеющими материально выраженное окончание *-а, -о, -и*, выделяется нулевое окончание, указывающее на мужской род единственного числа.

В слове *ниток* по сравнению с формами *нитка, нитки, ниткой, нитке, нитками, нитках* и т. д., имеющими материально выраженное окончание *-а, -и, -ой, -е, -ами, -ах*, выделяется нулевое окончание, указывающее на родительный падеж множественного числа и т. д.

Выделение в слове окончания обычно особых трудностей не вызывает: оно почти всегда осознается четко и ясно. Особенно ярко «отдельность» этой морфемы от других проявляется в категории прилагательных и глагола, в которых окончания предельно унифицированы и однотипны. В глаголах это наблюдается, несмотря на тесную спаянность суффикса с окончанием ¹.

В подавляющем большинстве прилагательных в именительном падеже выступают специфически «прилагательные» окончания *-ый, -ий-, -ой, -ая, -яя, -ое, -ее*. «Особые» окончания, характерные для имен существительных, наблюдаются лишь в притяжательных прилагательных на *-ов, -ин*, в относительно-притяжательных прилагательных

¹ О ней см. в книге акад. В. В. Виноградова, «Русский язык», М., 1947, стр. 440 и сл.

с суффиксом *-/-* и в кратких формах качественных прилагательных.

Столь же специфичны и немногочисленны глагольные окончания, среди которых только для форм прошедшего времени (в силу их причастного происхождения) используются окончания, характерные и для других частей речи (*носила — красива, черти — пошли* и пр.).

В существительных, как правило, окончание выделяется легко. Они тесно связаны с суффиксами и довольно разнообразны.

Однако встречаются все же и такие случаи, когда окончание в слове вычленяется лишь после сравнения анализируемой формы с другими.

Здесь относится, например, выделение нулевого окончания в словах *судий, сыновей, лекций, шалуний* и т. п., в которых *-ий, -ей, -ий* может быть понято иногда как флексия, в то время как *-ей* представляет собой часть суффикса (*овей*), указывающего на множественное число (ср. *сын*), а *-ий* — суффикс в слове *лекций* (ср. *лекция — лектор*) и видоизменение суффикса *-j* — в слове *судий* (ср. *судья — суд*) и *шалуний* (ср. *шалунья — шалун*).

Требует учета фонетических разновидностей одной и той же непроемной основы правильное вычленение окончания в глаголе *ест*, в котором выделяется, как правильно указывает Е. С. Истрина¹, окончание *-т*, а не *-ст*, как думает П. С. Кузнецов².

Известные трудности вызывает членение на морфологические части относительно-притяжательных прилагательных типа *лисий, охотничий, медвежий* и т. д. В такого рода прилагательных нередко в конечном сочетании *-ий* видят такое же окончание, как в словах *осенний, вчерашний, синий* и т. п.³. Между тем это совершенно неверно: сочетание *-ий* в формах именительного-винительного падежа мужского рода прилагательных типа *галочий* (ср. *галочья, галочье*) является фонетическим вариантом суффикса *-/*, наблюдающимся и в существительных (ср. *ущелей, шалуний* и т. п.), и представляет по отношению к окончанию *-ий* омоморфему. Окончание в такого рода прилагательных та-

¹ «Грамматика русского языка», т. 1, М., изд. АН СССР, 1952, § 896.

² «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1952, стр. 352.

³ См. там же в главе «Имя прилагательное», написанной Н. Ю. Шведовой, стр. 158.

кое же, как в прилагательных типа *отцов*, *Маши* и др., т. е. «нулевое».

С точки зрения происхождения все употребляющиеся сейчас окончания представляют собой исконно русские морфемы.

Заимствованных окончаний в современном русском языке нет. Правда, в литературном языке XVIII—XIX вв. на правах одной из поэтических вольностей употреблялось старославянское окончание родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода *-ья*, *-ия* (ср.: *С рассветом алая денницы* (ПушкИн). *Среди долины ровныя* (Мерзляков) и т. д.).

Все исконно русские флексии распадаются на пять групп.

Одну группу составляют окончания, являющиеся по своему происхождению тематическими суффиксами основы, в результате переразложения превратившимися в окончания.

Таковыми, например, будут окончания *-а*, *-о* в словах типа *вода*, *лето*, которые первоначально в именительном падеже представляли собой чистую основу и окончания не имели.

Другую группу окончаний образуют возникшие в результате этого же процесса переразложения путем слияния тематического суффикса основы и старого окончания. Так появились многие окончания в глаголе. Так образовалось и подавляющее большинство окончаний в именах существительных. Например, окончания *-е*, *-у* в дательном и винительном падежах слова *вода* образовались путем слияния тематического суффикса *-а* и старых окончаний *-і*, *-т* (после изменений *ѣ* и *ѡ* в *е* и *у*): *voda-i* > вод-і > вод-е, *voda-m* > вод-ѡ > вод-у.

В третью группу входят окончания полных прилагательных и имеющих общие с ними формы словоизменения слов других частей речи (местоимения, причастия и т. д.). Это — окончания, возникшие в результате слияния старого окончания с указательным местоимением *и{же}*. Например, окончание *-ый* представляет собой результат слияния окончания *-ѣ* (*старь*, *бодрь*) с указательным местоимением мужского рода единственного числа: *старъи* > *старьи* > *старый*.

К четвертой группе следует отнести окончания, возникшие в результате слияния или контаминации двух окончаний. Таковыми, например, являются окончание *-ух* в слове *двух* (сначала *дву*, ср. *двудольный*, *х* из форм *трех*, *четыре*х),

окончание *-ого* в *доброго* (сначала *-аго*, *о* из форм *того*, *оного* и т. п.) и т. д.

Пятую группу составляют «нулевые» окончания, но своему возникновению представляющие трансформацию соответствующего материально выраженного окончания после падения редуцированных гласных звуков.

Так, нулевое окончание в слове *гость* появилось (после падения редуцированного звука *ь*) на месте окончания *-б*, нулевое окончание в слове *купил* появилось (после падения глухого *ѣ*) на месте окончания *-ѣ* и т. д.

Целый ряд вопросов, связанных с происхождением флексий, подробно разбирается в работах по сравнительно-исторической грамматике славянских языков, поэтому мы ограничились выше лишь краткой сводкой генетически разных разрядов окончаний.

Состав и характер значения окончаний в разных лексико-грамматических разрядах является различным. Если в глаголах, прилагательных и аналогичных по формам словоизменения словах регулярные окончания составляют небольшую группу морфем, с одинаковой возможностью употребления при самых разнообразных структурно-семантических основах, то в существительных количество окончаний значительно больше и сфера употребления их во многом зависит (помимо принадлежности к определенному роду) от специфики основы. Так, окончание *-у* способно присоединяться к любому глаголу, кроме *дать* и *есть*, независимо от того, какова основа, предшествует окончанию или нет тот или другой суффикс и т. д. (ср. *пишу*, *сапожничая*, *совершенствую*, *мяукаю* и т. д.).

Несколько иное наблюдается в именах существительных. В них наряду с продуктивными окончаниями, употребление которых зависит лишь от рода, имеется немало таких, появление которых в слове строго обусловлено его структурой и семантикой. Например, окончание именительного падежа множественного числа *-е* в именах существительных появляется только тогда, когда существительные обозначают действующее лицо и имеют в единственном числе в составе своей основы суффикс *-ин* (ср. *гражданин* — *граждане*, *волжанин* — *волжане*, *славянин* — *славяне*). Неударное окончание именительного падежа множественного числа *-а* в существительных мужского и среднего рода появляется лишь в том случае, если основа множественного числа содержит суффикс *-у* или *-овј* (ср. *брус* — *брусья*,

брат — братья, перо — перья, кол — колья, дерево — деревья, кум — кумовья и т. д.).

Слова женского рода в дательном и предложном падежах единственного числа имеют окончание *и* только тогда, когда и слове основа оканчивается на *-иј-* (*эволюции, станции, линии* и т. д., ср. *задире, сторонке, основе* и др.).

Различными являются (в разных частях речи) и значения окончаний, которые с этой точки зрения можно разделить на четыре группы:

1) Личные окончания, указывающие на лицо и число. Они наблюдаются в спрягаемых формах глаголов.

2) Родовые окончания, образующие тот или иной род и одновременно указывающие на число. Они выделяются в глаголах прошедшего времени и кратких прилагательных (*читал — читала, весело — весела* и т. д.).

3) Падежные окончания, указывающие на падеж и число. Эти окончания свойственны всем склоняемым словам.

4) Числовые окончания, указывающие на число (в глаголе прошедшего времени и кратких прилагательных: *просили, добры* и т. п.).

Одним из наиболее ярких признаков флексийной системы современного русского языка является богатая омонимия.

Один и тот же звуковой комплекс в качестве окончания выступает для выражения самых различных грамматических значений.

Так под *-а* скрывается целый ряд оморфем различной сферы употребления и семантики. В слове *сторона* — это окончание именительного падежа единственного числа, в слове *стола* — это окончание родительного падежа единственного числа, в слове *города* — это окончание именительного падежа множественного числа, в слове *ждала* — это окончание единственного числа женского рода, в слове *сорока* — это общее окончание всех косвенных падежей, в слове *два* — это падежно-родовое окончание, указывающее на именительный падеж и мужской — средний род и т. д., в слове *кума* — это синкретическая словоформобразующая морфема (см. выше) и т. д.

Ср. также *-ой* (*водой, второй*), *-у* (*вынесу, победу, забору, кусок сахару*), *-и* (*несли, земли*) и т. д.

Более всего омонимия окончаний наблюдается в существительных, в значительно меньшей степени она свойственна флексиям других изменяемых слов.

Среди окончаний (прежде всего существительных) широко наблюдается и явление, противоположное омонимии,— синонимия.

Синонимичными окончаниями являются окончания, выражающие одно и то же грамматическое значение. Так, окончания *-а, -ы (снега, стены)*, окончания *-ем, -им (возьмем, держим)* являются синонимическими, так как они соответственно являются средством обозначения родительного падежа единственного числа и 1-го лица множественного числа.

Синонимичные окончания выступают чаще всего при разных основах, в словах, принадлежащих к разным лексико-грамматическим разрядам.

Однако в именах синонимичные окончания могут появляться иногда и при одной и той же основе. Такие окончания можно назвать *вариантными*. Они отличаются друг от друга или оттенками в значении, или стилистически (ср. *чая — чаю, то́кари — токаря, стеной — стению, белой — белою, тысячей — тысячью* и др.).

Среди вариантных окончаний наблюдаются как родственные окончания (например, *-ою, -ой*), так и генетически друг с другом не связанные (например, *-у* и *-е* в предложном падеже единственного числа слов мужского рода).

Когда в пределах одного и того же падежа слова имеется два разных окончания, одно из них будет основным, другое — вариантным. Основным окончанием называется такое, которое имеют если не все, то подавляющее большинство слов того же склонения и рода; вариантным — такое, которое характерно наряду с основным лишь для отдельных разрядов или единичных слов.

В разных падежах и в различных группах слов отношения между основным окончанием и вариантным могут быть разными, но это будут всегда отношения друг к другу окончаний в формах одного и того же слова (в отличие от синонимичных окончаний).

Существование вариантных окончаний обусловлено ¹ или взаимовлиянием различных склонений (*сахара — сахару, корре́кторы — корректорá, в лесу — о лесе* и т. п.), или фонетическими причинами (*молодой — • молодую, душой — душою*).

¹ Подробнее о вариантных окончаниях в именах существительных см. в книге Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой, Н. М. Шанского, Современный русский язык, ч. 1, М., изд. 2, 1958.

ИЗМЕНЕНИЯ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА

При установлении современных словообразовательных связей производной и производящей основ следует иметь в виду, что производная основа по отношению к производящей не всегда является действительно от нее образованной.

Вопросы определения образования слова и вопросы определения существующей в настоящее время семантико-словообразовательной соотнесенности между словами в ряде случаев оказываются разными вопросами. Например, слово *готовность* было образовано при помощи суффикса *-ость* от прилагательного *готовный* (ср. диалектные образования: *грубность* при *грубный*, *малность* при *малный*, *тверезность* при *тверезный* и т. д.), но в настоящее время представляется (ввиду выпадения из литературного языка слова *готовный*) образованием от слова *готовый* с суффиксом *-ность*. Слово *косточка* образовалось при помощи суффикса *-к{а}* от имени существительного *кость*, но ввиду того, что слово *кость* утратилось, исчезло из общенародного языка, для современного нашего языкового сознания слово *косточка* является существительным с суффиксом *-очк(а)* от слова *кость*, и т. д.

Аналогичное явление можно отметить для слова *кустарник*, которое было образовано при помощи суффикса *-ник* от слова *кустарь* — «кустарник»: из-за исчезновения слова *кустарь* — «кустарник» в русском языке слово *кустарник* в настоящее время выделяет уже суффикс *-арник* и соотносится непосредственно со словом *куст*; слова *гонитель*, *властитель*, произведенные от глаголов *гонити*, *властити* с суффиксом *-тель*, осознаются сейчас как лексические единицы с суффиксом *-итель*, так как глаголы *гонити*, *властити* вышли из употребления, и т. д.

Подобные факты объясняются тем обстоятельством, что морфологическая структура слова с течением времени в некоторых случаях меняется, в результате чего современная его структура нередко оказывается совершенно иной, нежели первоначальная.

Это изменение в процессе развития языка морфологического состава фиксируется лишь для отдельных слов и не является обязательным для всех слов русского языка. Очень многие из них вообще членятся в настоящее время на такие же точно морфологические части, на которые они делились несколько столетий тому назад.

Так, например, из сохранившихся в современном русском литературном языке 55 древнерусских слов с суффиксом *-ость* только слова *бодрость*, *важность*, *ведомость*, *доблесть* изменили со временем морфологическое строение своей основы, или перестав расчленяться вообще (*ведомость*, *доблесть*), или начав члениться по-другому: (*бѣд-р*)-*ость* > *бодр-ость*, (*важ-ьн*)-*ость* > *важн-ость*. Все остальные (51) имеют в настоящее время в своих основных значениях абстрактных имен качества точно такое же морфологическое строение, какое они имели в XI—XV вв. (ср. слова *премудрость*, *грубость*, *кротость*, *скудость*, *честность*, *юность* и т. п.).

Основными факторами, приводящими к изменению словообразовательного характера основы того или иного слова, являются всякого рода нарушения прямого соотношения между производной и производящей основами.

Слово, образованное каким-либо способом словообразования от того или иного слова, по ряду причин перестает с ним (если оно не исчезает из языка вообще) соотноситься, перестает с ним связываться по значению или начинает соотноситься не с целой основой образующего слова, а с его частью или с другим словом.

Эти-то процессы и вызывают к жизни явления, называемые в лингвистической литературе терминами «опрбщение» и «переразложение». Они же оказываются определяющими в возникновении явлений, которые можно назвать условно и декорреляцией.

Конкретно, в качестве причин, вызывающих изменение в морфологической структуре слова, выступают следующие:

1. Сдвиги в значениях производных и производных основ.

2. Выпадение из языка или, напротив, появление в нем образующих и родственных слов. 3. Изменения в фонетическом облике слов. 4. Воздействие на морфологическое строение этимологически изолированного слова морфологической структуры продуктивного типа слов.

Именно эти причины (действующие очень часто вместе) в первую очередь приводят к тому, что в слове как в структурном целом происходят различные изменения, наблюдается опрощение и переразложение, усложнение и декорреляция.

Что же понимается под этими явлениями?

Под опрощением основы слова понимается такое изменение в его морфологическом строении, при котором основа, ранее делившаяся на морфемы, становится нечленимой, непроизводной. «Опрощение» основы слова — факт потери основой слова способности делиться на морфемы.

Это явление можно констатировать для таких, например, слов, как *пасмурный, спасти, кануть, рубаха, басня, ласточка, застенчивый, красный, нужный, бородавка, живот, затхлый, лицемер, работа, позор, тучный* и т. п.

Все перечисленные слова в настоящее время являются словами с непроизводной основой; такими по морфологической структуре они стали в силу различных процессов. Так, «опрощение» слов *рубаха, красный, живот, лицемер, позор, работа, спасти, бородавка* объясняется разрывом их смысловых значений в процессе употребления со смысловыми значениями слов, на базе которых они возникли (ср. *рубить — подрубить, краса, жить, лицо и мерить, зреть — зоркий — зрак, раб, пасти, борода*). Опрощение слов *кануть, затхлый* (из *кан-ну-ти, задѣхлыи*) является результатом фонетических изменений: в слове *кануть* произошло в очень давнюю эпоху упрощение сочетания согласных *пн* в *н*, в слове *затхлый* — с падением «редуцированных» оглушение *д* перед *х*. Опрощение слов *ласточка, нужный, тучный, басня, застенчивый, пасмурный, ретивый* произошло в силу исчезновения из языка соответствующих производящих и родственных слов (ср. древнерусские *ластунъ — ластовица, нужда, тукъ, баяти, застеняться, смурый* (ср. *хмурый*), *реть* • — «спор»). Процесс «опрощения» играет в русском языке очень большую роль, так как он дает языку возможность пополняться новыми словами с непро-

ИЗВОДНОЙ ОСНОВОЙ, обогащать свой запас корневых слов.

Благодаря процессу опрощения, если он проявляется в целом ряде одноструктурных с морфологической точки зрения слов, производящие словообразовательные элементы переходят в непродуктивные, а подчас и исчезают вовсе (ср. суффикс *-р-*, этимологически выделяющийся в словах *старый, острый, бодрый, добрый, хитрый, щедрый, ядро*, существовавший в слове *брать* и т. д.)¹.

Не менее важным процессом, касающимся морфологического состава слова, является и «переразложение». «Переразложение» — это такое перераспределение морфемного материала внутри слова, которое ведет к иному, чем это было раньше, членению слова. В результате этого процесса слово, продолжая быть морфологически составным, членимым единством, начинает выделять в своем составе новые морфологические части². Именно этот процесс отмечался выше для слов *косточка* и *готовность*.

При переразложении обычно наблюдается своеобразный процесс поглощения одним словообразовательным элементом другого, представляющего часть образующей основы.

Например, в слове *грешник* суффикс *-ик* (слово *грѣшникѣ* было образовано от прилагательного *грѣшнѣнѣ*) включил в себя суффикс *-н-*, в слове *распяtie* суффикс *-иј-* (слово *распяtie* является образованным от страдательного причастия *распять*) включил в себя суффикс *-т-* и т. д. Процесс переразложения играет не менее значительную роль, чем опрощение.

В первую очередь именно благодаря ему русский язык обогащается новыми словообразовательными аффиксами, новыми моделями образования слов. Появляясь

¹ У В. Л. Богородицкого об опрощении см. «Очерки по языковедению и русскому языку», Учпедгиз, 1939, стр. 193 и сл. См. также Л. А. Булаховский, Типы деэтимологизации в русском языке, «Вопросы славянского языкознания», вып. 3, Львов, 1953.

² Только тогда, когда переразложение слова является следствием опрощения образующей основы, при этом процессе (ср. *(важ-нѣ)-ость* < *важн-ость*) происходит растворение словообразовательного элемента в корне.

первоначально в отдельных словах, переживших процесс переразложения, получая проверку временем, подавляющее большинство из вновь образовавшихся таким образом словообразовательных элементов становится продуктивным, образующим. «Так, суффикс лица *-ец*, разрастаясь, дает жизнь потенциальному суффиксу *-енец*», суффикс лица *-ик* дает продуктивные суффиксы «...*щик*, *-овщик*, *-ировщик*, *-ник*, *-овник*...», суффикс «*-ский*: *-веский*, *-ческий*, *-енческий*, *-инский*, *-ический* и т. д.»¹.

Именно благодаря «переразложению» появились в русском языке такие словообразовательные элементы, как суффикс отглагольных имен действия *-енич-*, *-нич-*, суффикс отымённых глаголов *-нича(ть)*, суффиксы уменьшительно-ласкательного значения *-инк-*, *-очк-*, *-ушк-*, суффикс прилагательных *-тельн-* и т. д.².

Чаще всего таким образом возникают новые суффиксы, но есть в современном русском языке и образовавшиеся путем переразложения основы слова приставки. К ним относятся, например, префиксы *обез-* и *недо-*, возникшие путем слияния в одно целое, в один словообразующий элемент двух морфем *о-без*, *не-до* (ср. *обезкровить*, *обезболить*, *обессилеть*, *обезвредить*, *недодумать*, *недоучет* и т. п.).

В числе причин, влияющих на изменение словообразовательного облика этимологически изолированного слова, выше указывалось воздействие на его морфологическую структуру морфологического строения слов, относящихся к продуктивным образованиям. Оно проявляется в том, что под влиянием продуктивных образований того или иного строения основы стоящее одиноко слово подводится под соответствующий словообразовательный разряд и начинает, если не превращается в слово с неделимой основой, члениваться на морфемы вопреки этимологии. В ряде случаев эти изменения приводят к тем же самым явлениям, о которых только что говорилось, т. е. к опрощению и переразложению. Ср. процесс переразложения в слове *опёнок*, образованном от слова *пень*, но сейчас с ним несоответственным. Под влиянием слов типа *телёнок*, *поросёнок*

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 54.

² См. Г. С. Зенков, Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка. «Ученые записки Киргизского ун-та, филологич. ф-та», вып. 2, 1956.

и т. д. *-ён-* в этом слове было отнесено к суффиксу *-ок*, в результате чего слово *опёнок* получило и во множественном числе форму основы, характерную для слов типа *телёнок, поросёнок* и т. д.: *опята* (как *телята, поросята*). Ср. «опрошение» слова *вынуть* (из *вынять*, этимологически родственного словам *снять, отнять, принять, взять* и т. д.) под влиянием словообразовательной формы слов с суффиксом *-ну-* (*двинуть, кинуть* и т. д.) и т. п.

Однако в ряде случаев аналогические изменения в словообразовании могут приводить и к процессу «усложнения» основы: слово, ранее имевшее непроеизводный характер, начинает делиться, распадаться на части.

Так, заимствованное слово *зонтик* по аналогии со словами *листик, носик, домик* и т. д. дало непроеизводную основу *зонт* и суффикс *-ик* (сложное в голландском языке слово *zondek* для русских первоначально было корневым, как это можно отметить сейчас для сложных по происхождению французских слов *гардероб, кашне, плацдарм* и т. п.). Этимологически не оправданное выделение суффикса *-ын-* по аналогии с именными (т. е. краткими) прилагательными *върънь, гръшьнь, бъдьнь* и т. п. в древнерусском языке отмечается в непроеизводной первоначально основе слова *теремьнь* (передача греческого *τερειμνιον*), в результате чего появляется новый корень *терем*. Этими же причинами объясняется усложнение основы слова *трусики* (см. выше на стр. 15).

Следует иметь в виду, что процесс усложнения может происходить иногда и по фонетическим причинам (ср., например, выделение тематического суффикса *о* в словах типа *колоть* после развития древнерусским языком полногласия). Однако чаще всего усложнение возникает не в результате аналогических и фонетических изменений, а в результате появления при заимствовании рядом с тем или иным словом ему родственного, содержащего ту же непроеизводную основу, в результате осознания словообразовательно-семантической связи одного заимствованного слова с другим (именно поэтому, например, произошло усложнение основы слов *патронташ, генеральша, агитация, демобилизация, антихрист* и т. д.). Отсюда понятно то большое значение, которое имеет процесс усложнения для развития словообразовательной системы языка: благодаря ему оказывается возможным усвоение иноязычных морфем (см. стр. 88). Кроме

«внешних» процессов опрощения, переразложения и усложнения, непосредственно отражающихся в изменении морфемного состава слова, наблюдается нередко также «внутренний» процесс декорреляции, являющийся своеобразной разновидностью переразложения. Декорреляция проявляется в изменении характера морфем или их соотношения в слове. Выше два примера такого процесса (в словах *любовь*, *вдохновение*, стр. 15) уже указывались. Декорреляция не приводит к изменению морфемного состава как такового. Слово продолжает члениться так же, как оно членилось раньше. В нем выделяется столько же морфем, сколько выделялось в момент его образования. Однако составляющие сейчас слово морфемы оказываются по своему значению или характеру совершенно несоответственными с теми, которые имелись в нем первоначально. Так декорреляция в словах *ловец*, *заморозки* привела к тому, что образующие основы *лов-*, *замороз-* стали осознаваться в них глагольными (ср. *ловить*, *заморозить*), хотя эти слова соответственно были образованы от существительных *ловъ* — «ловец» (ср. *рыболов*, *птицелов*) и *зámорозы* — «первые морозы» (ср. *зароци*, *заберег*, *запески*). Благодаря декорреляции *и* в глаголе *медлить* (от *мьдлыи* — «медленный») из словообразовательного суффикса превратился в простой показатель класса глагола, *-ес* в слове *чудо* (ср. древнерусск. *чудесе*, *чудесьмь* и т. д.) из суффикса косвенных падежей — в суффикс, указывающий на основу множественного числа, и т. д. Если декорреляция захватывает целый ряд слов, принадлежащих к одному и тому же структурному типу, то происходит трансформация словообразовательной модели в целом (ср., например, превращение отыменных существительных на *-ба* в отглагольные¹).

Именно всеми этими изменениями, наблюдаемыми в структуре слова², и объясняется одинаковая важность при изучении словообразовательной системы в ее развитии как словообразовательного, так и этимологического анализа.

¹ Об этом см. в нашей статье «Из русского словообразования», «Русский язык в национальной школе», 1959, № 4.

² Подробнее о них см. в нашей статье, «Русский язык в школе», 1959, № 4.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ОБОГАЩЕНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В связи с тем, что язык непосредственно связан с общественной деятельностью человека, его словарный состав постоянно изменяется.

Эти постоянные изменения языка в области лексики, ведущие к тому, что словарный состав языка становится все богаче и разностороннее, происходят преимущественно за счет различных процессов словообразования на базе существующих в языке слов.

Новые слова появляются в языке на базе старых и как собственно новые образования, и как результат появления у старых слов новых значений. Эти способы пополнения языка словами являются основными, определяющими.

Правда, обогащение словаря новыми лексическими единицами может происходить (см. стр. 183 и сл.) и за счет заимствования отдельных (иногда довольно многочисленных по составу) категорий слов из какого-либо другого языка. Однако выполнить задачу, которую ставит перед языком общество, он может только путем образования новых слов из своего собственного строительного материала, когда используются все существующие, весьма разнообразные словообразовательные средства. Отсюда видно, какое огромное значение имеет в том или ином языке словообразование: именно оно позволяет языку иметь соответствующий развитию общества словарный состав.

Словообразовательные процессы в системе языка тесно связаны как с лексикой, для пополнения которой они служат, так и с грамматикой, в соответствии с которой оформляется каждое вновь появляющееся в языке слово.

В словопроизводстве, словотворчестве наблюдается не только непосредственное отражение тех постоянных изменений, которые происходят в словарном составе языка в связи с изменениями в общественной жизни и деятельности человека. Ср., например, появление новой семантики у суффикса *-ш(а)* в связи с появлением в русском языке новой группы слов с этим словообразовательным элементом. Изменения в словарном составе русского языка в течение XVIII—XIX вв. привели к тому, что суффикс, ранее производивший только названия чьей-либо жены — *директорша, докторша, учительша* (для XVIII в. отмечается с новым значением лишь *музыкантша* и *богатырша*) — получил новое, вторичное значение, стал применяться для образования обозначений лиц женского пола по их профессии, занятию, свойству и т. д. (*кассириша, секретариша, билетериша, кондукториша, великаниша, маникюрша* и др.)¹.

Ср. также возникновение в современном русском литературном языке (что связано с развитием машинной техники) новой категории имен существительных, обозначающих действующие предметы, предмет-действитель (от морфологически составных глаголов при помощи суффикса *-тель*, который ранее образовывал только имена лиц²): *выпрямитель, взрыватель, углубитель, испаритель* и т. д.

Представляя собой собрание способов, правил образования новых слов, словообразование не менее тесно связано и с грамматикой, с грамматическим строем языка.

Это сказывается прежде всего в том, что «новые слова» располагаются по тем грамматическим категориям, которые свойственны языку³; любое возникающее в языке слово всегда появляется в нем как слово определенного и, что особенно важно, уже существующего в языке грамматического класса (имени существительного, имени прилагательного, глагола, причастия, наречия и т. д.).

¹ О словах на *-ша* см. нашу статью «Из русского словообразования», «Русский язык в национальной школе», 1959, № 4.

² В настоящее время суффикс *-тель* в качестве словообразовательного элемента, производящего слова со значением действующего лица, является малопродуктивным.

³ В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 2.

Таким образом, в языковой системе «область словообразования является ареной сложного и разнонаправленного взаимодействия лексических и грамматических категорий»¹.

Сложная связь словопроизводства со словарем, с одной стороны, и с грамматикой, с другой, проявляется в том многообразии способов словообразования, которые существуют в языке. Акад. В. В. Виноградов называет, например, такие способы словообразования в числе действующих в русском языке, как морфологический, лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический.

Под лексико-семантическим способом словообразования понимается образование новых слов в результате изменений в смысловой стороне того или иного слова, путем получения каким-либо уже существующим в языке словом нового или новых смысловых значений, путем расщепления одного слова на два или более слова-омонима.

Процессы формирования слов-омонимов, а значит, и образования новых слов проявляются в языке в силу того, что звуковой комплекс, получая какое-либо новое смысловое значение, часто вместе с тем продолжает употребляться и со своим старым значением.

Лексико-семантический способ словообразования заключается, таким образом, в том, что за одним звуковым комплексом, являвшимся ранее одним словом, в силу внутренних законов развития данного языка закрепляются два или больше, непосредственно друг с другом не связанных (как основное и производное) значений. Собственно новых слов, новых фонетических единиц, ранее не имевшихся в языке, при помощи этого способа не создается, однако при его помощи возникают новые лексико-морфологические единства, язык пополняется новыми с морфологической точки зрения основами². В результате лексико-семантического способа словообразования возникли в русском языке, например, такие слова, как *завод* (машиностроительный), *завод* (у часов), *мир* (противоположное

¹ В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», 1952, стр. 180.

² Подробнее об омонимии словообразовательной формы в словах-омонимах см. выше-

войне), *мир* (вселенная), *долг* (обязанность), *долг* (взятое займы), *добро* (имущество) и *добро* (противоположное злу), *следствие* (вывод) и *следствие* (расследование), *язык* (средство человеческого общения), *язык* (орган вкуса), *язык* (пленный) и *язык* (в архаическом значении «народ») и т. д.

Под лексико-синтаксическим способом словообразования подразумевается возникновение слов из словосочетаний путем объединения в одно слово двух или более слов в процессе их употребления в языке. Такого рода словообразование обогащает язык новыми словами и с точки зрения фонетико-морфологической. При помощи этого способа словообразования возникли такие слова, как *близлежащий* (из *близ лежащий*), *дотла* (из *до тла*, т. е. до дна), *умалишенный* (из *ума лишенный*), *якобы* (из *яко бы*; *яко* — как), *если* (из *есть ли*), *итак* (из *и так*), *тотчас* (из *тот час*), *заблагорассудится* (из *за благо рассудится*), *сегодня* (из *сего дня*, *сей* — этот), *сумасшедший* (из *с ума сшедший*), *навек* (из *на веки*), *нельзя* (из *не лья*), *Новгород* (из *Новъ городъ*), *триста* (из *три ста*), *поделом* (из *по делом*; *делом* — старый дат. пад. мн. ч. от слова *дело*), *итога* (из *и того*) и т. д.

Морфолого-синтаксическим способом словообразования является переход слов одной части речи в другую. При этом способе словообразования ранее существовавшее слово не только получает новое смысловое значение (как это наблюдается при лексико-семантическом), но и становится выражением новых грамматических свойств. Подобное явление можно отметить, например, для слов: *больной*, *мастерская*, *пивная*, *шампанское*, *рядовой*, *заливное*, *ученый*, *столовая*, *раненый*, *мороженое*, *второе*, *мостовая*, *горничная*, *портной*, (сидеть) *дома*, *капельку* (терпения), *залом* (выпить), *дудки!*, *батюшки!*, *крышка!*, *зря* (напрасно, из деепричастия от глагола *зреть* — смотреть), *суть* (существо, главное; глагол *быть* в форме 3-го лица мн. числа наст. вр.), *почти* (из формы повелительного наклонения от глагола *почесть* — сосчитать), *значит* (из формы глагола *значить*), *вишь* (из *вижь* — формы повелительного наклонения от глагола *видеть*) и т. д.

В переходе слова из одной части речи в другую следует разграничивать лексикализацию грамматической формы и семантико-грамматическое переоформление ряда форм. Так, в случае возникновения на основе формы глагола *суть* существительного наблюдается лексикализация

грамматической формы: новое слово приобретает все признаки, присущие существительному (*суть, сути, сутью, до самой сути, обнаружилась суть дела* и т. д.). В случае возникновения на базе прилагательного существительного *ученый* наблюдается семантико-грамматическое переобразование целого ряда форм, при этом формы словоизменения в определенной степени остаются прежними: существительное *ученый* продолжает склоняться, как прилагательное.

Морфолого-синтаксический способ словообразования является одним из источников, ведущих к появлению в нашем языке все новых и новых омоформ.

Особенно важным для обогащения словарного состава современного русского языка является морфологический способ словообразования, изучение которого имеет определяющее значение для исследования законов развития его грамматического строя и лексического состава. Именно здесь, как указывает акад. В. В. Виноградов, «в сфере исследования строения основ и суффиксов, их структурных взаимодействий, правил их сочетания в словесные единства»¹, изучение словообразования особенно тесно смыкается с изучением грамматического строя.

Морфологическое словообразование представляет собой создание новых слов путем сочетания морфем по определенным правилам в словесные единства. В русском языке оно является наиболее продуктивным, творческим и вместе с тем наиболее грамматичным.

Способ словообразования путем объединения морфем по определенным правилам и законам в целые слова принципиально отличается от всех названных выше.

Именно этот способ является богатым, поистине неиссякаемым источником пополнения словаря новыми словами, которые представляют собой новое явление не только с точки зрения семантики и, следовательно, в ряде случаев словообразовательного строения, но и звукового оформления и морфологической формы.

Именно морфологическое словообразование, а не какое-либо другое, определяет ту особенную гибкость и выразительность словарного состава, которые постоянно отмечаются для русского языка.

¹ В. В. Виноградов, указ. статья, сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», стр. 182.

Принципиальная разница между этим способом образования новых слов и другими видна в характере образуемого при его помощи слова.

Если новое слово, возникшее путем расщепления одного слова на омонимы, путем сращения нескольких слов в одно слово, путем перехода одной части речи в другую, представляет собой так или иначе продукт более или менее длительного **с л о в о у п о т р е б л е н и я**, то слово, образованное тем или иным видом морфологического словообразования, всегда является фактом языкового творчества человека, всегда возникает в результате единичного акта **с л о в о п р о и з в о д с т в а**.

Всем этим объясняется и то обстоятельство, что «обычно русские грамматики ограничиваются описанием аппарата морфологического словообразования»¹, и то, что при изучении русского языка в школе морфологическому словообразованию отводится особое место.

Действительно, то «решительное превосходство русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства», о котором говорил Н. Г. Чернышевский еще в 1854 г. в своей статье «О словопроизводстве в русском языке», особенно ярко проявляется в области морфологического словообразования.

Морфологический способ словообразования, как уже указывалось, представляет собой образование новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных элементов и правил соединения их в словесные единства. Этот вид образования новых слов всегда приводит к возникновению в языке новых лексических единиц, являющихся одновременно и новыми с точки зрения фонетико-морфологической (в отличие, например, от лексико-семантического способа словообразования).

При морфологическом способе словообразования морфологическое строение, словообразовательная структура слова, определяет его значение, семантику; при лексико-семантическом способе образования слова его словообразовательное строение, морфологическая структура, напротив, определяется его смысловым значением.

Семантика, например, слова *писатель* намечена его морфологическим строением, определяется значениями со-

¹ В. В. Виноградов, указ. статья, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 2.

ставляющих его частей *пис-а-(ть)* и *-тель*. Здесь объединение словообразовательных морфем (основы и суффикса) дало новое слово с определенным значением. Напротив, морфологическая характеристика слова *донос* в качестве непроизводного слова объясняется как результат получения данным фонетико-морфологическим целым значения, не соотносительного с семантикой глагола *носить*.

Вместе с тем необходимо отметить, что и морфологическое словообразование не приводит к появлению в языке абсолютно новых слов, неологизмов в полном смысле этого слова; оно оперирует по существу лишь новыми видами комбинирования того, что уже существовало в отдельности раньше. Слово *атомщик*, например, имеющееся в настоящее время в русском языке, является, несомненно, неологизмом (оно появилось в 1946 г.), однако это не абсолютно новое слово, так как и основа *атом-* (в словах *атом*, *атомистический*, *атомность*, *атомный*), и суффикс *-щик* (в словах *доменищик*, *каменищик* и т. п.), при помощи которых образовано данное слово, были известны русскому человеку и раньше.

То же самое можно сказать и о новообразовании, возникшем в самое недавнее время, *бесконфликтность*. И это новое слово образовано с помощью ранее известного суффикса и выделяет в своем составе уже бытовавшие до этого в русском языке морфемы *без-*, *конфликт-*, *-н-*, *-ость*.

Следовательно, и при морфологическом словообразовании из материала, существующего уже в языке, наблюдается не создание каких-то неведомо новых слов (анекдотические факты из творческой практики футуристов, вроде В. Хлебникова и т. п., в счет идти не могут), а создание новых комбинаций, новых форм на базе наличного в языке строительного материала и существующих словообразовательных средств.

Основные типы морфологического словообразования, существующие сейчас в русском языке, — аффиксация, сложение и безаффиксный способ словообразования. Все эти типы словообразования, включая даже подавляющее большинство их частных разновидностей, представляют собой явление исторически устойчивое, и столь же в своем существе характерны для словообразовательной системы русского языка предшествующих периодов его развития, сколь и для современного ее состояния (ср. та-

кие древнерусские образования, как суффиксальное *дальство* — «отдаление, расстояние» — от слова *даль*; префиксальное *разгадати* — от глагола *гадати*; префиксальное *некамо* — «куда-либо» — от наречия *камо*; сложные *миродержатсль, злодеи, водоносъ*; суффиксально-префиксальные *зистение* — «место за стеной» — от *стена*; *подружив* — «супруг, супруга» — от *другъ*; *засапожникъ* — «нож, хранящийся за сапогом» — от *сапогъ* и т. д.).

Хорошее знание упомянутых выше типов морфологического словообразования, строгое их разграничение, точная и детальная характеристика способа образования того или иного слова совершенно необходимы, так как являются одним из наиболее важных условий правильного морфологического анализа слова.

Под сложением подразумевается такой вид морфологического словообразования, когда новое слово образуется в результате объединения в одно словесное целое двух и более основ (*землекоп, солнцепек, водопад, паровозостроение, грязеводолечебница, мясохладобойня, семипудовый* и т. п.).

Объединяться в одно слово могут как основы полные, так и усеченные: в первом случае сложение приводит к образованию сложных слов (см. вышеперечисленные), во втором случае — к возникновению слов сложносокращенных (*колхоз, комсомол, зарплата* и т. д.).

В качестве образующих основ могут выступать и производные (делимые) основы, и непроизводные (равные корню): *паровоз, лесосплав, мореплаватель, капиталовложение, трехэтажный* и т. п. В современном русском языке соединяются, образуя новое слово, главным образом, разные основы: образование новых слов так называемыми «повторами» или «удвоением»¹, т. е. сложением одинаковых звуковых комплексов, в настоящее время в русском словопроизводстве существенной роли не играет.

Сложные слова, представляющие сложение непроизводных основ, являются в своем подавляющем большинстве именами существительными. Многочисленнее всего

¹ Ср. такие слова, как имена существительные *колокол, перепел, глагол*, местоимение *тот*, представляющие давние образования, которые в современном русском языке являются уже корневыми словами (произошли из сложений: *кол+кол, пел+пел, гол+гол, тѣ+тѣ*); ср. также наречия *чуть-чуть, едва-едва* и т. п., где наличная морфологическая делимость подчеркнута даже орфографическим написанием.

среди них имена существительные мужского рода с опорной глагольной непроемной основой (*волнорез, хлебопек, вездеход, листопад, масломер, однолюб, миномет, дровосек* и т. п.).

Немногочисленны такие слова, как *скоропись, пустомеля, горемыка, книгоноша* и пр. Не являются продуктивными такие образования, где опорной основой является непроемная основа имени существительного: *лизоблюд, первоцвет, чернозем, суходол, лежебок* и т. п.

Сложные слова, образующиеся при сложении основ, из которых хоть одна является производной, по своей семантико-грамматической принадлежности более разнообразны (ср. *громкоговоритель, культурно-бытовой, пятиконечный, свинцово-тяжело, главнокомандующий, телодвижение, многочисленный, любвеобильный* и т. д.).

Сложение основ происходит по-разному. Наиболее обычным (и наиболее морфологизированным) способом является соединение двух слагаемых посредством соединительных гласных *о* и *е* (*о* них см. стр. 107 и след.), но нередко наблюдается основосложение и без какой-либо соединительной гласной.

При словообразовательном анализе особенно важно строго отличать слова, образованные путем сложения, во-первых, от слов, образованных путем аффиксации, а во-вторых, от слов, представляющих собой сращение словосочетания в одно слово.

Не всякое слово, имеющее в своем составе два или больше корня, будет словом, образованным путем сложения. Рядом со сложными словами будут наблюдаться слова, произведенные от сложных слов путем прибавления того или иного аффикса. Например, слова *водопроводчик, коневодческий, единоличник, разноголосица, парходство* и т. п. — слова не сложные по своему образованию, как можно подумать, имея в виду наличие в их морфологическом составе двух самостоятельных корней, а суффиксальные; они только образованы от сложных слов (*водопровод, коневод, единоличный, разноголосый, парход* и т. п. + суффиксы *-чик, -ческ(ий), -ик, -иц(а), ств(о)* и др.).

Сложные слова необходимо отличать также от слов, представляющих собой сращение синтагмы в одно слово. Сращение — это слово, которое является соединением слов с флективными приметами и образовалось в процессе употребления. Сложное слово — это лексическая

единица, которая является соединением основ и образована в процессе словопроизводства (ср. сращения *сейчас, вполголоса, дотла, тринадцать, четыреста, умалишенный* и пр. и сложные слова *доброкачественный, засухоустойчивый, газопровод, шлакобетонный, Ленинград, семиэтажный* и др.). Правда, следует иметь в виду, что некоторые приемы сложения являются, во-первых, «своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим»¹, а во-вторых, восходят генетически к различного рода сращениям. Поэтому отрывать совершенно эти два вида образования слов (сложения и сращения) нельзя.

К сложным словам по своей морфологической структуре и образованию примыкают слова, включающие в свой состав в качестве второго компонента не какую-либо однозначную основу, а словоэлемент (термин акад. В. В. Виноградова), т. е. основу, наполовину превратившуюся уже в суффикс. Сюда относятся слова со словоэлементами *-вод, -вед, -носец, -видный, -образный, -подобный, -творный* и т. п. (ср. *пчеловод, языковед, оруженосец, шаровидный, порошкообразный, обезьяноподобный, животворный* и пр.).

Словосложение как один из способов морфологического словообразования не является одинаково продуктивным в пополнении словаря русского языка различными категориями слов. Например, глаголы этим способом в русском языке совершенно не образуются; те немногочисленные по образованию сложные глаголы, которые наблюдаются в словарном составе русского языка, являются кальками с греческого языка (*благодарить, злословить* и т. п.). Напротив, сложение является чрезвычайно продуктивным в образовании имен (как существительных, так и прилагательных).

В пределах разбираемого способа следует различать также чистое сложение и сложение основ с одновременной суффиксацией, в последнем случае (этот способ можно назвать *с л о ж н о - с у ф ф и к с а л ь н ы м*) слово возникает как результат объединения двух основ с одновременной суффиксацией опорной основы: *редколесье, шестигранник* и др.

¹ В. В. Виноградов, указ. статья, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 4.

Еще менее универсальным (в смысле распространения среди различных по семантико-грамматической принадлежности групп слов) является *б е з а ф ф и к с н ы й с п о с о б с л о в о о б р а з о в а н и я*. Он действует только в области имен существительных и то чрезвычайно слабо.

При помощи безаффиксного способа имена существительные образуются от небольшой части глаголов и имен прилагательных: от глаголов образуются имена существительные мужского рода и очень редко — женского, от имен прилагательных — всегда женского (ср.: *прицел, разбег, взмах, всплеск, присед, развоз, обжиг, зажим, осмотр, протой; накипь, запись, забава, просека; бездарь, зелень, сушь, рвань, удаль* и т. п.).

При безаффиксном способе словообразования основа образующего глагола или имени прилагательного без добавления каких-либо аффиксов (но с обязательным исключением категориальных суффиксов в основе глагола) становится основой имени существительного. Одновременно при образовании слова от имени прилагательного наблюдается то или иное (изменение конечного согласного, изменение ударения) фонетическое переоформление образующей основы. При производстве слова безаффиксным способом словообразования от глагола образующая основа в настоящее время обычно в фонематическом отношении не модифицируется. Почти все отглагольные слова безаффиксного образования, имеющие так называемую «внутреннюю флексию» основы, т. е. чередование гласных в корне (*напор, приток, поджог* и т. п. — ср. *напирать, притекать, поджигать*), являются весьма давними образованиями.

Большинство слов, образованных безаффиксным способом словообразования, имеет в своем составе префиксы. Однако эти приставки имелись уже в образующей основе глагола или прилагательного. Слова *проход, подвоз, вывих, возврат, нечисть* и т. п. образовались не при помощи приставок *про-, под-, вы-, воз-*, не от слов *ход, воз, вих, врат, чисть*, а являются безаффиксными образованиями от слов *приходить, подвозить, вывихнуть, возвратить, нечистый*, содержащих в своей основе приставки. Те затруднения, которые могут возникнуть при определении способа образования подобного рода слов (*осмотр, разбег* и т. п.) — безаффиксные ли это образования от слов с приставками (от *осмотреть, разбежаться* и т. п.), или это

префиксальные образования (от слов *смотр*, *бег* и др.), т. е. слова, образованные при помощи приставки,— почти всегда вполне разрешимы при учете соотношенности производной и производящей основ и сферы действия и продуктивности префиксального и безаффиксного способов словообразования.

Случаи, допускающие при правильном словообразовательном анализе возможность двойственного их толкования, наблюдаются редко.

При рассмотрении слов типа *зелень*, *забор*, *измена*, *перепись* и т. п. следует иметь в виду, что подавляющее большинство подобных имен существительных исторически, по своему происхождению в действительности являются не безаффиксными образованиями, а суффиксальными образованиями при помощи суффиксов *ь*, *ь*, *а*.

Наиболее продуктивным, гибким и богатым видом морфологического словообразования является в русском языке аффиксия.

Аффиксация как способ образования слов — это создание нового слова присоединением к основе образующего слова тех или иных словообразовательных элементов.

В зависимости от того, какие словообразовательные элементы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к образующей основе, в аффиксации выделяется три разновидности: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования. Из них наиболее продуктивной разновидностью является суффиксальный способ словообразования, характерный для всех категорий полных слов, активно пополняющихся новыми лексическими единицами.

Различие между отдельными разновидностями аффиксации наблюдается и в способе производства при их помощи слов: при суффиксальном способе словообразования новое слово образуется от основы слова, при префиксальном — от целого слова, при суффиксально-префиксальном — и от основы слова (имена существительные и имена прилагательные), и от целого слова (глаголы).

Анализируя с словообразовательной точки зрения то или иное слово, особенно важно строго разграничивать эти разновидности аффиксации, которые различаются между собой и в своих возможностях образования новых слов с точки зрения чисто грамматической. При помощи

префиксального способа словообразования от того или иного слова образуются слова только того же грамматического класса; это же может быть отмечено и для суффиксально-префиксального от глаголом. При помощи же суффиксально-префиксального способа словообразования от имен и при помощи суффиксации возможно образование и слов иного грамматического класса.

Суффиксальный способ словообразования — производство нового слова путем прибавления к образующей основе какого-нибудь суффикса. Слова *гордость*, *старик*, *книжный*, *слесарничать* и т. п. являются суффиксальными по своему образованию. Они образованы прибавлением к основам *горд(ый)*, *стар(ый)*, *книг(а)*, *слесарь* суффиксов *-ость*, *-ик*, *-н(ый)*, *-нича(ть)*.

Префиксальный способ словообразования — это образование нового слова путем прибавления к целому производящему слову какого-нибудь префикса (или, как иначе иногда называют этот словообразовательный элемент, какой-нибудь приставки). Слова *разбудить*, *оговорить*, *вызвать*, *пробежать*, *сбросить*, *раскрасавица*, *некуда*, *антинаучный*, *ненормированный*, *архиплут* и т. п. будут по своему образованию словами префиксальными. Они появились благодаря присоединению к словам *будить*, *говорить*, *звать*, *бежать*, *бросить*, *красавица*, *куда*, *научный*, *нормированный*, *плут* префиксов *раз-*, *о-*, *вы-*, *про-*, *с-*, *рас-*, *не-*, *архи-*.

Суффиксально-префиксальный способ словообразования — это производство нового слова от образующей основы (или образующего слова в целом) путем одновременного присоединения как приставки, так и суффикса.

Так, слова *подорожник*, *застольный*, *вжиться* и т. п. являются словами, образованными при помощи суффиксально-префиксального способа словообразования. Слово *подорожник* образовано от основы *дорог(а)* одновременным присоединением *по-* и *-ник*; слово *застольный* — от основы *стол* одновременным присоединением *за-* и *-н(ый)*; слово *вжиться* — от слова *жить* одновременным присоединением префикса *в-* и суффикса *-ся* и т. д.

Необходимо иметь в виду, что при образовании суффиксально-префиксальным способом имен, как правило (ср. *пасынок*, *суглинок* и пр. иного типа, с приставками как

такowymi, наблюдается в сущности суффиксация, но не основы слова, а сочетания предлога и существительного, становящегося в акте словопроизводства образующей основой (*за рекой — заречье, по морфемам — поморфемный* и т. д.).

Подробное описание разновидностей морфологического словообразования, а также анализ частных словообразовательных моделей дается в морфологии.

Кратко охарактеризованные выше способы словообразования не одинаковы по своей продуктивности и действительности в разных лексико-грамматических категориях слов. Например, лексико-синтаксический способ словообразования продуктивным является лишь в сфере наречий-и служебных слов, морфолого-синтаксический совершенно не действует как средство для образования новых глаголов, лексико-семантический абсолютно не характерен в области числительных и т. д. Еще более определены и ограничены в своем распространении частные приемы и типы того или иного способа словообразования.

Из литературы о различных способах словообразования в русском языке см: В. Ф. Алтайская, Сложносокращенные слова в русском языке. «Научные записки Ужгородского у-та», т. 13, 1955; Р. Е. Вульфсон, К вопросу о префиксально-суффиксальном словообразовании в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1954, № 1; А. Васильев, Об одном типе морфологического способа словообразования в русском языке, Тезисы доклада и сообщения на научной конференции по славянской филологии», Фрунзе, 1958; М. Н. Захарова, К вопросу о семантическом словообразовании в русском языке, «Ученые записки Кишиневского у-та» т. 15, 1955; А. В. Знаменская, Префиксально-суффиксальное образование возвратных глаголов, «Ученые записки Борисоглебского пед. и-та, вып. 5, 1958; М. И. Привалова, К определению понятия сложного слова в русском языке, «Вестник ЛГУ», 1958, № 8; Л. А. Шеляковская, Структурно-морфологические типы сложных существительных и их продуктивность в современном русском литературном языке, автореферат диссертации, Алма-Ата, 1958.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В связи с освещением понятий словообразовательного и этимологического анализа выше были изложены основные проблемы русского словообразования и этимологии. Возникает вопрос, в каком отношении к ним находится лексикология русского языка, каковы ее задачи и объект изучения.

Лексикология представляет собой раздел науки о языке, изучающий словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии. Отдел лексикологии в курсе современного русского языка освещает современную словарную систему нашей речи, историческая лексикология русского языка — ее формирование и обогащение в связи с историей русского народа.

Объектом изучения в лексикологии являются прежде всего слова. Слова, как известно, подвергаются изучению и в морфологии и словообразовании. Однако изучаются слова в морфологии и словообразовании совершенно по-разному и совсем с иными целями, чем в лексикологии. Если для морфологии и словообразования слова оказываются средством изучения грамматического строя и словообразовательных законов и правил языка, то в лексикологии слова изучаются для познания самих слов, словарного состава языка как такового.

Так, например, в слове *вздор* для морфологии будет важным то, что оно относится к разряду неодушевленных имен существительных, имеет грамматическую категорию падежа, является словом мужского рода, не обладает, как и все абстрактные существительные в их основном значении, множественным числом, способно определяться

прилагательным, которое в таком случае будет согласовываться с ним в роде, числе и падеже, и т. д.

Для словообразования в этом слове будет важным тот факт, что оно является словом с непроизводной основой, образовано от глагола *вздирать* при помощи безаффиксного способа словообразования, в связи с изменением значения испытало процесс опрошения и т. д.

Что же касается лексикологии, то для нее в слове *вздор* будет важным, что это слово синонимично в определенной степени словам *нелепость*, *чепуха*, *бессмыслица*, *бред*, *чушь*, *ахинея* и т. д., в стилистическом отношении является разговорно-фамильярным, по происхождению исконно русским, в процессе своего бытования расширило сферу своего употребления (первоначально оно было профессионализмом) и резко изменило свое значение (раньше оно обозначало «стружки, отходы, мусор») и т. д.

Если для морфологии в слове важным оказывается морфологический характер слова и его грамматические свойства, а для словообразования его словообразовательная структура и способ образования, то для лексикологии в слове важно лишь то, что характеризует его как лексический факт языка.

В лексикологии в соответствии с этим слова изучаются с точки зрения: 1) их смыслового значения, 2) места в общей системе лексики, 3) происхождения, 4) употребляемости, 5) сферы применения в процессе общения и 6) их экспрессивно-стилистического характера.

С этих же точек зрения, а также с точки зрения степени слияния их частей и структуры в особом разделе лексикологии, который называется фразеологией, подвергаются изучению и аналогичные словам по воспроизводимости в качестве готовых целостных единиц фразеологические обороты (*поставить на ноги*, *нож острый*, *разбить на голову*, *как сыр в масле*, *остаться с носом*, *избиение младенцев* и т. д.).

¹ В настоящих очерках (см. предисловие) фразеологические обороты не рассматриваются.

Из литературы о фразеологии см.: В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, § 4; С. И. Ожегов, О структуре фразеологии, «Лексикографический сборник», вып. 2, 1957; А. С. Бровко, К вопросу о семантико-структурной классификации фразеологических единиц русского языка, «Наукові записки», Запорізьк. держ. ін-т, т. 4, 1957; В. Ф. Рудов, К вопросу осущности фразеологических выражений, Ученые записки Таганрогского пединститута, вып. 5, 1958; Н. М. Шан-

Так как лексика в том или ином языке является не простой суммой слов, а определенной системой соотносительных и взаимосвязанных фактов, то лексикология предстает перед нами наукой не об отдельных словах, а о лексической системе языка в целом.

Если сказанного для определения границ лексикологии, с одной стороны, и словообразования и морфологии, с другой, вполне достаточно, то остается не совсем ясным, в каком отношении друг к другу находятся этимология и историческая лексикология. Как уже отмечалось, историческая лексикология изучает историю лексической системы, т. е. историю слов как определенных словарных единиц с тем или иным значением, экспрессивно-стилистическими свойствами, сферой употребления и т. д. Предметом ее изучения является изменение семантики слова, передвижение слова из одной сферы употребления в другую, появление у него новых стилистических свойств или эмоциональной окраски, трансформации соотносительных связей с другими словами и пр.

Что касается этимологии, то она составляет лишь часть исторической лексикологии и занимается только происхождением слова. Ее задачи ограничиваются освещением лишь того, как возникло слово в данном языке. Дальнейшая судьба слова в этом языке изучается уже в исторической лексикологии.

Знакомство с лексической системой русского языка позволяет нам глубоко проникнуть в сложную и разнообразную жизнь русских слов. Оно позволяет узнать основ-

ский, Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке, «Русский язык в школе», 1957; № 3, В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Сб. «А. А. Шахматов», изд. АН СССР, 1946; его же, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5; его же, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946; Б. А. Ларин, Очерки по фразеологии. Сб. «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике», «Ученые записки Ленинградского университета», серия филолог. наук, вып. 24, 1956; В. А. Архангельский, Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения. «Ученые записки Ростовского-Донского пединститута, кафедра русск. языка», вып. 4, 1955; А. И. Рожанский, Идиомы и их перевод, «Иностранные языки в школе», 1948, № 3; И. М. Вульфус, К вопросу о классификации идиомов, «Русский язык в школе», 1929, № 6.

ные типы лексических значений русских слов и их структурно-семантические разряды, иметь представление о наиболее важных стилистических пластах слов, узнать их происхождение.

Изучая словарный состав русского языка, мы узнаем, например, что слова находятся между собой в синонимических и антонимических отношениях (*чудесный — очаровательный, везде — нигде*), что многие ранее существовавшие в русском языке слова исчезли из него (*сеть — гость, коварь — кузнец, бры — бровь*; ср.: *посетить, коварство, белобрысый*), во многих из них изменилось значение (*наглый* обозначало раньше «внезапный», *прозябать* обозначало раньше «произрастать»), а также характер или сфера употребления (слово *шуя* раньше могло употребляться и как нарицательное в значении «левая», слово *цапля* раньше было диалектизмом), что среди употребляемых нами слов есть и исконно русские, и заимствованные, есть такие, которые являются межстилевыми, и такие, которые употребляются лишь в определенном стиле речи, и т. д.

Лексикология как раздел в курсе современного русского языка не только дает систематическое описание современного состояния лексики, но и помогает овладеть литературными нормами словоупотребления. Прочное овладение нормами литературного языка в области словоупотребления является совершенно необходимым для каждого изучающего современный русский язык, ибо без этого в его речи всегда будут ошибки, снижающие ее выразительность и действенность.

В качестве примеров нарушения норм литературной речи можно привести несколько отрывков из произведений наших поэтов. В одной из песен Лебедева-Кумача находим: «Приходи вечер, любимый», хотя слово *вечер* имеет значение «вчера вечером». В поэме Яковлева «Петрушка» (см. журн. «Юность», 1955, № 5) читаем: «Древкó (sic!)¹ могучее он сжал И поднял выше знамя», хотя прилагательное *могучий* как синоним словам *мощный, сильный, могущественный* определять слово *древко* не может.

В первом случае наблюдается нарушение семантических норм (слову *вечер* приписывается значение «вечером», которого оно не имеет), во втором — перед нами ошибка

¹ Правильное произношение: *дрéвко*, а не *древкó*.

лексико-синтаксического характера (слово *древко* сочетается с таким словом, которое с ним соединяться не может).

Ошибки в словоупотреблении возникают не только на базе незнания значений слова или их связей с другими словами, но и в силу того, что не учитываются их экспрессивно-стилистические качества, сфера применения, речевой контекст и т. п.

Так, является ошибкой употребление варианта *осьмнадцатый* вместо *восемнадцатый* в поэме «Зоя» М. Алигер: «Травы просыпались ото сна, Все шумнее делалась погода, И стояла поздняя весна Твоего осьмнадцатого года». Лексико-фонетический архаизм *осьмнадцатый* как устаревший факт не может в настоящее время употребляться вне каких-либо стилистических целей. Его употребление возможно сейчас лишь как явления, играющего определенную экспрессивно-выразительную роль (об этом см. ниже, стр. 237).

Отклонением от норм литературной речи (ведущим к непониманию читателем высказываемого) является также безразличное употребление С. Прокофьевым слова *погода* в диалектном значении «непогода, ненастье, дождь»: «Что весной на родине? Погода. Волны неумолчно в берег бьют» (Стихотворения, 1950, стр. 119).

Теоретическое изучение в лексикологии современной русской словарной системы позволяет познать ее законы и правила и дает одновременно возможность усвоить основные нормы литературного употребления слов, что играет большую роль в повышении общей культуры речи

Из литературы по общим вопросам лексикологии русского языка см.: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Р. А. Б у д а г о в, Очерки по языкознанию, М., 1953; Р. А. Б у д а г о в, Введение в науку о языке, М., 1958; Л. А. Б у л а х о в с к и й, Введение в языкознание, М., 1953; Е. М. Г а л к и н а-Ф е д о р у к, Современный русский язык. Лексика. М., 1954; А. Н. Г в о з д е в, Очерки по стилистике русского языка, М., 1955; А. И. Е ф и м о в, Стилистика художественной речи, 1957; Е. М. Г а л к и н а-Ф е д о р у к, Қ. В. Г о р ш к о в а, Н. М. Ш а н с к и й, Современный русский язык, ч. 1, М., 1958; А. А. Р е ф о р м а т с к и й, Введение в языкознание, М., 1955; А. И. С м и р н и ц к и й, Лексикология английского языка, М., 1956; Қ. А. Л е в к о в с к а я, Лексикология немецкого языка, М., 1956; Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР», Отделение литературн. языка, 1940, вып. 3; А. М. Ф и н к е л ь и Н. М. Б а ж е н о в, Современный русский литературный язык, изд. «Радянська школа», 1951.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ СЛОВ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

Наиболее многочисленную группу слов в лексике русского языка, как и всякого другого, образуют такие слова, которые представляют собой обозначения различных явлений объективной действительности (предметы, действия, признаки и т. д.). Их обычно называют самостоятельными или полнозначными словами. С грамматической точки зрения это существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия, слова категории состояния и местоимения.

Основной, наиболее важной и яркой чертой таких слов является их номинативная функция. Эти слова характеризуются тем, что, выступая в качестве лексической единицы, они всегда называют то или иное явление объективной действительности. Так, словом *героизм* называется способность к совершению подвига, словом *карий* — темно-коричневый цвет, словом *мужать* — процесс становления зрелости и др.

У местоимений, занимающих среди других полнозначных слов особое место, назывная функция имеет специфический характер: они являются собственно не обозначениями, а лишь их указательными заместителями. Самостоятельные слова, таким образом, предстают перед нами всегда как слова, соотнесенные с тем или иным явлением. Эту соотнесенность слова с каким-либо явлением объективной действительности, исторически закрепленную в сознании говорящих, и называют обычно лексическим значением слова. Таким лексическим значением обладают, однако, не все слова. Междометия, служебные и модальные слова, не связанные непосредственно с явлениями объективной действительности и лишенные предметной соотнесенности, его не имеют. Их значения носят совершенно иной характер.

Именно поэтому прежде всего они изучаются обычно не в лексикологии, а в грамматике. В лексикологии, как правило, изучаются лишь однозначные слова.

Вопрос об основных типах лексических значений слов нельзя разбирать, предварительно не коснувшись природы названия. Предметы и явления называются по тому признаку, который оказывается достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других предметов и явлений. Таким бросающимся в глаза признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. *Кольцо* получило, например, свое название по форме (*коло* — круг), *кукушка* — по характерному для нее крику, *смородина* — по свойственному для нее запаху (*сморд*, древнерусск. *смород* — сильный запах), *шило* — по функции (от глагола *шить*), *яровые* — по времени посева (древнерусск. *яро* — весна) и т. д.

Признак, положенный в основу названия, и служебные морфемы, оформляющие его в слово, не равнозначны, одно-ко, значению, характерному для того или иного слова.

Во-первых, они составляют лишь основу того значения, которое получает потом слово в результате употребления. Признак, положенный в основу названия данного предмета, может характеризовать не только его, но и другие явления объективного мира. Кроме того, он всегда является недостаточно определенным. Реальное же значение слова, напротив, конкретно. Поэтому очень часто ясного представления о действительном значении слова признак, положенный в основу названия, не дает. Например, знание признака, положенного в основу болгарских слов *черница*, *ветрило*, *птичка* (черный, ветер, птица), не дает нам знания их фактического значения (*черница* — тутовое дерево, ягода этого дерева, *ветрило* — веер, бумажный змей, *птичка* — воробей; в русском языке *черница* — в диалектах «черника», *ветрило* — парус, *птичка* — уменьшительно-ласкательное к *птица*). Ясное представление образа в русских диалектных словах *голянка* и *зеленец* (голый, зеленый) не дает все же возможности твердо сказать, не зная соответствующего говора, что они называют (*голянка* — особого типа рукавица, *зеленец* — в разных диалектах — свежий веник, незрелая ягода, островок, поросший камышом или ивняком, ит.д.).

Во-вторых, слово, имея то или иное лексическое значение, может быть абсолютно условным названием соответ-

вующих явлений объективной действительности. Признак, положенный в основу многих слов, в настоящее время уже в них не чувствуется, но от этого они не перестали быть значимыми единицами языка. Например, сейчас уже неясно, почему такое помещение, как комната, названо словом *комната*, такое насекомое, как жук, названо словом *жук*, такой инструмент, как долото, назван словом *долото*, однако каждый говорящий на русском языке четко представляет себе лексические значения слов *комната*, *жук*, *долото*.

Таким образом, в русском языке бывают два рода полнозначных слов: 1) немотивированные названия типа *долото* (то, чем долбят, из **dolbto*), *жук* (по звуку), *комната* (первоначально — помещение с камином, лат. *caminata*); 2) мотивированные названия типа *ледокол*, *вишневый*, *синий*. Однако и те и другие обязательно имеют какое-либо лексическое значение. Это лексическое значение может быть в слове единственным (слова с такой семантикой называются однозначными: *ветла*, *грач*, *шея*, *рдеть*, *типичный*, *чреватый* и т. д.). Но оно может быть в слове наряду с другим или с другими лексическими значениями (слова с такой семантикой называются многозначными): *знать*, *голова*, *отбить*, *глухой*, *вода* и т. д. В таком случае одно лексическое значение выступает как основное, исходное значение, а другое или другие как вторичные, производные. Например, в многозначном слове *идти* можно отметить значения: *двигаться ступая* («Смотрю, а брат уже идет»), *падать* («Дождь идет с самого утра»), *распространяться* («Вот идет молва правдива. За морем царевна есть, Что не можно глаз отвести» — Пушкин), *продаваться* («Товар идет хорошо»), *вступать в брак* («За меня она идти согласна»), *показываться* («Эта пьеса впервые идет на сцене Малого театра»), *быть в действии*, *работать* («После смазки станок идет ровно, без рывков»), *расти* («У пня, разбитого грозой, Смотри, как свежую лозой Навстречу ветра и дождей идет семья живых ветвей» — Ковалев) и т. д.

Значение «двигаться ступая» в глаголе *идти* является основным, исходным значением, все остальные — вторичными, возникшими на базе основного, исходного. Следовательно, различный характер слов с семантической точки зрения проявляется прежде всего в том, что наряду с однозначными словами существуют и многозначные, имеющие не одно, а несколько значений.

Многозначность, или полисемия, представляющая одну из основ яркости и выразительности русской лексики, является принадлежностью многих однозначных слов русского языка. Особенно часто многозначными словами оказываются слова исконно русского характера и длительного употребления: *сердечный* (человек, прием, мышца, тайна, привет, спасибо); *глухой* (старик, голос, переулочек, гласный, ночь, ропот, ворот и т. п.); *дом* (деревянный дом, хлопотать по дому, Дом культуры, весь дом сбежался, Пушкинский дом); *брать* (брать палку, брать тему для диссертации, брать город, брать взятки, брать хитростью, бери вправо, брать высоту, брать на прицел и т. д.).

Такое свойство, как многозначность, определяет большое значение контекста для слова: вне контекста слово в своем значении определимо лишь приблизительно.

Многозначность слова, выступающая как «способность слова синхронически одновременно обладать разными значениями» (В. В. Виноградов), появляется в силу того, что слово наряду с обозначением какого-либо явления может служить в качестве названия также и другого явления объективной действительности, если последнее имеет какие-либо общие с названным явлением признаки или свойства.

Явление полисемии слов представляет собой, таким образом, следствие переноса наименования с одного предмета действительности на другой. Такие переносы наименований происходят, во-первых, на основе сходства (по форме, цвету, внутренним свойствам и качествам и т. д.): *рукав* (рваный) — *рукав* (реки), *гнет* (положить под гнет творог) — *гнет* (капиталистический гнет), *крепкая* (веревка) — *крепкая* (дружба) и т. п.; во-вторых, по смежности (временной, пространственной, логической и т. д.): *класс* (светлый класс) — *класс* (способный класс), *тенор* (у него лирический тенор) — *тенор* (выступал известный тенор) и т. д.; в-третьих, по функции: *перо* (гусиное) — *перо* (авторучки), *крыло* (птицы) — *крыло* (самолета) и т. д.

Значительно реже новые значения в словах возникают по сближению эмоционального характера (ср.: *глубокая пропасть* и *пропасть дел* и т. п.) и по сближению звучания слов (ср.: *сальная свеча* и *сальный анекдот* и др.).

Однако различие между однозначными словами русского языка в смысловом отношении не ограничивается тем, что одни слова являются однозначными, а другие многознач-

ными. Слова могут отличаться друг от друга также и самим лексическим значением, его специфическими особенностями, и проявлением в слове.

Вслед за акад. В. В. Виноградовым¹ можно выделить три основных типа лексических значений русских слов: прямое, или номинативное, значение, фразеологически связанное значение и синтаксически обусловленное значение.

Прямым, или номинативным, значением слова называется такое лексическое значение слова, которое непосредственно связано с отражением явлений объективной действительности. Связи и отношения слов, имеющих прямое, или номинативное, значение, с другими словами соотносительны с теми связями и отношениями, которые существуют между обозначаемыми ими явлениями.

Связи и отношения слов с прямым, номинативным, значением с другими словами определяются не внутренними законами лексической системы современного русского языка, а предметно-логически. Поэтому слова, имеющие прямое, номинативное значение, не ограничиваются в своем употреблении определенными, в количественном отношении немногочисленными фразеологическими оборотами,— они имеют широкие и разнообразные словесные связи. Имея это в виду, прямое, номинативное, значение называют также свободным.

Такие слова, как, например, *шея*, *длинный*, *дерзить*, имеют прямые, номинативные, значения. Они непосредственно называют: одно — предмет, другое — качество, третье — действие, реально существующие в объективном мире. Сфера употребления их в этом значении с другими словами обусловлена в сущности только предметно-логически, т. е. отношениями самих обозначаемых словами явлений действительности.

Шея как часть человеческого тела, соединяющая голову и туловище, может быть короткой, загорелой, грязной и т. д., ее можно йобрить, вымыть и т. д., она может быть у человека, животных и т. д. В соответствии с этим слово *шея* может сочетаться со словами *короткая*, *загорелая*, *грязная*, *побрить*, *вымыть*, *ребенок* (шея ребенка), *гусь* (шея у гуся) и т. д. Но шея не может быть ни мелкой, ни смысловой, она не может быть ни у дома, ни у мысли, поэ-

¹ См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слов, «Вопросы языкознания», 1953 № 5.

тому слово *шея* не может сочетаться как определяемое или определяющее ни со словами *смысловая, мелкая*, ни со словами *дом, мысль*.

То же самое можно отметить относительно слов *дерзить* и *длинный*. Связи с другими словами у них, как у слов с прямым, номинативным, значением, обусловлены предметно-логическими отношениями. Слово *длинный* может соединяться со словами *улица, забор, платье, нос, шея* и др., но соединение его со словами *значение, щип, жалость, действительность* и т. п. невозможно. Слово *дерзить* может соединяться со словами *она* (дерзить ей), *мальчик* (мальчик надерзил), *постоянно* (она постоянно дерзит) и т. д. Но оно невозможно в соединении со словами *приготовление, исключительность, муха, фиолетовый, вкусно* и т. д.

Иными по своей сути и значительно более узкими будут связи с другими словами у таких слов, как, например, *чревато, безысходно, отворотить, пробудить* и т. д. Это объясняется тем, что перечисленные слова имеют уже не прямое, номинативное, значение, а фразеологически связанное.

Фразеологически связанным значением слова называется такое лексическое значение слова, которое реализуется лишь в устойчивых сочетаниях слов, обусловленных не предметно-логически, а внутренними законами лексической системы современного русского языка.

Слова, имеющие фразеологически связанные значения, употребляются в речи лишь с определенными словами и, как правило, в немногочисленных оборотах.

Их связь с называемыми предметами действительности является не прямой, а опосредованной. Лексическое значение такого рода слов становится совершенно определенным лишь при подстановке синонимов (о них см. ниже) с прямым, номинативным, значением.

В самом деле, названные выше слова (*чревато, безысходная, отворотить, пробудить*) выступают в речи лишь в соединении с определенными словами, обычно в очень немногих, по своей сущности устойчивых сочетаниях. Слово *чревато* неотрывно в настоящее время от слова *последствия* и существует в языке лишь рядом с ним (*чревато последствиями*); слово *безысходная* употребляется сейчас только со словами *тоска, скорбь, печаль, грусть* и *отчаяние*; слово *отворотить* — прежде всего со словами *опас-*

ность, беда, несчастье, угроза; слово *пробудить*, как правило, — со словами *интерес, охота, желание, страсть* и т. д. Связи этих слов с другими словами не являются свободными, обусловленными предметно-логически, как у слов с прямым, номинативным, значением. Они определяются системой современной русской лексики и обуславливаются ее историческим характером.

Например, безысходным, т. е. не имеющим конца, может быть не только тоска, скорбь, печаль, грусть и отчаяние, но и ожидание, разговоры, упреки, песня и т. д. Поэтому, если бы связи слова *безысходный* определялись предметно-логически, оно должно было бы связываться не только со словами *тоска, скорбь, печаль, грусть* и *отчаяние*, но и со словами *любовь, ожидание, разговоры, упреки, песня* и т. д.

Однако слово *безысходный* сцепляется лишь со словами типа *тоска, скорбь, печаль, грусть*. Это значит, что его связи с другими словами определяются не соотношениями, существующими между обозначаемыми явлениями действительности, а выводятся из внутренних закономерностей лексической системы современного русского литературного языка.

Кроме слов, имеющих прямые, номинативные, значения, и слов с фразеологически связанным значением, в русской лексике существует также немногочисленная группа слов, обладающая синтаксически обусловленным значением.

Синтаксически обусловленным значением слова называется такое лексическое значение слова, которое реализуется в слове лишь тогда, когда оно выступает в предложении в определенной синтаксической функции. Синтаксически обусловленными значениями будут, например, значение «человек большого ума» у слова *голова* («Он у нас голова»), значение «рогозей» — у слова *ворона* («Эх ты, ворона, не заметил, как кошелек украли»), значение «растяпа» — у слова *шляпа* («Шляпа! Такой мяч пропустить!»), значение «подлец» — у слова *свинья* («Свинья я был ужасная и воображал себя, что я ангел» — Л. Толстой) и др.

Указанные значения для этих слов характерны обычно тогда, когда эти слова выступают в предложении в качестве сказуемого. В роли других членов предложения они с такими значениями могут употребляться только анафорически, т. е. в предложении вслед за фразой, в которой они были сказуемыми, причем, как правило, в сопровождении

указательного слова (ср.: «Ну и *осел* же твой приятель. *Такого осла* я еще не видывал»).

Слова с синтаксически обусловленным значением, относящиеся, как вышеназванные, к категории имен существительных (ср. также: *медведь, молодец, крошка, лиса, змея, бред, чудо, загляденье* и т. д.), представляют собой не нейтральные названия явлений действительности, а их экспрессивно-эмоциональные характеристики положительного или отрицательного характера.

подавляющее большинство русских слов, имеющих фразеологически связанное или синтаксически обусловленное значение, обладает также и прямым, номинативным, значением. Однако не следует думать, что это последнее значение обязательно присуще каждому слову. В лексике современного русского языка существуют и такие слова, в которых наблюдаются или только фразеологически связанные значения (таких довольно много, например *чреватый, безысходный*), или только синтаксически обусловленные (такие слова единичны, например *объединение, загляденье*).

Среди слов, не имеющих свободного значения, следует особо назвать группу слов, которая в языковой системе функционирует в качестве номинативно-коммуникативных единиц. Выступая как слово, одновременно являющееся предложением, такого рода слова (*смеркается, жаль, безусловно, да* и т. п.) обладают только синтаксически-обусловленным значением.

Из литературы о лексических значениях слов и его разновидностях см.: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5; Н. Н. Амосова, К вопросу о лексическом значении слова, «Вестник ЛГУ», Л., 1957, № 2; В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957; Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие, Учпедгиз, М., 1956; Л. С. Ковтун, О значении слова, «Вопросы языкознания», 1955, № 5; Е. Р. Курлович, Заметки о значении слова, «Вопросы языкознания», 1955, № 3; А. И. Смирницкий, Значение слова, «Вопросы языкознания», 1955, № 3; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, тт. I—II, X., 1899; Р. А. Будагов, Многозначность слова, «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», М., 1958, № 1; А. Ф. Ефремов, Многозначность слова, «Русский язык в школе», 1957, № 3.

ОМОНИМЫ

Различные значения многозначного слова следует строго отграничивать от явлений лексической омонимии.

В современном русском литературном языке сущест-

вует немало одинаково звучащих слов или отдельных их форм, имеющих совершенно различные значения. Нередко все такого рода слова или какие-либо их формы называют омонимами.

Имея *n* виду это явление, необходимо, однако, подходить дифференцированно к различным фактам, которые здесь могут наблюдаться.

Следует строго отграничивать омонимы от омоформ, а от них омофоны, а также омографы и паронимы. **О м о н и м а м и** являются такие слова, одинаково звучащие, но имеющие совершенно различные значения, которые совпадают между собой как в звучании, так и на письме во всех (или в ряде) им присущих грамматических формах. Омонимы, следовательно, представляют собой слова одного грамматического класса.

Если такие слова совпадают между собой во всех своих грамматических формах, это полные омонимы (*заставить* — принудить кого-то что-нибудь сделать и *заставить* — загородить, закрыть чем-нибудь поставленным; *ударник* — часть затвора винтовки и *ударник* — передовой рабочий социалистического "производства; *кулак* — кисть руки со сжатыми пальцами и *кулак* — богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий чужой труд). Если такие слова совпадают между собой лишь в ряде своих грамматических форм, это неполные омонимы (*лук* — огородное растение и *лук* — старинное оружие для метания стрел; у первого слова множественного числа нет; *засыпать* от *сыпать* и *засыпать* — отходить ко сну: соотносительные формы совершенного вида звучать будут по-разному — *заснуть* и *засыпать*).

О м о ф о р м а м и являются в отличие от омонимов слова как одного и того же, так и разных грамматических классов, совпадающие между собой в звучании всегда лишь в отдельных формах (*лечу* от *лететь* и *лечу* от *лечить*, *три*, *трем* — числительные и *три*, *трем* — формы от глагола *тереть*, *мороженое* — существительное и *мороженое* — прилагательное, *благодаря* — деепричастие от *благодарить* и *благодаря* — предлог, *дуло* — существительное и *дуло* — форма от глагола *дуть* и т. п.).

К о м о н и м а м и и **о м о ф о р м а м** примыкают **о м о ф о н ы**, представляющие собой слова и формы разного значения, которые произносятся также одинаково, но изображаются на письме в отличие от первых по-разному. Омофоны мо-

гут быть как омонимного характера (*костный — косный, компания — кампания, копчик — кобчик, Роман — роман, Орел — орел* и т. п.), так и омоформного (*плот — плод, вести — вести, братья — братца* и др.).

От омонимов, омоформ и омофонов, представляющих собой разные по значению, но одинаково звучащие слова и формы, следует отличать *омографы* — слова и формы, разные по значению, но одинаково изображаемые на письме. В произношении омографы между собой в звучании не совпадают. Как и омофоны, они могут быть и омонимного характера (*замок — замо́к, му́ка — мука́, выкупать, — выкупать* и др.) и омоформного (*мою — мою́, доро́га — дорога́, бе́лок — бело́м* т. п.).

От омофонов следует ограничивать *паронимы* — слова с разным написанием, имеющие очень близкое, но все же не тождественное произношение (*ме́сяца — месится, будет — будит, власти — влазьте* и т. п.).

Нередко омонимия (в широком значении) относят к отрицательным явлениям. Следует отметить, что такое мнение не может считаться доказанным. Наряду с фактами ее устранения в отдельных случаях (ср. исчезновение слова *вечный* от *веко*, слова *винный* от *вина* и т. д.) наблюдаются не менее частые и многочисленные факты появления новых омонимов, омоформ и омофонов. Практически омонимы, омоформы и омофоны не затрудняют общения, так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом.

Появляются омонимы, омоформы и омофоны в русском языке в силу следующих причин:

1. В связи с образованием новых слов и форм в русском языке на базе существующего в нем строительного материала. Так, возникли пары: *завод* (у игрушки) и *завод* (машиностроительный), *добро* (имущество) и *добро* (противоположное злу), *бездна* (пропасть) и *бездна* (много), *потопить* (печку) и *потопить* (корабль), (заводская) *столовая* и *столовая* (ложка) и т. п.

2. В связи с пополнением словарного состава русского языка заимствованиями из других языков. Так возникли: *мат* (плетеная подстилка, из немецк. яз.), *мат* (шахматный термин, из арабск. яз.) и *мат* (тусклость, отсутствие блеска, из франц. яз.), *лава* (расплавленная масса, выброшенная вулканом, из итал. яз.), *лава* (пласт угля в забое) и *лава* (мосток, областное), *нота* (музыкальный знак, из ла-

тинск. яз.) и *нота* (дипломатическое обращение одного правительства к другому, из латинск. яз.), *скат* (откос, пологий спуск) и *скат* (хищная, морская рыба, из исландск. яз.), *тур* (часть какого-либо состязания, из франц. яз.) и *тур* (дикий бык), *хром* (мягкая тонкая кожа, из греч. яз.) и *хром* (от *хромой*), *тем* (род. пад. мн. числа от *тема*, из греч. яз.) и *тем* (твор. пад. ед. числа от *тот*) и т. д.

3. В связи со звуковыми процессами, с изменениями в фонетической системе русского языка. Так появились: *лук* — «огородное растение» и *лук* — «старинное оружие», первое из которых было первоначально со звуком *у*, а второе — с носовым звуком *о*; *лечу* (от *лечить*) и *лечу* (от *лететь*), первое из которых было первоначально со звуком *я*, а второе — со звуком *е*; *три* (3) и *три* (от *тереть*) из *три* и *тьри*, *роз* и *рос* и др.

Наиболее часто омонимы и омоформы возникают в результате первых двух причин, омофоны омоформного характера — в результате третьей.

Фактом лексической системы русского языка является лишь омонимия слов, причем слов одного и того же грамматического класса: только омонимы различаются между собой в первую очередь по семантике, а не по грамматическим свойствам и звучанию своих других форм, только они составляют в лексической системе соответствия чисто семантического характера (если они и имеют различные до некоторой степени грамматические свойства и словообразовательное строение, то это явление производное, возникшее позднее, на базе различного их значения).

С точки зрения своего морфологического строения омонимы делятся на омонимы корневые и омонимы производные. Первые в значительном количестве наблюдаются лишь в существительных (ср.: *клуб* (нашего завода) и *клуб* (дыма), (паркетный) *пол* и (мужской) *пол*, *роза* (болезнь) и *роза* (лицо) и т. п.). Вторые особенно характерны для глаголов и образованных от них существительных, но есть и среди прилагательных и отыменных существительных (ср.: *заплыть* (далеко) и *заплыть* (жиром), *отказать* (кому в чем) и *отказать* (кому что), *стянуть* (украсть) и *стянуть* (от *тянуть*), *основа* (в тканье) и *основа* (база, фундамент), *бумажник* (для хранения денег и бумаг) и *бумажник* (работник писчебумажной промышленности), *представительный* (образ правления) и *представительный* (мужчина) и т. д.

Омонимы, омоформы и омофоны (иногда также омографы и паронимы) — одно из наиболее часто употребляемых и сильных средств словесной игры, создания каламбуров и разнообразных художественных эффектов и т. д.

На омонимии в широком смысле, например, строится незаконченный рассказ М. Ю. Лермонтова «У графа В... был музыкальный вечер», в котором обыгрываются слова *Штосс* (фамилия титулярного советника), *штосс* (карточная игра) и *что-с*. Омонимы *нести* (быстро мчаться) и *нести* (класть яйца) использованы в басне К. Пруткина «Чиновник и курица»:

Он все бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник, окажи мне дружбу:
Скажи, куда *несешься* ты?» — «На службу!»
...Чиновник, курицу узревши эдак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак:
Несусь я, — точно так!
Но двигаюсь вперед; а ты — *несешься* сидя».

Эпиграмма на Маркевича, реакционного беллетриста и публициста (написавшего в декабре 1879 г. фельетон «С берегов Невы», бывший не чем иным, как политическим доносом на Тургенева), построена Д. Д. Минаевым на игре омонимами *доносить* (от *носить*) и *доносить* (быть доносчиком):

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не *донести*!» — вокруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет!*...»

На омонимах, омоформах и омофонах построены также многие каламбурные стихотворения Д. Д. Минаева. Ср. его шуточное стихотворение:

В полудневный зной на *Сене*
Я искал напрасно *сени*,
Вспомнив Волгу, где на *сене*
Лежа слушал песню *Сени*:
«Ах, вы, сени, мои *сени*...»

Из литературы об омонимах см.: Л. А. Булаховский, Из жизни омонимов, «Русская речь», вып. 3, 1928; В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1940, № 1; Е. М. Галкина-Федорук, К вопросу об омонимах и современном русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3; Н. Ю. Шведова, Изучение омонимов, «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 6, 1948; В. И. Абаев, О подаче омонимов в словаре, «Вопросы языкознания», 1957, № 3; Godel R. Homonymie et identité, Cahiers Ferdinand de Saussure, VII, 1948; В. Trnka, Bemerkungen zur Homonymie, Travaux du cercle linguistique de Prague, IV, 1931; Ю. Г. Скиба, К вопросу о т. н. антонимической омонимии в славянских языках, Наукові записки, Чернівецький держ. ун-т, т. 31, 1958.

СИНОНИМЫ

Явлению омонимии в языке противопоставляется явление синонимии. В языке существуют не только одинаковые по звучанию слова, представляющие собой названия для совершенно различных предметов действительности и отношений. В языке нередко наблюдается и обратное, когда один и тот же предмет, вещь, явление и т. д. можно назвать разными словами, когда для обозначения одного и того же явления, качества, действия и т. п. существует не одно, а несколько слов (ср.: «Больше б мог, да было к спеху, Тем, однако, дорожи, Что случалось, *врал* для смеху, Никогда не *лгал* для лжи» — Твардовский, Василий Теркин). Такие слова называются синонимами.

Синонимы — слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному — или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризую эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы (обозначая одно и то же), как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств. Они почти всегда отличаются друг от друга или 1) некоторыми оттенками в характерной для них семантике, т. е. лексическом значении, или 2) своей эмоционально-экспрессивной окраской, или 3) стилистической принадлежностью к определенному жанру речи, или 4) своей употребляемостью, или 5) способностью вступать в соединение с другими словами. Обычно различие между синонимами в таких случаях идет сразу по нескольким линиям. Ср.: 1) *красный* — *багровый*, *труд* — *работа*; 2) *спать* — *дряхнуть* —

почивать; лицо — лик — рожь — физиономия — физия — морда; 3) немного — малость, ибо — потому что, скучный — нудный, глаза — очи; 4) аэроплан — самолет, лозунг — призыв; 5) внезапная — неожиданная — скоропостижная, полный — толстый, пожилой — старый, разбить — расквасить и т. д.

Как исключение могут наблюдаться и такие синонимы, которые между собой не различаются в настоящее время совершенно. Эти синонимы называются или абсолютными синонимами, или лексическими дублетами. Их существование в языке ничем не оправдано и представляет собой явление переходное, временное.

Чаще всего такого рода «синонимы» существуют или как параллельные научные термины (ср. лингвистические термины: *орфография — правописание, номинативная — назывная, фрикативный — щелевой* и т. д.), или как однокорневые образования при помощи синонимических аффиксов (*лукавность — лукавство, убогость — убожество, сторожить — стеречь* и т. д.).

С течением времени эти абсолютные синонимы (или лексические дублеты), если они не исчезают, а остаются бытовать в языке, дифференцируются, расходятся или по семантике, или по стилистическим качествам, или по употреблению и т. д., превращаясь либо в синонимы в полном смысле этого слова (ср.: *голова — глава, верить — веровать*), либо в слова, в синонимических отношениях не находящиеся (ср. *любитель — любовник — влюбленный*).

Следует учитывать, что в целом ряде случаев в синонимах наблюдаются очень незначительные, едва уловимые различия, устанавливаемые лишь после тщательного их рассмотрения.

Богатая синонимика современного русского литературного языка — одно из ярких свидетельств его словарного богатства. Она дает возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, возможность разнообразить речь, делает язык более образным, действенным и выразительным.

Синонимия в языке — явление всегда глубоко национальное и создается в разных языках различными путями. Существующие в русском литературном языке синонимы появились в нем или в результате образования новых слов на базе существующего строительного материала, или в результате пополнения словаря русского литературного языка за счет лексики территориальных и профессиональ-

ных диалектов, а отчасти жаргонов, или в результате усвоения иноязычных слов из лексики других языков.

В силу полисемии многих слов русского языка у одного и того же слова может быть целый ряд синонимов, которые между собой в синонимических отношениях находиться не будут.

Например, синонимами к слову *тяжелый* в разных значениях будут слова *трудный* (тяжелая, трудная работа), *мрачный*, *безрадостный* (тяжелые, мрачные, безрадостные мысли), *суровый* (тяжелое, суровое наказание), *опасный* (тяжелая, опасная болезнь), *непонятный* (тяжелый, непонятный язык), *сварливый* (тяжелый, сварливый характер). Между собой в синонимических отношениях эти слова не находятся.

Разнообразие оттенков, свойственных синонимам, определяет особое внимание, которое должно быть проявлено при таком сложном и ответственном деле, каким является выбор нужного слова синонимического характера, особенно при письменном общении. Необходимо выбирать наиболее образные, емкие и уместные в данном контексте слова, точно и выразительно передающие высказываемую мысль, искать и находить «едиственно возможные слова» (Л. Н. Т о л с т о й) для выражения данного содержания.

Следует учитывать, что в художественно-выразительных целях синонимы могут использоваться иногда совершенно не так, как в общенародной речи.

Обозначая одно и то же явление действительности, под пером писателя они могут превращаться в ряде случаев по существу в контекстуальные антонимы (см. ниже). Именно это наблюдается, например, у Горького («Слобожане, встречая на улице гроб, останавливались и, крестясь, говорили друг другу:— Чай, Пелагея-то рада-радешенька, что помер он... Некоторые поправляли: — *Не помер, а издох*»), у Фадеева («А у Ули глаза были большие, темно-карие,— *не глаза, а очи...*»), у Чехова («*Он не ел, а вкушал*»), у Алигер («*Есть прямолинейность и прямота, Но это совсем не одно и то же*») и др.

Из литературы о синонимах в русском языке см.: В. Н. К л ю е в а, Синонимы в русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3; е е ж е, Краткий словарь синонимов русского языка, М., 1956; В. К. Ф а в о р и н, Синонимы в русском языке, Свердловск, 1953; Н. М. Г о м о н, Первый опыт русского словаря синонимов, «Русский язык в школе», 1955, № 3; Ю. Д. А п р е с я н, Проблема синонима, «Вопросы

языкознания», 1957, № 6; А. Б. Шапиро, Некоторые вопросы теории синонимов, 1955; «Доклады и сообщения ин-та языкознания», т. VIII, 1955; Н. М. Шанский, В. Н. Клюева, Краткий словарь синонимов русского языка, «Русский язык в школе», 1957, № 4; F i l i р е с J., Synonima v jednojazyčném slovníku, «Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; A. D a u n t, L'étude des synonymes, см. его книгу «Etudes de linguistique française», Paris, 1946.

АНТОНИМЫ

В лексической системе современного русского языка многие слова связаны между собой не только синонимическими отношениями, но и антонимическими. В этом случае слова объединяются друг с другом по противоположным значениям, которые для них характерны, в замкнутые пары (*хороший — плохой, правда — ложь, говорить — молчать* и т. д.). Именно этим объясняется тот факт, что, кроме омонимов и синонимов, в лексическом составе русского языка существуют также и антонимы. Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия.

Историческое развитие значений в слове приводит к появлению в нем противоположного значения довольно редко. Как правило, появление в слове такого значения сопровождается одновременной утратой старого. Так было, например, в словах *честить* (от *честь*), *навверное* (из *на верную*) и т. д., в которых возникновение значений «ругать», «навверно» повело соответственно к отмиранию в них значений «почитать», «навверняка».

Однако бывают случаи, когда в слове при развитии противоположной семантики сохраняется и старая. Тогда в лексике появляются слова, имеющие противоположные значения, но звучащие одинаково. Такие слова представляют собой уже не антонимы, а одну из разновидностей омонимов, возникших в результате расхождения значений одного и того же слова до полярных: *оставьте* (распоряжение в силе) и *оставьте* (этот разговор), *задуть* (свечу) и *задуть* (домну) и т. д.

Именно поэтому в определении антонимов необходимо внести обязательно указание на их различную огласовку.

Антонимы могут быть как разнокорневыми, так и однокорневыми.

В однокорневых антонимах их противоположные зна-

чения объясняются, естественно, не противопоставлением корней, которые у них одинаковы, а противопоставлением присоединяющихся к ним префиксов или префиксального и беспрефиксального образований (ср.: *подземный — надземный, вливать — выливать, спокойный — беспокойный, народный — антинародный, зачет — незачет, прибавить — отбавить, плохо — неплохо, открыть — закрыть* и т. п.).

В разнокорневых антонимах противоположные значения являются принадлежностью этих слов в целом (ср.: *черствый — свежий, зажечь — погасить, говорить — молчать, жизнь — смерть, ночь — день, свет — мрак, правда — ложь, твердый — мягкий, все — никто, юг — север,верху — внизу, вдоль — поперек, жар — холод, любовь — ненависть* и т. п. Как разнокорневые антонимы осознаются сейчас и слова *конец — начало*, являющиеся по происхождению однокорневыми ¹).

Не все слова могут иметь и, следовательно, имеют антонимичные (ср.: *коза, стол, пять, Петр* и т. п.): этой способностью обладают только такие слова, которые обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное или пространственное значения.

И, напротив, в ряде случаев у одного и того же слова может быть (обязательно, если слово является многозначным) несколько антонимов. Так, антонимами к слову *твердый* являются слова *мягкий* (твердый как камень — мягкий как воск), *жидкий* (твердое и жидкое состояние тела), *неуверенный* (твердым шагом — неуверенным шагом); антонимами к слову *свежий* будут слова *душный* (утро), *грязный* (воротник), *черствый* (хлеб), *соленый* (рыба), *шаблонный* (мысль) и т. д.

Антонимы — яркое и излюбленное средство для анти-тезных построений большой художественной выразительности, для создания оксюморонов, более наглядного противопоставления и сопоставления контрастных явлений. Именно поэтому так охотно и часто (и в то же время с таким мастерством) прибегали к антонимам в своей речевой практике наши великие художники слова.

¹ Ср. значение корня *кон* в словах *коновод* (главарь, зачинщик), *искони* (сначала). Расхождение в звучании корня *кен-кон* (ср. *нести — ноша, везти — воз* и др.) и изменение его в *кон-ча* (в слове *конец* *ец* этимологически суффикс, в слове *начало* *на* — приставка, а *л (о)* — суффикс) связано с дописьменными процессами возникновения носовых гласных и первой палатализацией заднеязычных,

Несколько примеров антитез.

Из стихотворений М. Ю. Лермонтова:

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки,—
Пусть *истину* скрывает *ложь*:
Что ж делать?— все мы человеки.

(«Жалобы турка», 1829)

Таит молодое чело
По воле — и *радость* и *горе*.
В глазах — как на небе *светло*,
В душе ее *темно*, как в море.

(«К портрету», 1840).

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись — и *разойдемся* вновь,
Была без *радости* любовь,
Разлука будет без *печали*.

(«Договор», 1841)

Из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: «—Княжна!
Постойте, ради бога,— вскрикнул он, стараясь остано-
вить ее. — Княжна! — Она оглянулась. Несколько секунд
они молча смотрели в глаза друг другу и *далекое, невозмож-
ное* вдруг стало *близким, возможным* и неизбежным» (т.4, VI).

Из стихотворений А. С. Пушкина:

Всегда так будет, как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых *много* — умных *мало*,
Знакомых *тьма* — а друга *нет*.

Ср. также оксюмороны (объединение логически проти-
воположных понятий) из стихотворений М. Ю. Лермонтова:

Как я хотел себя увéрить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

(«К себе»)

Будь *счастлива несчастием* моим
И услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым,—
Прости!.. вот все, что я желаю.

(«К*»)

Нередко используются антонимы и для заглавий: «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Толстый и тонкий» Чехова, «Дни и ночи» Симонова, «Земля и небо» Саянова и др.

Очень часты в силу отмеченной яркой выразительности антонимические пары в фразеологических оборотах, в том числе в поговорах и поговорочных выражениях: *черным по белому; ни дать ни взять; тонкий намек на толстое обстоятельство; ни то ни се; мягко стелет, да жестко спать; ученье — свет, неученье — тьма; и стар и млад* и т. д.

От омонимов, синонимов и антонимов языковых следует отличать контекстуальные омонимы, синонимы и антонимы, являющиеся индивидуально-стилистическим использованием того или иного слова, не закрепленным общепринятым употреблением. В качестве таких контекстуальных, или индивидуально-стилистических, антонимов можно привести слова *волна* и *камень, лед* и *пламень* в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

В общем употреблении эти слова в антонимических отношениях друг к другу не стоят.

Только у А. Блока слова *зеленые, синие* и *желтые* (вагоны) выступают соответственно как синонимы словам (вагоны) *третьего класса, второго класса* и *первого класса*. Эти слова могут служить примерами контекстуальных, или индивидуально-стилистических, синонимов:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали *желтые* и *синие*,
В *зеленых* плакали и пели.

Из литературы об антонимах см.: В. Н. К л ю е в а, Проблема антонимов, «Ученые записки 1-го Московского государственного пединститута иностранных языков», т. IX, М., 1956; А. А. К и р е е в, Об антонимах, «Русский язык в школе», 1954, № 3; В. Н. К о м и с с а р о в, Проблема определения антонима, «Вопросы языкознания», 1957, № 2; Л. Ю. М а к с и м о в, Антонимия как один из показателей качества прилагательных, «Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. Ленина», т. СХХХП, М., 1958; В. И. Ш е р ц л ь, Об энантиосемии, «Филологические записки», Воронеж, 1883,

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

а) ПОНЯТИЕ «ИСКОННО РУССКАЯ ЛЕКСИКА»

Как и современный русский язык в целом, словарный состав нашего языка в том виде, в каком он существует в настоящее время, представляет собой результат длительного развития. Среди слов, которыми пользуются сейчас говорящие на русском языке, наблюдаются самые различные по времени возникновения и по происхождению слова. Рядом со словами, бытующими в русском языке с дописьменной эпохи (*мать, радость, сила, озеро, шить, нести, старьй, белый, по, у, три* и т. д.), мы найдем в нем слова нового времени, совсем недавно или даже только что вошедшие в него (ср.: *атомоход* — не ранее 1957 г., *целинник* и *госхоз* — в 1954 г. и т. п.). Рядом с исконно русскими словами (*вода, говорить, смазчик, чтобы, мастерская* и др.) в нем есть слова, пришедшие к нам из других языков (*мастер* — из немецкого, *баста* — из итальянского, *тетрадь* — из греческого, *аквариум* — из латинского, *солидный* — из французского, *митинг* — из английского, *веер* — из немецкого и т. п.).

Сложное и многообразное явление, которое представляет собой лексика современного русского языка с точки зрения того, как долго слово бытует в языке и как оно появилось, объясняется тем, что лексика исчерпывающе полно отражает своим составом и характером поступательное движение русского народа вперед, его богатую и славную историю и величественное социалистическое настоящее.

Основным пластом словарного материала современного русского языка, как и русского языка на всем протяжении его развития, являются исконно русские слова. Они составляют подавляющее большинство слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют основную часть его богатства, определяющую самобытность русской речи,

ее глубоко национальное своеобразие. Это, таким образом, не только самая важная часть слов современной русской лексики в количественном отношении, но и слова, определяющие специфику нашего словарного состава, особенности его системы и путей развития и обогащения.

Исконно русские слова — это слова, представляющие исконную принадлежность лексики нашего языка, слова, не являющиеся в своем происхождении ему сторонними, а возникшие в нем самом или унаследованные им из более древнего языкового источника.

Исконно русскими словами, следовательно, являются не только слова собственно славянского происхождения или на их основе возникшие в разные периоды развития русского языка, но и слова, появившиеся в нашей речи на базе заимствованных основ и корней или целых слов. Было бы совершенно неверным, например, считать слова *ямщик*, *аэросани*, *газетный*, *форсить*, *штурмовщина*, *зацементировать*, *чайник* и т. п. словами не русскими, а заимствованными только потому, что в их составе есть иноязычные корни (*ям* — из тюркского языка, *аэр* — из греческого, *газета* — из итальянского, *форс* — из французского, *штурм* — из немецкого, *цемент* — из латинского, *чай* — из китайского и др.). Как слова определенного значения и словообразовательно-грамматической структуры, они — творение и факт нашей речи и в другом языке были бы заимствованиями из русского языка.

Среди исконно русской лексики, бытующей сейчас в нашем языке, следует различать, имея в виду время появления их в языке, несколько пластов: а) общеславянские слова, б) восточнославянские, или древнерусские, слова и в) собственно русские слова.

б) ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА

Среди исконно русских слов самым небольшим в количественном отношении, но самым древним и весьма важным пластом является лексика, унаследованная языком восточных славян из общеславянского языка, послужившего исходным языковым источником для всех славянских языков. Слова, полученные древнерусским языком из когда-то существовавшего общеславянского языка (распадение его относится к V—VI векам нашей эры), можно назвать **о б щ е с л а в я н с к и м и**. Такие слова, как правило, и в

настоящее время употребляются во всех современных славянских языках; исключения, когда на месте общеславянских слов наблюдаются другие, возникшие позднее или пришедшие извне, а общеславянские отсутствуют (ср., например, потерю украинским и белорусским языками, при сохранении русским языком, слов *роща*, *искать* и т. п.), относительно немногочисленны. Поэтому соответствующие слова обычно являются общеславянскими не только в том смысле, что они существовали уже в эпоху общеславянского языкового единства, но и в том, что, будучи получены из общеславянского языка, они имеют общеславянское бытование и сейчас.

Среди общеславянской лексики, существующей в современном русском языке, можно наметить два рода слов: 1) слова, представляющие собой в переоформленном виде слова из общеиндоевропейского языка, и 2) новообразования эпохи славянского языкового единства.

К общеиндоевропейскому словарному фонду (эти слова условно можно назвать **И Н Д О Е В Р О П Е Й З М А М И**) относится среди общеславянских слов ряд названий конкретных предметов, их качеств и действий, названия нескольких абстрактных понятий, некоторые числительные и служебные слова и т. д. Всех их объединяет очень длительное время существования и распространенность в самых различных языках индоевропейской семьи (в каждом языке, естественно, в своем, но очень близком и родственном другим языкам фонетическом облике и значении). Слово *небо* встречается не только во всех славянских языках, но и в целом ряде других: в греческом—*nephos* (туман, туча), в латинском — *nebula* (туман), в санскритском — *nabhas* (облако, небо), в немецком — *Nebel* (туман) и т. д. Таким же общим будет для индоевропейских языков и глагол *беру*¹: его мы находим и в славянских языках, и в греческом *phero* (несу), и в латинском — *fero* (несу), и в армянском — *berem* и т. д.

Вот некоторые примеры индоевропейского пласта общеславянских слов², являющихся бытовыми названиями, обозначениями животных, явлений природы, наименованиями частей человеческого тела, терминами родства, выражением абстрактных понятий и т. п.: *дом*, *мед*, *семья*, *огонь*, *ось*,

¹ Старое значение, которое этот глагол раньше имел, сохраняется в производных от него: старославянском слове *бремя* (из **bermen* — ноша) и русском диалектном *беремя* (вязанка дров).

² Даются в современном русском звучании и написании.

мех, зерно, дым, город (раньше — огороженное место); *брат, сестра, сын, дочь, зять, сноха*; *волк, гусь, олень*; *мох, роса, ночь, луна, снег, камень, зима, вода*; *нос, зуб, ухо, око, бровь, грива* (первоначально — *шея*, ср.: *загривок, ударить по загривку*); *шить, молоть, печь, драть*; *цена, честь, сон, слово; острый, первый, левый, который, нагой, новый*.

Значительно большую часть, чем унаследованные из общеиндоевропейского языка слова, представляют в общеславянской лексике с л а в я н с к и е н о в о о б р а з о в а н и я, возникшие уже в общеславянском языке (или на базе старого общеиндоевропейского корнеслова, или на базе, правда, немногочисленных заимствований).

Таким общеславянским, но не общеиндоевропейским словом в современном русском языке является слово *отец*, которое представляет славянское новообразование с суффиксом *-ькъ* > *-ць* (современное *-ец*) от общеиндоевропейского корня уменьшительно-ласкательного значения *от-* (ср. греческое *αττα*, латинское *atta* (папа) и т. д.). Старое общеиндоевропейское название отца (ср. латинское *pater* и немецкое *Vater* и др.) славянами было утрачено.

Таким же славянским новообразованием эпохи языковой общности славян, но возникшим уже на основе заимствования, будет, например, такое слово, как *купец* (на базе корня, заимствованного из германских языков, где оно — из латинского; ср. немецк. *kaufen*).

Количество слов, унаследованных русским языком из общеславянского языка и употребляющихся русскими сейчас, не является большим, если его сравнивать с общим словарным запасом. В самом деле, в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, отражающем лишь наиболее употребительную часть современного русского словесного материала, указывается свыше 85 тысяч слов. Слов же, идущих из общеславянского языка (многие из которых бытуют в настоящее время уже с другими значениями), в нашей лексике сейчас не более двух тысяч. Однако до сих пор эти слова являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $\frac{1}{4}$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существеннейшей его частью.

Приведем (особо не разграничивая индоевропеизмы и славянские новообразования; см. выше) некоторые приме-

ры общеславянских слов, употребляющихся в лексике нашего языка. Слова будут даваться в том звуковом виде, в каком они существуют в русском языке сейчас.

Наиболее богатой (как по количеству, так и по семантическому многообразию) среди общеславянских слов является группа, представляющая имена существительные. Из них особо необходимо отметить следующие:

1. Наименования частей человеческого тела и тела животных: *борода, бок, брюхо, бровь, бедро, волос, голова, губа, грива, горб, горло, горсть, зуб, коса, лапа, ладонь* (из *долонь*, которое в свою очередь из **dolnъ*; ср.: *дол, долина*), *лицо, лоб, нос, нога, ноготь, око, палец, перст, плечо, рог, рука, ребро, сердце, темя, тело, ус, уста, утроба, чело* и др.

2. Термины родства: *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, дед, зять, сноха, свекровь, деверь, тесть, отчим, мачеха* и т. п.

3. Названия того или иного отрезка времени: *день, ночь, вечер, утро, сутки, полдень, полночь, осень, лето, весна, зима, месяц, год, час, век* и др.

4. Слова, обозначающие полезные ископаемые: *серебро, золото, железо, медь, олово, соль, глина, песок* и т. п.

5. Слова, обозначающие явления природы (погода, различные атмосферные явления, небесные светила, характер местности, водоемы и т. д.): *буря, берег, болото, брод, ветер, вода, вихрь, гора, гром, град, гроза, долина, дождь, жара, земля, звезда, зной, ил, камень, лед, лес, луг, море, мороз, мгла, небо, озеро, поток, поле, ручей, река, роса, суша, солнце, снег, туча, тьма, тина, тепло, холод, яма* и т. д.

6. Названия, относящиеся к растительному миру: *бук, боб, береза, верба, вяз, горох, граб, гриб, дыня, дуб, ель, желудь, ива, клен, корень, липа, лист, лоза, лопух, лебеда, морковь, ольха, орех, осина, плющ, слива, сосна, тыква, трава, терн, тис, тополь, цвет, хмель, явор, ясень, яблоня* и т. д.

7. Слова, обозначающие домашних животных: *бык, вол, корова, коза, конь, кот, овца, пес, свинья* и некоторые другие.

8. Названия, относящиеся к животному миру: *волк, ворона, гусь, голубь, дятел, еж, ерш, жаба, заяц, зверь, змея, иволга, комар, лисица, лец, лань, лень, лебедь, лось, муха, мышь, медведь, овод, оса, орел, осетр, олень, окунь, пчела, рысь, рыба, сова, сорока, тур, уж, угорь, хорь, щука, ястреб* и др.

9. Названия орудий и предметов труда: *весло, ведро, веретено, волокно, вилы, грабли, долото, жито, зерно, игла, кол, лен, лыко, лук, лом, масло, мука, нож, нить, пшено, невод, плот, полотно, сало, соха, сито, сметана, солома, седло, серп, тесто, цепь, шило* и др.

10. Наименования лиц: *гость, гончар, друг, жнец, отрок, пастух, пряха, сосед, слуга, староста, сторож, холоп* и др.

11. Ряд слов, представляющих собой выражение абстрактных понятий: *вера, воля, вина, гнев, грех* (первоначально — ошибка, ср.: с *грехом* пополам), *дух, жалость, зло, кара, месть, милость, мысль, правда, радость, сила, страх, счастье, смерть, старость, стыд, слава, свобода, труд, тревога, цена, честь, ярость* и др.

Значительную группу слов общеславянского происхождения образуют и глаголы, среди которых мы находим как наименования жизненно необходимых действий и состояний, так и обозначения, представляющие производственные и общественно-политические термины. Ср.: *лечь, сидеть, спать, вянуть, мыть, дать, клевать, спеть, уметь, плевать, дышать, видеть, есть, брать, идти, звать, плакать, слышать, сосать, дуть, расти, бить, печь, врать* (первоначально *говорить*: ср.: «*Полно врать* пустяки...» — А. С. Пушкин, Капитанская дочка), *бояться, кричать, стоять, гореть, хотеть, стынуть, ползти, пить, петь, жить, гнить, быть* и др., а также *шить, ковать, сеять, ткать, толочь, веять, молотить, пасти, прясть, учить, писать, читать, рубить, воевать, мстить* и др.

Не менее важную часть слов, унаследованных из общеславянского языка, в современном русском языке составляют и имена прилагательные. Среди них мы находим обозначения духовных качеств людей (*мудрый, хитрый, добрый, суровый, лютый, злой, глупый, грубый, гордый*), наименования физических качеств человека и животных (*голый, лысый, молодой, старый, косой, глухой, слепой, полный, быстрый* и др.), слова, обозначающие цвет (*белый, желтый, синий, русый, черный, седой, бледный* и т. п.), слова, обозначающие свойства и качества вещей (*правый, левый, большой, глубокий, короткий, узкий, кислый, ровный, мокрый, острый, теплый, легкий, мягкий, тонкий, густой, частый* и т. п.), и др.

К общеславянской лексике относятся в русском языке также и некоторые числительные (*один, два, три, семь, десять, сто* и др.), многие местоимения (*я, мы, ты, вы, он,*

кто, что, сам, весь, мой, наши и др.), отдельные наречия, как правило, местоименные и отприлагательные (*там, тогда, где, вон, как, едва, мимо, скоро, мало, высоко, горько, внутрь, вчера* и т. п.), большинство непроизводных предлогов и союзом (*над, к, при, от, в, у, за, с, без, до, об; и, а, ли, да, ноя* т. д.).

Если говорить о морфологическом строении общеславянских слов, бытующих в современном русском языке, то все они являются словами с простой словообразовательной структурой и в своем подавляющем большинстве сейчас являются словами корневыми, с непроизводной основой.

По своему стилистическому характеру это слова общеупотребительные, межстилевые, необходимая принадлежность как устного словаря, так и лексики книжной, письменной речи.

По своему месту в словарном составе нашего языка это — ядро, важнейшая и древнейшая часть его общенародной лексики.

В большинстве все эти слова и сейчас обозначают то же самое, что и в древности, имея как в русском, так и в других славянских языках одинаковое прямое, номинативное, значение. В отдельных словах, однако, можно встретить в разных славянских языках и иную семантику, не совпадающую с общеславянской или с русской. Например, слова *муж* и *жена* в русском языке не сохраняют старых значений «мужчина» и «женщина» (ср. семантику корней *муж-*, *жен-* в производных *мужской* и *женский*); слово *лето* в ед. числе уже не употребляется (ср. *летопись* — запись по годам) в значении «год»; слова *лоно* и *труп* (сейчас не включающиеся в число названий частей человеческого тела) уже не имеют в русском языке сохраняющихся в ряде других славянских языков значений «грудь» и «туловище»; только в русском языке слово *палец* обозначает любой палец (в других языках — в этом значении употребляется слово *перст*, а слово *палец* обозначает лишь большой палец); только в русском для обозначения органа зрения употребляется слово *глаз*, в то время как общеславянское слово *око* является архаизмом, и т. д.

в) ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА

Значительно большим по количеству и семантико-словообразовательному разнообразию, нежели разобранная выше общеславянская лексика, является тот пласт слов русского языка, возникновение которого в нем связано уже с суще-

ствованием диалектов древних восточных славян, древнерусского языка (VI—XV вв.). Это так называемая восточнославянская лексика, т. е. слова, которые сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Эти слова, как правило, не встречаются в лексике других (южных и западных) славянских языков, хотя в своем большинстве и возникли на базе общеславянского строительного материала. Неизмеримо меньше общевосточнославянских слов появилось на базе заимствованных и усвоенных в это время слов из других языков (греческого, тюркских, германских).

Древнерусские (но не общеславянские) по происхождению и времени возникновения слова в своей массе связаны с развитием на Руси новых (уже не патриархально-родовых, а феодальных) общественных отношений, с дальнейшим прогрессом культуры, науки, искусства и т. д., с все более глубоким познанием человеком окружающей его объективной действительности.

Этих слов в современной русской лексике очень много, но ученые занимались ими пока весьма недостаточно.

Древнерусский слой словарного состава нашего языка как система не только не изучен с семантико-словообразовательной, этимологической, стилистической и других точек зрения, но и не описан (хотя бы предварительно) в сравнении с общеславянским и собственно русским пластами. Именно этим объясняется тот факт, что в учебных пособиях мы встречаем обычно всего несколько одних и тех же слов, которые приводятся в качестве примеров слов восточнославянского происхождения (например, в книге проф. П. Я. Черных «Историческая грамматика русского языка» в соответствующем разделе указаны лишь слова *семья, хороший, ковш, собака, сорок* и *девяносто*; см. изд. I, 1952, стр. 33).

Никакого систематизированного перечня основных лексико-словообразовательных групп исконно русских слов, возникших в эпоху языкового единства восточных славян, привести пока что нельзя. Поэтому ограничимся лишь указанием некоторых отдельных примеров, по возможности самых разнообразных по принадлежности к определенному грамматическому классу, значению и словообразовательной структуре.

К общевосточнославянским (но не общеславянским)

словам, например, можно отнести такие слова, как *совсем* (ср. польское *zupełnie*), *галка* (ср. польское *kawka*), *тут* (ср. польское *tu, tutaj*), *снегопад* (ср. болгарское *снеговалеж*), *говорун* (ср. чешское *mluvka*), *снегирь* (ср. сербское *зимовка*), *пузырь* (ср. чешское *měchuř*), *ледяной* (ср. польское *lodowy*), а также *горячиться*, *шарик*, *после*, *пустышка*, *горошина*, *поясок*, *горбоносый*, *добреть* и т. д.

Не следует думать, что разбираемые нами слова, возникшие в древнерусском языке, можно определить на основе фонетических примет, вроде полногласия, *ж*, *ч* на месте старых *dj*, *tj*, начального *o* из более древнего *je* и т. д. Подобные фонетические факты говорят лишь о том, что эти слова оформлены целиком или в своей части по законам восточнославянской фонетики, но отнюдь не о их происхождении в период VI—XV вв. и распространенности во всех восточнославянских языках. Эти слова могут быть как более раннего происхождения (т. е. общеславянской еще эпохи), так и более позднего (т. е. эпохи раздельного, самостоятельного существования трех восточнославянских языков). Такие, например, слова, как *здоровый*, *берег*, *дерево*, *порох*, *холод*, *сторож*, *золото*, *межа*, *свеча*, *один*, *озеро* и т. п., являющиеся с современной точки зрения корневыми, представляют собой по происхождению общеславянские слова. Восточнославянским в них является лишь их звуковая оболочка и в ряде случаев значение, но не время их появления. Такие, например, слова, как *одеревеневший*, *дороговизна*, *краснодеревщик*, *одиночество* и т. п., представляют собой по времени своего возникновения уже собственно русские слова, которым в украинском и белорусском соответствуют другие: укр. *задерев'янілий*, *червонодеревець*, *самотність* или *самота*; белорус. *адзеравянелы*, *чырвонадрэўшчык*, *адзінота*; укр. *дорожнеча* и белорус. *дарагоўля* и др.

Более того, эти фонетические приметы не всегда будут даже принадлежностью исконно русских слов: они могут встречаться и в переоформленных иноязычных словах (ср., например, полногласие в словах *король*, *шелом*, *ч* из *tj* в слове *чужой*, заимствованных из германских языков, и т. д.).

Не является в то же время свидетельством обязательно общеславянского происхождения один факт наличия того или иного слова в разных славянских языках: они могли (на базе общего корневого и аффиксного материала) появиться в них и совершенно самостоятельно. Определенно о

самостоятельном их возникновении в русском и каком-либо другом славянском языке говорят абсолютно различные значения, не допускающие сближений.

Например: сербское слово *зимовка* (снегирь) и русское слово *зимовка*; русское слово *застава* и чешское слово *zástava* (заклад, залог) совершенно друг с другом не связаны и возникли в них самостоятельно, независимо друг от друга на базе одинакового корневого и аффиксного материала уже в эпоху отдельного существования трех групп славянских языков.

Естественно, что возникшие в древнерусскую эпоху слова впоследствии могли иметь и имели подчас различную судьбу в русском языке, с одной стороны, и украинском и белорусском языках — с другой. Они могли приобретать в них различные значения (скажем, сохраняя старое значение в украинском и белорусском, получать новое в русском языке), могли частично утрачиваться, заменяясь другими, не говоря уже о претерпеваемых ими изменениях в огласовке.

г) СОБСТВЕННО РУССКИЕ СЛОВА

Наиболее многочисленный и разнообразный в структурно-стилистическом отношении и по грамматическим свойствам пласт исконно русской лексики представляют слова, возникшие уже в эпоху отдельного существования русского, украинского и белорусского языков, т. е. слова собственно русские.

Собственно русскими словами являются такие, которые возникли в своем подавляющем большинстве в период с XV в. по настоящее время. Эти слова представляют собой уже специфическую принадлежность русской речи, и их существование в других языках является, несомненно, фактом заимствования из нашего языка.

Подавляющее большинство собственно русских слов, как и слов общеславянских и восточнославянских (древнерусских), возникло на базе своего исконного материала. Однако немало их образовалось и на основе заимствованных, иноязычных слов. Пласт такого рода лексики (исконно русской по происхождению, но содержащей в себе в том или ином виде иноязычные факты) среди собственно русских слов является несравненно большим и заметным, нежели среди слов, возникших в общеславянскую или древнерусскую

эпоху. Он образует в собственно русской лексике особый слой, занимающий своеобразное место среди чисто русских слов и заимствований, слой, соотносящийся (правда, по-разному) как с теми, так и с другими. Сюда можно отнести, например, такие слова, как *денежный, шнурок, прошляпить, журнальный, негритянский, помадка, кокетничать, стартовать, вельветовый, трамвайщик, кассирша, капризуля* и т. п.

Все эти слова содержат иноязычные корни, но все же это не заимствования, а особая часть собственно русской лексики, появляющаяся в результате процессов словообразования русского языка.

В отношении словообразовательной структуры собственно русские слова почти все в своем возникновении являются производными. Исключения представляют отдельные, весьма немногочисленные имена существительные, возникшие при помощи безаффиксного способа словообразования (типа *удаль*). По своему значению собственно русские слова в своей основной части являются формой выражения новых понятий, связанных с появлением новых предметов и явлений объективной действительности, с развитием науки, техники и литературы. Значительно меньшую часть составляют собственно русские слова, являющиеся названиями того, что ранее уже было обозначено другими словами.

Несмотря на то, что собственно русские слова с исторической точки зрения (прежде всего — их семантика и словообразование) изучены значительно больше, нежели общие всем восточнославянским языкам (древнерусские) слова, систематический перечень составляющих их семантико-словообразовательных групп также дать пока что затруднительно.

Ограничимся поэтому вполне установленными фактами из словообразования и отдельными примерами.

К собственно русским словам определенно можно отнести: почти все имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-щик (-чик), -овщик, -льщик, -ятина* (от имени прилагательного), *-лка, -овка* (со значением предмета), *-тельство, -ка* (от прилагательных), *-ность, -есть, -щина* (с отрицательным оттенком) и некоторых других (ср.: *каменищик, наборщик, уборщица, гробовщик, чистильщик, дохлятина, зажигалка, раздевалка, листовка, вмешательство, надругательство, зенитка, вечерка, будущность, общность, испаряемость, сгораемость, казенщина* и т. п.); многие имена существительные, образованные от глаголов

безаффиксным способом образования без перегласовки гласной корня (*присед, разбег, зажим* и т. п.); все сложносокращенные существительные (*кожимит, главк, вуз, зарплата* и т. п.); почти все имена существительные на *-тель* со значением действующего предмета (*огнетушитель, взрыватель, учитель* и др.); подавляющее большинство существительных на *-ость* от прилагательных с иноязычными корнями (*партийность, революционность, грандиозность* и т. п.); почти все, если не все целиком, существительные, образованные при помощи суффикса *-ость* от имен прилагательных на *-тельный* (*внимательность, действительность* и т. д.); почти все имена существительные, образованные сложением с одной из иноязычных основ (*миноносец, славянофил, литературоведение, теплотехник, электросварщик, радиоузел* и т. п.); все сложные имена существительные, образованные из двух синтаксически равноправных существительных (*овцебык, светотень* и др.); почти все имена прилагательные с суффиксами *-чатый, -чивый* (*бревенчатый, обидчивый, разговорчивый* и т. д.); немногочисленные прилагательные, образованные с помощью иноязычных приставок от русских прилагательных (*антинародный, архиглупый* и др.); подавляющее большинство бытующих в современной лексике сложных прилагательных (*дикорастущий, светлокрасный, темно-розовый, русско-польский, работоспособный, хлеботоргующий, учебно-воспитательный* и т. д.); глаголы, образованные от глаголов суффиксально-префиксальным способом, при помощи одновременного присоединения префикса и агглютинативного суффикса *-ся* (*разбежаться, разозпаться, вжиться* и т. п.); многие отыменные глаголы суффиксального образования (типа *сапожничать, халтурить*) и суффиксально-префиксального образования (типа *обезлюдеть, разбазарить*); наречия, образованные от прилагательных на *-ский* суффиксально-префиксальным способом — • при помощи приставки *по-* и суффикса *-и* (*по-мальчишески, по-приятельски, по-дружески* и т. д.); наречия типа *по-весеннему, по-серьезному, по-деловому* и т. п.; наречия от причастий, образованные при помощи суффикса *-е* (*торжествующе, угрожающе* и т. д.); подавляющее большинство производных предлогов и союзов (например, *вследствие, на счет, вроде, наподобие, благодаря, вслед; пока, чтобы, ежели, так как*) и т. п.

Число примеров можно было бы увеличить, однако и указанного вполне достаточно для того, чтобы понять,

насколько разнообразна и многочисленна собственно русская лексика в современном русском словарном составе. Можно заметить, что среди указанных семантико-словообразовательных типов имеются как приобретения недавнего времени (к таким, например, можно отнести сложносокращенные слова, появляющиеся в русской лексике с конца XIX в., имена существительные на *-ость* от иноязычных основ, в подавляющей своей массе возникающие с 30-х годов XIX в.), так и факты, связанные в своем появлении с начальной стадией развития русского языка как языка русской народности (слова с суффиксом *-чик, -щик* (XIV в.), глаголы суффиксально-префиксального образования типа *съехаться* (XVI в.) и т. п.).

Следует иметь, кроме того, в виду и то, что огромное количество собственно русских слов структурно совершенно не отличается от ранее возникших общеславянских или восточнославянских (древнерусских) слов.

В качестве таких можно привести следующее: *сообразать* (ср. укр. *розуміти*, белорус. *разумець*), *бросить* (ср. укр. *кинути*, белорус. *кінуць*), *малец* (ср. укр. *хлопчак*, белорус. *хлалец*), *обнажать* (ср. укр. *оголяти*, белорус. *агаляць*), *отразить* и производные от него слова (ср. белорус. *адбіць*, укр. *відбити*), *здешний* (ср. белорус. *тутэйшы*, укр. *тутешній*), *вдруг* (ср. укр. *враз*, белорус. *разам*), *глазастый* (ср. укр. *окатий*, белорус. *лупаты*, *зіркасты*), *добавочный* (ср. белорус. *дадатковы*, укр. *додатковий*), *очень* (ср. укр. *дуже*, белорус. *вельмі*), *темнокожий* (ср. белорус. *цёмнаскуры*, укр. *темношкірий*), *краюха* (ср. укр. *окраець*, белорус. *акраец*), *грустный* (ср. укр. *сумний*, белорус. *сумны*), *печатник* (ср. укр. *друкар*, белорус. *друкар*), *сочинить* и производные от него слова (ср. укр. *складати*, белорус. *скласці*), *поцелуй* (ср. белорус. *пацалунак*, укр. *поцілунок*), *годовалый* (ср. белорус. *аднагадовы*, укр. *однолітній*), *гражданский* (ср. белорус. *грамадзянскі*, укр. *громадянський*) и т. п.

Давая выше обзор различных пластов в исконно русской лексике и соответственно приводя конкретные примеры общеславянских, древнерусских и собственно русских по происхождению слов, мы касались не всех фактов: именно не затрагивали явлений семантического характера, тех новых значений, которые позже появлялись у возникшего в ту или иную эпоху исконно русского слова. Необходимо иметь в виду, что то или иное исконно русское слово совре-

менной русской лексики, представляющее по времени своего появления общеславянское или древнерусское, может не быть общеславянским или древнерусским по своей современной семантике.

Являясь по возникновению фактом еще общеславянским, слово с современным или современными значениями может представлять собой тем не менее факт более поздний, лишь древнерусский или даже собственно русский. Слово, возникшее в древнерусскую эпоху, по своей современной семантике, несмотря на что, может являться специфическим фактом русского языка, т. е. собственно русским словом.

Если взять, например, слово *красный*, то по времени появления оно общеславянское. Как значимая языковая единица оно было известно уже в общеславянском языке. Но имело оно там, как это наблюдается и сейчас в некоторых славянских языках, значение-«хороший, красивый» (ср. укр. *красный*). В русском языке это значение сохраняется с соответствующим корнем лишь в составе производных слов (ср. *красноречие, прекрасный* и т. д.) и единичных фразеологических оборотов (ср. *красная девица; на миру и смерть красна; долг платежом красен*). Слово же *красный* служит в современном русском литературном языке для обозначения цвета, который называется в других языках обычно по-старому, словами, образованными от основы *черв-* (ср. белорус. *чырвоны*, укр. *червоний*, польск. *czerwony*, болг. *червен* и т. д.).

В этом современном значении (как синоним слов *алый, багряный* и т. д.) слово *красный* является фактом не общеславянским, а собственно русским, возникшим в русском языке в эпоху раздельного существования трех восточнославянских языков. Естественно, что и все слова, образованные от этого слова в данном значении (*покраснеть, краснота, краснотал, раскраснеться* и т. п.), будут являться собственно русскими образованиями.

То же самое можно сказать и о слове *вешать*, которое, вообще являясь общеславянским в значении «делать висящим» (ср. *вешать* пальто на гвоздь), представляет собой в то же самое время в значении «определять вес» собственно русское слово. Для обозначения последнего действия («определять вес») во вседрусских славянских языках употребляются производные от слова *вага* (ср. укр. *важити*, белорус. *важыць*, болг. *важа*, польск. *ważyć* и др.; ср. русские *важный, отвага* и т. п.).

Слово *обыденный* (или *обыдѣнный*) по возникновению (от *объ инъ днь*) представляет собой общевосточнославянское слово, оно возникло в древнерусскую эпоху, до XV в. Но тогда оно имело, как имеет и сейчас в украинском языке (ср. также белорус. *абыдзень* — в один день), значение «однодневный». С тем значением, которое для него характерно сейчас в литературном русском языке (повседневный, обыкновенный, заурядный), оно — слово собственно русского происхождения, является фактом, возникшим уже в эпоху раздельного существования трех языков восточных славян.

Такого рода фактов очень много. Все они объясняются различной судьбой одного и того же по происхождению слова в процессе длительного употребления в различных языках, процессами семантического переосмысления, которые могут происходить даже в самых близкородственных языках иногда весьма своеобразно. Поэтому при отнесении какого-либо слова к тому или иному пласту исконно русской лексики следует всегда учитывать и семантические факты.

д) ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Помимо слов исконно русского происхождения, в лексике современного русского литературного языка немало и элементов заимствованных, пришедших в русский язык из других языков.

Нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни один народ, носитель и творец того или иного языка, не живет совершенно изолированной, обособленной жизнью.

Общественный характер человеческой речи, исторические факты, определяющие развитие общества, неизбежно влекут за собой явление заимствования одним языком элементов другого, влияние одного языка на другой. Наиболее ярко проявляются эти процессы в словарном составе.

В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и тому подобных связей русского народа с другими народами в русский язык проникало и укреплялось в его системе довольно значительное количество чужезычных элементов лексики.

Этот процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов не был явлением отрицательным: напротив, он обогащал наш родной язык, делал его еще бо-

лее емким, выразительным и развитым. Естественно, что все взятое извне перерабатывалось в русском языке, подчиняясь законам русской фонетики и грамматики, правилам русского словопроизводства и семантической системы.

е) СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Среди лексических заимствований в русском языке как значительный пласт слов из близкородственного языка особое место занимают старославянизмы, слова из старославянского языка¹. Причины появления и укрепления в русской лексике слов старославянского происхождения объясняются историей русского литературного языка, влиянием на него после появления на Руси христианства старославянского языка, тем, что этот язык в течение очень долгого времени имел определяющее значение для целого ряда разновидностей письменного языка древней Руси.

Входя в русский язык, старославянские слова, как всякие заимствованные словарные единицы, подвергались переформлению в соответствии с внутренними законами его развития: изменялись (если они имели в своем составе звуки, не характерные для русской фонетической системы) со стороны звучания, приобретали новые значения и стилистические качества и т. д. Например, старославянские слова *мошьть*, *пещтера*, *овошьть* и т. п., включающие слитный мягкий звук *turn*, начинали произноситься как *мощь*, *пещера*, *овощи*: не свойственный русской произносительной системе звук заменялся наиболее близким по акустическим свойствам русским звуком [*u'*].

Такое переформление старославянских слов являлось очень важным фактом, так как оно включало чужое слово, пусть и из близкородственного языка, в лексику русского языка на правах одного из его компонентов. В результате этого некоторые старославянизмы прочно укреплялись в словаре русского языка (например, *враг*, *время*, *страна*, *работа*, *мощь*, *между*, *польза* и др.), иногда даже вытесняя соответствующие исконно русские слова.

Во всяком случае немало таких фактов, когда старославянские слова так прочно входят в русский язык, что

¹ Помимо слов, в русский язык из старославянского пришло и некоторое количество фразеологических выражений, словообразовательных элементов, грамматических форм и синтаксических оборотов.

их неисконный характер в нем вскрывается с трудом и для рядового носителя современного русского литературного языка совершенно не заметен.

Среди слов, заимствованных русским языком из старославянского, следует различать три группы.

Первую группу составляют старославянские слова того же корня, словообразовательной структуры и первоначально прямого, номинативного, значения, что и соответствующие исконно русские. Это по существу старославянские варианты (в основном чисто фонетического характера) слов, бывших еще в общеславянском языке, которые унаследованы и древнерусским языком, но уже в восточнославянской огласовке. Сюда относятся: *брег* (ср. *берег*), *глад* (ср. *голод*), *раб* (ср. древнерусск. *роб*, в качестве корня сохраняющееся в диалектном *робенок*, в литературном *ребенок*), *рождать* (ср. *рожать*), *нощь* (ср. *ночь*) и т. д.

Вторую группу образуют старославянские слова, представляющие собой уже специфические новообразования старославянского языка. Их не было в общеславянском языке; среди них немало лексических единиц, созданных для передачи соответствующих греческих слов. Если старославянские слова этой группы и имеют исконно русские синонимы, то они являются или вообще словами с иной непроизводной основой, или (при одном корне) словами с иной словообразовательной структурой. В качестве примеров можно назвать: *лани́та* — *щека*, *исти́на* — *правда*, *агне́ц* — *ягненок*, *изли́ть* — *вылить*; словообразовательные кальки с греческих слов: *бездна*, *совесть*, *мудрость*, *чистота*, *животворный*, *благодарить*, *маслина*, *бесстрашие* и т. п.

К третьей группе относятся семантические старославянизмы, т. е. общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этим значением вошедшие в древнерусский язык. В этом случае исконно русские слова общеславянского происхождения как бы сливались с семантически отличными старославянскими, получая новое значение.

Так, семантическими старославянизмами по происхождению будут являться в русском языке слова *бог*, *грех*, *блуд*, *господь* и т. п. в их современных значениях (ср. старые значения этих слов, выступающих в качестве основной части производных — *богатый*, *огрех*, *заблудиться*, *господствовать*, *господин* и др.). Следовательно, в данном случае старославянским по происхождению будет лишь то или иное

Значение, слово же по времени своего возникновения будет общеславянским.

О старославянском происхождении довольно значительной части лексических старославянизмов можно заключить, только хорошо зная историю их бытования в русском языке, старославянский и древнерусский словарные составы, древние письменные памятники и т. д.

Однако целый ряд старославянизмов выделяется среди слов и элементов другого происхождения по определенным, характеризующим их приметам. Эти приметы могут быть фонетическими, словообразовательными и семантическими.

О старославянском происхождении корневых слов, значимых частей слов (корней, суффиксов, приставок), а в ряде случаев и целых производных слов говорят прежде всего следующие фонетические особенности старославянского языка (в отличие от фонетических особенностей русского):

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *оро, оло, ере*: *нрав, врата, жребий, злато, смрад, здоровый, краткий, мрак, пленить, храм, трезвый, пламя, власы, сладкий, храбрый, хранить, драгой, прах, среда* и т. п.;

2) сочетание *ра, ла* перед согласными в начале слов в соответствии с русскими начальными сочетаниями *ро, ло* в определенных фонетических условиях (из *ort, *olt): *раб, разум, равный, разный, ладья* и т. д.;

3) сочетание *жд* на месте русского *ж* (из *dj): *вождь, между, одежда, прежде, рождение, нужда, жажда, вежды* и др.;

4) *щ* (как замена старославянского *шт*) в соответствии с русским *ч* (из *tj), *щ* в этом случае чередуется с *т(щ, чередующееся с ск и ст*, наблюдается и в исконно русских словах): *мощь, пещера, освящать, общий, овощи, поглощать, суший, вещество* и т. п.;

5) начальное *е* вместо русского *о*: *есень* (ср. *Есенин*), *елень, езеро* (ср. *Езерский*), *единый, единица* и пр.;

6) начальное *ю* вместо русского *у*: *юноша, юг* (ср. производное от исконно русского *у г — ужин*, первоначально оно обозначало «полдник»), *юдоль, юридивый* (ср. *урод*) и немногие другие;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *агнец, аз* (ср. древнерусское *язь*, современное *я*);

8) твердое *з* (из *г*) на месте русского *з* мягкого: *польза* (ср. *нельзя, осязать*).

В ряде учебных пособий указывается, что старославянскими словами являются также слова, в которых звук *с* под ударением и перед твердыми согласными не изменяется в *о* (*перст, небо, крест, жертва, скверна, мерзкий* и т. п.). Это неверно. Звук *е* под ударением и перед твердыми согласными произносился как *е*, а не как *о* с предшествующей мягкостью согласного не только в старославянском, но и (до перехода *е* > *о*) в древнерусском языке, произносится как *е* в этом положении и сейчас в некоторых диалектах. Поэтому произношение *е* как *е* в указанной фонетической позиции не может быть приметой старославянского происхождения слов, оно является свидетельством лишь особой — книжно-литературной, церковнославянской — огласовки того или иного слова. Среди названных выше слов, в которых *е* не переходит в *о*, имеются действительно старославянизмы, но о том, что они старославянизмы, говорит не произношение в этих словах звука *е* без изменения в *о*, а их история, значение и стилистические качества.

Кроме фонетических признаков слов старославянского происхождения, могут быть и словообразовательные приметы (иначе их иногда называют морфологическими). Сюда относятся некоторые суффиксы, приставки и некоторые модели образования сложных слов.

На старославянское происхождение отдельных, но отнюдь не всех слов такого рода указывают:

а) суффиксы *-ствие* (*действие, бедствие*), *-чий* (*кормчий, ловчий*), *-Знь* (*жизнь, боязнь*), *-ыня* в отвлеченных существительных (*гордыня, святыня*), *-тва* (*молитва, битва*), *-уц-*, *-юц-*, *-ац-*, *-яц-* (*горящий, несущий*), *-есн-* (*древесный, чудесный*);

б) префикс *из-*, если он равнозначен префиксу *вы-* (*испить, изыди, изгнать*) и *низ-* (*ниспадать, низвергать*);

в) первые части сложений в виде *зло, добро, благо, бого, сие* (из которых многие — кальки с греческих слов): *злословить, добродетель, благословение, благородный, богоборец, богослов, суеверие* и т. п.

Наконец, в ряде случаев о старославянском происхождении того или иного слова может говорить и его семантика, его смысловое значение (выражение им религиозного понятия, обозначение им предмета церковного обихода и т. п.).

Именно по этому — семантическому — признаку, так как фонетические и словообразовательные приметы в них отсутствуют, к старославянизмам можно отнести такие

слова, как *суета, соблазнить, воскресение, таинство, образ, креститель, святой, страсть* (страдание; ср. *страсти господни*), *кадить, пророк, творец* и т. п.

Следует предупредить против зачисления **всех** без исключения слов, имеющих указанные только что признаки, в слова старославянского происхождения.

О старославянском происхождении какого-либо слова определенно и безоговорочно свидетельствует из приведенных только фонетические признаки, но и то **лишь** в том **случае**, если они встречаются в **корневых словах**, в словах с **непроизводной основой**.

Производные слова, содержащие в своем составе какой-либо старославянский элемент, имеющие религиозно-церковное значение, могли возникнуть и возникали на базе старославянских слов или по их модели и в книжном древнерусском языке (такие слова следует называть **церковнославянизмами** или **славянизмами**).

Производные слова с корнями и словообразовательным строением старославянского происхождения появлялись в русском литературном языке и в новое время.

Поэтому следует иметь в виду, что далеко не всякое производное слово, имеющее тот или иной старославянский элемент, является старославянизмом. Например, слово *предрассуждение* (ср. в «Вольности» Пушкина: «В сгущенной мгле *предрассуждений*») имеет три несомненных фонетических признака старославянского языка: неполногласное сочетание в *пред* (ср. *перед*), начальное сочетание *ра* перед согласным — *рас* (ср. *рос* в *россыпи, росчерк*) и сочетание *жд* (ср. *суженый*). Казалось бы, примет более чем достаточно для того, чтобы отнести это слово к старославянизмам. И тем не менее, отнеся слово *предрассуждение* к старославянским, мы бы совершили ошибку.

В действительности это слово, как и слово *предрассудок*, возникло в русском литературном языке во второй половине XVIII в. в качестве кальки французского слова *préjugé*¹.

Мы уже не говорим о таких словах, как *мясохладобойня, бомбардирующий* и т. п., появившихся лишь недавно.

¹ Акад. В. В. Виноградов, ссылаясь на свидетельство Тредиаковского, высказывает предположение, что оба эти слова были введены в русский язык А. П. Сумароковым (см. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», 1938, стр. 152).

И напротив, могут быть и такие старославянизмы, в которых никаких признаков старославянского происхождения нет. О заимствовании их русским языком из старославянского нам говорит лишь историческая лексикология (ср. *свидетель* — древнерусским было *послух*; *убийца* древнерусским было *головник*, откуда современное *уголовник*, и т. п.).

Старославянские слова, войдя в русский язык, не все обрусели в нем в одинаковой мере. Судьба отдельных старославянизмов в нашей речи была весьма разнообразной.

Одни старославянизмы настолько обрусели, что потеряли свою специфическую стилистическую окраску и значение совершенно, стали неотъемлемой принадлежностью межстилевой общеупотребительной лексики (*время, враг, сладкий, праздник, храбрый, брань, срам, вред, член, бездна, овощи, общий, среда, нужда, плен, влага, здравствуй, казнь* и т. п.)¹.

В своем большинстве эти общенародные по употреблению старославянизмы представляют собой слова, вытеснившие соответствующие исконно русские.

Другие старославянские слова, не осознаваясь уже как чужие и являясь обычными словами активной лексики современного русского литературного языка, тем не менее на фоне аналогичных образований исконно русского происхождения выглядят как книжные, являются принадлежностью прежде всего письменной речи (*жажда, благо, бремя, творец, истина, вождь* и т. д.).

В том случае, если эти книжные по стилистической окраске старославянизмы употребляются рядом с дублетными формами исконно русского происхождения, они имеют иное, более абстрактное значение (*хранить, здравый, краткий, нрав, власть, вращать, совратить, мощь* и т. д.; ср. значение слов *хоронить, здоровый, короткий, норы, волость, ворочать, своротить, мочь* — нет мочи).

Многие старославянизмы • — это будет уже третья группа — в настоящее время в отличие от названных выше не входят в активный словарный запас современной лексики, бытуют в нем как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (архаичности, торжественности,

¹ Некоторые из них прочно вошли даже в диалектную речь (ср. *благо* (много), *страм*, *блажной*, *прах* (черт), *оглашенный*, *разератный* и т. д.).

риторичности и т. д.). Эти старославянизмы все более суживают сферу и частоту своего употребления, постепенно тем самым уходят из языка: *нощь, хошу, дщерь, брег, глас, древо, чреда, злато, хлад, длань, 'агнец, алкать, отверзать, лобзание, предтеча, глагол* (в значении «слово»: «Глаголом жги сердца людей» — П у ш к и н), *риза* (в значении «одежда»: «Я *ризу* влажную свою Сушу на солнце под скалою» — П у ш к и н) и т. д.

Такие старославянизмы составляют один из наиболее важных пластов устаревшей лексики (о ней см. ниже), использующихся прежде всего в качестве средства для создания торжественного, приподнятого и взволнованного ораторского или лирического стиля, а иногда с иронически-пародийными и характерологическими (для создания речевого портрета персонажей) целями.

Следует иметь в виду, что в начале XIX в. некоторые старославянские слова устаревшего характера употреблялись в поэтической речи рядом с соответствующими исконно русскими совершенно безразлично, без каких-либо стилистических, художественно-выразительных установок. Такое безразличное употребление то старославянского, то исконно русского слова в таких случаях определялось лишь чисто версификационными целями (т. е. ритмом и рифмой) и может быть охарактеризовано как одна из поэтических вольностей.

Особенно ярко оно проявляется в использовании неполногласных и полногласных вариантов одного и того же значения.

В «Евгении Онегине» А. С. Пушкина мы, например, находим: «Онегин, добрый мой приятель, Родился на *брегах* Невы» (гл. 1, строфа 2) и «Иди же к невским *берегам*, Новорожденное творенье» (гл. 1, строфа 60); «Внемлите мой печальный *глас*» (гл. 1, строфа 19) и «В глуши звучнее *голос* лирный» (гл. 1, строфа 55) и т. д.

От лексических старославянизмов, т. е. слов, пришедших в русский язык из старославянского, следует отличать, если данное языковое явление рассматривается с генетической точки зрения, книжные слова, возникшие по модели или на базе старославянских уже в русском литературном языке. Нередко собственно старославянские слова и слова, появившиеся в результате использования старославянских элементов в русском письменном языке, при рассмотрении объединяют, называя церковнославяниз-

мами или славянизмами. В этом случае по существу учитывают не генетическую сторону дела, а стилистическую и семантико-словообразовательную, принимают во внимание прежде всего уже не происхождение соответствующих слов, а сферу их употребления.

ж) ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Основным способом обогащения лексики русского языка на всем протяжении его развития было образование новых слов на базе существующего уже в нем строительного материала. Причем эти процессы создания и возникновения в русском языке новых слов, естественно, происходят по тем законам словообразования, которые характерны для нашего языка. Именно непрерывному процессу словообразования обязан русский язык тем, что он всегда имел соответствующий уровню общественного развития словарный состав.

Вместе с тем было бы неверным, как уже явствует из сказанного о старославянизмах, не учитывать и еще один источник пополнения словаря — именно процесс использования русским языком так или иначе, в той или иной степени лексики других языков, иногда весьма далеких по своей структуре и происхождению.

Среди того, что обязано своим существованием в лексике русского языка иноязычным источникам, наблюдаются различные факты. Рассматривая такие, например, слова, как *дельта*, *одеколон*, *карий*, *предмет*, *плоский* (в значении «пошлый»), мы приходим к выводу, что все они принадлежат к тем словам современного русского языка, в которых отражается иноязычное влияние. Нерусское, заимствованное здесь выступает перед нами как факт разной полноты, характера и качества.

И это вполне понятно. Дело в том, что могут заимствоваться слова и выражения как целые, т. е. реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, так и их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой — такие, которые возникли в результате калькирования.

В соответствии с этим необходимо рассмотреть: 1) иноязычные слова и 2) кальки (от французского *calque* — «копия на прозрачном листе, подражание»).

Из приведенных слов *дельта*, *одеколон*, *карий* являются иноязычными, что же касается слов *предмет* и *плоский* (в значении «пошлый»), то это кальки: *предмет* — словообразовательная калька с латинского *objectum*, *плоский* (в значении «пошлый») — семантическая калька с французского *plat*.

Разберем отдельно эти различные факты.

3) ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА

Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но тем не менее не превышают 10% всего его словарного состава. В общей лексической системе языка лишь небольшая их часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики; подавляющее большинство их имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (выступая как термины, профессионализмы, варваризмы, специфически книжные слова и т. д.).

В своей основной массе бытующие сейчас иноязычные слова были заимствованы вместе с вещью, явлением и т. д. (*зонтик* — из голландского языка, *диск* — из греческого, *вензель* — из польского, *бульвар* — из французского, *бокс* — из английского, *чалый* — из тюркского, *помпа* — из латинского, *квартет* — из итальянского, *штатив* — из немецкого и т. д.), однако немало их пришло в русский язык и в качестве новых обозначений того или иного факта, имевшего до этого исконно русское наименование (ср. *специфический*, *вояж* — из французского языка, *лошадь* — из тюркского, *февраль* — из латинского и исконно русские *особенный*, *путешествие*, *конь*, *лютый*).

Многие иноязычные слова ясно ощущаются как иноязычные, пришедшие извне. Однако заимствованный характер чужих по происхождению слов чувствуется далеко не всегда: иноязычность целого ряда заимствованных слов можно вскрыть лишь при помощи специального лингвистического анализа.

Различие между явно нерусскими по происхождению словами и словами, в которых сейчас их иноязычность совершенно не ощущается, объясняется и временем их заимствования, и сферой их употребления. Давние заимствования общенародного характера в ряде случаев настолько прочно вошли в плоть и кровь русского языка, что стали неотъемлемой принадлежностью его словаря (ср. слова *тетрадь*, *свекла* — из греческого языка, *билет*, *суп* — из французского языка, *карман*, *деньги* — из тюркских и т. д.).

Недавние заимствования узкой сферы применения в ряде случаев удерживают в своем составе даже некоторые чуждые русскому языку фонетические и морфологические свойства (ср. *пенсне*, *денди*, *интервью*, *модель*, *репертуар*, *кенгуру*, *нокаут*, *жюри* и т. д.).

Естественно, что иноязычность вторых ясна любому носителю русского литературного языка, в то время как неисконное происхождение первых становится известным только после специальных этимологических изысканий.

Более радикальная переработка иноязычного слова происходит тогда, когда оно было заимствовано с голоса: заимствованное слово в таком случае испытывает серьезные изменения в своей огласовке, заметнее меняется его значение, быстрее происходит грамматическое приспособление к законам и правилам русского языка (ср. заимствованные из немецкого языка слова *кустарь*, *маляр*, *пара* — *Künstler*, *Maler*, *Paar*).

В подавляющем большинстве иноязычные слова того или иного грамматического класса являются словами той же самой грамматической категории и в русском. Однако в некоторых случаях такого соответствия не наблюдается; слово, являющееся в русском языке именем существительным, генетически может восходить не только к слову иной части речи, но и к целому словосочетанию или какой-либо форме слова: *рояль* — франц. *royal* (королевский); *кандидат* — лат. *candidatus* (одетый в белое); *омнибус* — лат. *omnibus* (всем); *кворум* — лат. *quorum* (которых) из *quorum praesentia sufficit* (присутствие которых достаточно); *кредо* — лат. *credo* (верую); *ноктюрн* — франц. *nocturne* (ночной); *проформа* — лат. *pro forma* (для формы); *республика* — лат. *res publica* (общественное дело) и т. п.

Существующие в настоящее время в русской лексике иноязычные слова пришли в нее в разное время из самых различных языков. Заимствования из одних языков являют-

ся в нашем языке единичными, слова из других образуют более или менее многочисленные группы. Довольно большое количество слов, в частности, заимствовано русским языком из тюркских языков, греческого и латинского, польского, а также немецкого, французского и английского. Значительно меньшие группы составляют слова, пришедшие в русский язык из голландского и итальянского. Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова.

Определяя то или иное слово как иноязычное, следует отграничивать от заимствованных лексических единиц слова, возникшие на базе иноязычных уже в русском языке. Слова *ерунда*, *га*, *жоржик*, *ящик*, *спец* и т. п., хотя и возникли на базе иноязычных слов (ср. латинское слово *герундий*, французское *гектар*, французское *Жорж*, тюркское *ям*, французское *специалист*), являются исконно русскими по своему возникновению словами.

Устанавливая, из какого конкретно языка идет заимствование того или иного слова, т. е. откуда оно поступает в русский язык, необходимо четко разграничивать этимологический состав слова и его возникновение как слова в том или ином языке, а также учитывать, является ли оно коренным переоформлением в данном языке какого-либо иноязычного и для него слова, или этот язык выступает лишь как язык-передатчик.

Нельзя, например, слово *велосипед*, основываясь на том, что оно состоит из латинских корней *velox* (быстрый) и *pedes* (ноги), считать латинским, так как оно возникло во французском языке. Неверно будет слова *гранит*, *гранат* и *граната* (имея в виду их корень латинского происхождения *granum* — зерно) считать все латинскими словами. Тогда как слово *гранат* действительно является латинским словом (ср. *granatum* — зернистое яблоко), слова *гранит* и *граната* являются соответственно: первое — итальянским, второе — немецким.

Вряд ли будет правильным считать слова *гвалт*, *фортель*, *рынок*, *герб* немецкими заимствованиями: в русском языке это полонизмы, так как и значения этих слов и их звучание коренным образом отличаются от тех немецких слов, которые были заимствованы польским языком (ср.: *Gewalt*, *Vorteil*, *Ring*, *Erbe*).

Заимствованные с голоса в древнерусскую эпоху слова из тюркских языков являются, как правило, названиями,

относящимися к быту и коневодству; единичны термины военно-экономического характера (ср.: *жемчуг, лошадь, кощей, пай, лапша, деньги, орда, карга* (буквально: ворона), *ярлык, набат* (первоначально: огромный медный барабан), *бурда, войлок, кушак, карман, барсук, арбуз, барыш, башка, сундук, казна, кабала, изюм, чердак* и др.).

Греческие по происхождению слова начали проникать в русскую лексику еще до введения на Руси христианства. Они входили в русский язык как непосредственно, так и через языки-передатчики (сначала через старославянский язык, потом через западноевропейские). Среди них наблюдаются бытовые названия, наименования растений и животных, слова церковно-религиозного характера и особенно много терминов науки и искусства (ср.: *грамота, парус, терем, лохань, палата, лента, фонарь, известь; свекла, кедр, ирис, лавр, анис, герань, вишня; кит, буйвол, ехидна, крокодил; ад, ангел, икона, ладан, ересь, монастырь; мама, базис, галактика, ода, металл, алфавит, климат, магнит, планета, стих, гипс, обелиск, хор, театр* и т. д.).

Значительный вклад сделал греческий язык также и в фонд собственных имен русского языка: *Кузьма, Георгий, Евгений, Елена, Софья, Федор, Ангелина, Петр, Степан, Николай, Евдоким* и т. п.

Заимствование в русский язык слов из латинского языка обычно осуществлялось через посредство других языков (в X—XV вв. — через греческий, в XVI—XVII вв. — через польский, позднее — через западноевропейские.) Заимствованные из латинского языка слова относятся к обозначениям предметов быта, общественно-политических отношений, понятий науки и искусства (ср.: *комната, цемент, ангина, формула, арена, гербарий, глобус, тангенс, октава, пленум, комментарий, автор, депутат, акация, экзамен, цирк, доктор, градус, аквариум, литература, минус, канцелярия, нотариус, помпа, циркуль* и т. п.).

Латинский язык дал русскому языку и некоторое количество собственных имен: *Валерий, Фрол, Виктор(ия), Марк, Марина, Валентин(а), Клавдия, Юлия* и др.

Заимствованные с голоса слова из польского языка (в основном в XVI—XVII вв.), как правило, являются бытовыми наименованиями (например: *булка, зразы, карета, кофта, сбруя, бляха, вензель, краковяк, лютня, гарус, фуражка, циркульник, панцирь*; ср. также: *справедливость*,

легавый, шпик, мешкать, строгий, кланчить, деликатный, гетман, шкода, карлик, франт (в польском из нем. *Freund*), *гарцевать, забияка* и др.).

Слова из немецкого языка особенно интенсивно стали заимствоваться русским языком с начала XVIII в. Немецкие слова входили в русский язык как с голоса, так и через книгу. С семантической точки зрения они представляют собой главным образом наименования предметов домашнего обихода, термины ремесел и искусств, а также военные профессионализмы (*бутерброд, кухня, штопор, папка, шпроты, шляпа, пенал, шпинат, матрац, ворс, шлейф, циферблат, цех, шпон, ланцет, штольня, штраф, шнур, вахтер, кран, слесарь, верстак, клейстер, ландшафт, лейтмотив, балетмейстер, штрих, танец, штурм, ранг, штаб, гауптвахта, плац*; ср. также: *штиль, пара, локон, курорт, фальшь, швах, приоритет* и др.). Одним из древнейших заимствований из немецкого языка является собственное имя *Глеб* (ср. *Готлиб*, буквально — *Богумил*).

Заимствованные из французского языка слова стали появляться в русском языке уже в Петровскую эпоху, но особенно сильным их приток стал с конца XVIII в. По своему значению они составляют, пожалуй, наиболее разнообразную категорию иноязычных слов: среди них мы находим и слова бытового характера, и общественно-политические и военные термины, и термины искусств, науки и торговли. Несколько примеров: *брильянт, помада, портфель, колье, компот, жавель, люстра, майонез, пат* (фруктовый), *бульон, пальто, кашне, драпри, мебель, котлета, вуаль, контроль, журнал, шовинизм, лимит, парламент, редактор, раса* (термин был введен Бюффоном), *жаргон, рутина, авангард, батальон, атака, десант, эскадра, ансамбль, спектакль, режиссер, реплика, ампула, рефрен, балет, вальс, романс, шасси, парашют, такси, машина* (ср. *машина*), *автожир, аванс* и т. д. Ср. также: *пардон, вампир* (во французском из славянских языков, ср. *упырь*), *омар, наркоз, шеф, дюшес* (буквально — *герцогиня*), *шок, пасьянс* (этимологически — *терпенье*), *массаж* и т. п.

Английские слова появляются в русском языке в основном в XIX—XX вв. В своем подавляющем большинстве это термины техники, спорта, политики, а также бытовые названия: *вокзал, трамвай, эскалатор, рельс, туннель, комбайн, блюминг, конвейер, трактор, радар* (сложносоставленное слово: *radio detecting and ranging*), *браунинг,*

танк, финиш, рекорд, матч, чемпион, ринг, регби, нокаут, раунд, тренер, гол, футбол, хоккей, старт, лидер, клуб, лок-аут, импорт, бойкот, бюджет, гангстер, кекс, поташ, джемпер, пиджак, ром, ростбиф, бязь, вельвет, торт, грог, пудинг и пр. Ср. также: *пони, клоун, холл, фильм, джаз, компост, гайморит, комфорт, сплин, джунгли, сквер* и т. п.

Займствования из итальянского языка представляют собой самые различные по своей семантике слова; больше всего среди них терминов искусств (изобразительного и музыки): *тенор, опера, ария, бас, флейта, ложа, мандолина, дуэт, речитатив, кантата, балкон, купол, арка, мозаика, барокко* и др. Ср. также: *панталоны, бензин, сода, мушкетер, помидор, баста, паяц, фуфайка, цедра* (буквально лимон), *студия, шпага, малярня, казарма, касса, газета, валюта, каприз* и пр.

Как правило, слова из итальянского языка поступали в русский язык через французский.

Голландские слова, образующие небольшую группу, представляют в русской лексике термины морского дела: *матрос, рупор, шлюпка, мачта, вымпел, дюйм, компас, конвой, каюта, галс, лоцман, гавань, трап, киль, рея, катер, рейд* и др. Ср. также: *апельсин, ситец, возможно — бушлат*.

Как указывалось, остальные языки дали лишь отдельные слова, например: *борщ, бондарь, завзятый, буханка, бублик, парубок* (из украинского языка); *робот, полька, друзья, краля* (из чешского); *чай, каолин* (из китайского); *ковер, бекеша, хутор, гуляш* (из венгерского); *какао, эстрада, колибри, сигара, серенада, томат, гитара* (из испанского); *халва, алгебра, гарем, нашатырь* (из арабского); *кимоно, гейша* (из японского); *инжир, сарай* (из персидского); *плис* (из шведского); *кули* (из индийского); *какаду* (из малайского) и т. д.

Выше отмечались уже трудности при определении источника заимствования того или иного иноязычного слова. Следует особо обратить внимание на необходимость осторожного использования (при установлении, откуда слово пришло в русский язык) указываемых в некоторых пособиях примет. Во-первых, в ряде случаев имеющиеся там приметы одинаково могут характеризовать слова целого ряда языков. Например, в ряде учебников начальней звук *э* указывается как характерная примета слов из гре-

ческого языка. Но этим звуком могут начинаться также и слова из латинского (*эгоизм, элемент, эра*), из древнееврейского (*эдем*), из французского (*экипаж, эссеист, экран, эшелон*), из английского (*эль*), из немецкого (*эндшпиль, эльф*), из испанского (*эмбарго, эскадрон*) и из арабского (*эмир*) языков.

Во-вторых, в ряде случаев даются такие приметы словообразовательно-морфологического характера, которые могут быть выделены в подавляющем большинстве слов этого типа только при знании соответствующего языка.

Заимствуя то или иное слово, русский язык редко усваивал его в том виде, в каком оно бытовало в языке-источнике. Различия в звуковом строе, грамматике, семантико-словообразовательных свойствах, существующие между русским языком и тем, откуда приходило слово, вели к тому, что чужое слово изменялось, приспособлялось к фонетическим нормам, грамматическим правилам, словообразовательным моделям и семантическим законам русского языка.

Совершенно обязательна словообразовательная обработка слова, состоящая в присоединении соответствующих аффиксов, в том случае, если заимствовался глагол или прилагательное. Слова, вроде немецкого *marschieren* и французского *païf*, становятся фактами русского языка, только получая характерные для русских глаголов и прилагательных аффиксы *-овать* и *-ный*: *маршировать, наивный* и т. д.

При заимствовании существительных такого переоформления может и не быть (ср. французское *marche* и *марш*, греческое *lyra* и *лира*, латинское *poema* и *норма*, английское *dandy* и *денди* и т. д.).

Конкретно при усвоении иноязычного слова происходит устранение в нем не свойственных русскому языку звуков и форм; звуки, составляющие его, подчиняются действующим в нашем языке звуковым законам, слово приобретает грамматические и словообразовательные свойства, характерные для того класса слов, куда оно входит, и вступает в новые семантические связи.

Немецкое слово *Losung* на русской почве начинает произноситься с твердым звуком *л* и в соответствии со звучанием с твердым согласным на конце становится словом мужского рода, теряет артикль и производный характер основы (суффикс *-ung* в нем у нас не чувствуется),

входит впоследствии в синонимические отношения со словом *призыв* и т. д. Латинское слово *aquarium* коренным образом меняет свои словообразовательно-морфологические свойства, превращаясь в русском языке из производного прилагательного среднего рода в непроизводное существительное мужского рода *аквариум*, в котором не осознается ни корня, ни суффикса, ни окончания (ср. лат. *aqua* — вода), ни родства со словами *акварель*, *аквамарин*, *акведук*.

Французское слово *манто* (*manteau*) при заимствовании теряет не свойственный русскому языку носовой звук и превращается в слово отсутствующего во французском языке среднего рода; греческое существительное среднего рода в форме им. пад. мн. числа *seukla* испытывает метатезу (*eu > ue*) и становится формой им. пад. ед. числа существительного женского рода *свекла* {*a* из окончания им. пад. мн. числа становится окончанием им. пад. ед. числа) и т. д.

Конечно, не всегда русификация какого-либо иноязычного слова проводится последовательно, до конца. Некоторые из заимствованных слов живут в русском языке с некоторыми свойствами, ему чуждыми. К ним можно отнести из фонетических — произношение твердых звуков *д*, *т* и других перед *е* (ср. *ателье*, *модель*, *шоссе*, *мэр* и т. п.), звука *о*—*в* в предударном и заударном слогах (*боá*, *хаос* и пр.), из морфологических — свойство не склоняться (ср. *пальто*, *бюро*, *какаду*, *досье* и т. д.).

Помимо целостных номинативных единиц неисконного происхождения, в русском языке существует некоторое количество, как правило, малопродуктивных, заимствованных словообразовательных морфем (например, суффиксы *-изм*, *-ист*, *-аж*, *-ер*, *-ация* и т. п., приставки *а-*, *анти-*, *ре-*, *де-*, *архи-* и пр.). Они изучаются, как и исконно русские словообразовательные элементы, в морфологии. Здесь только следует отметить, что словообразовательные аффиксы как таковые не заимствуются. Перенимаются слова, содержащие эти морфемы. Выделение того или иного словообразовательного элемента происходит уже потом, когда образуется хотя бы небольшая группа одноструктурных слов, пришедших в русский язык вместе с родственными словами (ср. суффикс *-аж* в словах *массаж*, *пилотаж*, *тоннаж* и т. п., бытующих у нас рядом со словами *массировать*, *пилот*, *тонна* и пр.).

Правильное отношение к иноязычным словам было определено применительно к современному русскому языку в заметке В. И. Ленина «Об очистке русского языка». В. И. Ленин выступает против употребления иностранных слов без надобности, т. е. тогда, когда для выражения соответствующего понятия есть ничем не хуже свои, более употребительные и понятные слова: «К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?»¹. Правильное же употребление заимствованных слов, особенно если это интернациональные научные и политические термины, в нужном месте (и при надобности с соответствующими разъяснениями) является таким же закономерным и оправданным, как и употребление исконно русских слов.

и) ЛЕКСИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ

Среди бытующих в русском словарном составе лексических калек² выделяются два вида: кальки словообразовательные и кальки семантические. Словообразовательные кальки — это такие материально исконные слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфологическим частям, в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы, т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой, для русского языка — русский.

Например, калькой с французского слова *subdivision* является слово *подразделение*; оно появилось путем замены приставки *sub-* префиксом *под-*, корня *-divis-* основной *-раздел-* и суффикса *-ию* суффиксом *-ение*.

Калькирование в данном случае представляет собой заимствование словообразовательного строения.

Семантические кальки — слова иного характера. Семантическими кальками следует считать такие слова, в ко-

¹ В. И. Ленин, Об очистке русского языка. Сочинения, т. 30, стр. 274.

² Кроме лексических калек, есть также и фразеологические: *с птичьего полета*, *синий чулок*, *разбить наголову* и т. п.

торых иноязычным по происхождению элементом является какое-либо лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному влиянию, какому-нибудь слову другого языка. Следовательно, в данном случае калькируется уже семантика чужого слова.

Необходимо иметь в виду, что такой процесс калькирования значения происходит только тогда, когда чужое слово и свое семантически имеют точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми, номинативными, значениями. Семантической калькой, например, является в русской лексике слово *трогать* в его значении «вызывать сочувствие, приводить в умиление», которое появилось в нем под влиянием французского слова *toucher*. Основой для заимствования русским словом переносного значения французского слова послужило их единое прямое, номинативное, значение «прикасаться».

В качестве образцов словообразовательных калек в русском языке выступают почти исключительно слова из греческого, латинского, французского и немецкого языков. Именно эти языки дали русскому языку соответствующий тип слов, выступающих часто рядом с прямыми заимствованиями, обычно иного значения.

Наиболее древними (если не считать калек, появившихся еще в общеславянском языке и из него перешедших в язык древних восточных славян) из словообразовательных калек в русском языке являются те, которые появились как поморфемный перевод аналогичных греческих слов. Вот несколько примеров таких калек, различных по времени появления их в русском языке: *согласие* (ср. *симфония*), *азбука* (ср. *алфавит*), *летописец* (ср. *хронограф*), *самодержавие* (ср. *автократия*), *баснословие* (ср. *мифология*), *жизнеописание* (ср. *биография*), *благородный* (ср. *Евгений*), *инок* (ср. *монах*) и т. п.

Словообразовательные кальки, возникшие как следствие перевода по морфемам латинских слов, начали появляться в русском языке в заметном количестве с XVIII в. Среди них можно отметить, например, такие: *естественный* (ср. *натуральный*), *обязательство* (ср. *облигация*), *земледелие*, *надеж*, *разумность* (ср. *интеллигенция*), *общество*, *насекомое* (ср. *инсект*), *дательный* (*падеж*) и т. п.

В качестве словообразовательных калек французских

слов, подавляющее большинство которых появилось в русском языке в конце XVIII в., можно назвать: *хладнокровие, впечатление, предрассудок, расстояние* (ср. *дистанция*), *развлекать, обстоятельство, рассеянный, развлечение* (ср. *дивертисмент*) и др.

Из слов, явившихся плодом поморфемной съемки соответствующих немецких, между прочим в основной своей массе возникших в 30—50-х годах XIX в., можно указать: *самоопределение, представление, состоять, очевидный, призвание, немислимый, односторонний, образование* и т. п.

Естественно, что многие из появившихся в свое время словообразовательных калек впоследствии были вытеснены из состава лексики русского языка другими словами, в частности прямыми заимствованиями. Среди таких слов: *звездозаконие* (современное — *астрономия*, из греческого), *любомудрие* (современное — *философия*, из греческого), *предзнание* (современное — *прогноз*, из греческого) и т. д.

Кроме полных калек, в лексике русского языка, как и других, наблюдаются и так называемые п о л у к а л ь к и. Полукальки — это слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного, слова, которые по словообразовательной структуре также точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование. Такие слова, как *телевидение, стихотворец, гуманность* и т. п., представляют собой именно такого рода слова. Это полукальки, поскольку одна часть соответствующего нерусского слова (*теле-, стихо-, гуманн-*) заимствована, а вторая переведена по тем морфемам, из которых она состоит.

Искусственное *televisia* привело к появлению в русской лексике слова *телевидение*, которое получилось благодаря заимствованию первой (греческой по происхождению) основы *теле-* и калькированию второй (по происхождению латинской): корня *vis-* через *вид-* и суффикса *-ia* через *-ение* (ср. болгарское *телевизия*, чешское *televise* и т. д.).

Полукальки могут быть и словами, содержащими один корень. Поясним это на примере слова *гуманность*. Немецкое слово *Humanität* дало в русском языке слово *гуманность*. Это слово возникло и укрепилось в русском литературном языке в 40-х годах XIX в. благодаря В. Г. Белинскому. Возникло оно путем заимствования корневой части этого слова (*human*) в виде *гуманн-* и перевода немецкого суффикса, образующего имена отвлеченного ка-

чества *ität* соответствующим русским суффиксом *-ость*. Неполное калькирование здесь очень близко уже к простой словообразовательной обработке слова по внутренним законам и словопроизводным моделям заимствующего языка, однако полностью все же с этим явлением не совпадает. Заимствование в данном случае повело бы к тому, что у нас укрепилось бы это слово не в виде *гуманность*, а в виде *гуманитет* (ср. такие заимствованные слова соответствующей словообразовательной модели, как *паритет*, *авторитет*, *нейтралитет* и т. п.).

Сказанное о словообразовательных кальках свидетельствует, что этого рода слова, возникая как передача чужого слова с его структурой, не являются тем не менее заимствованными в прямом смысле этого слова. Это создания русского языка с использованием русского лексико-словообразовательного материала. Передавая строение иноязычного слова и, следовательно, будучи обязательным появлением в русском языке чужому языку, словообразовательные кальки все же представляют собой новые слова русского языка.

Если словообразовательные кальки имеют довольно разнообразие языковые источники, то кальки семантические (т. е. исконные слова, получившие под влиянием иноязычных новые, переносные значения) отмечаются обычно лишь с французских слов. Кроме отмеченных слов *трогать* (вызывать сочувствие, приводить в умиление) и *плоский* (пошлый, банальный), можно привести в качестве примеров слова *левый*, *правый* (в политическом значении; ср. франц. *gauche*, *droit*), *влияние* (ср. франц. *influence*), *черта* (лица, характера ит. д.; ср. франц. *trait*), *утка* (ложный слух; ср. франц. *canard*), *вкус* (франц. *goût*), *звездь* (самое главное в чем-либо; *звездь* программы, франц. *clou*) и др.

Для отнесения того или иного слова к калькам необходимо иметь вполне определенные данные, это подтверждающие; одного структурного или семантического совпадения своих слов с иноязычными для этого совершенно недостаточно. Одинаковость структуры и совпадение в значениях (а следовательно, одинаковые по строению и значению слова) могут возникнуть в разных языках и самостоятельно, независимо друг от друга.

Говоря о кальках в системе лексики современного русского языка, необходимо, наконец, отметить, что сейчас

моделью для калькирования во многих языках становятся и наши, русские слова. Достаточно указать на такие бытующие как кальки в ряде языков слова, какими являются русские *пятилетка*, *колхоз*, *ударник*, *самокритика* и т. п.

Из литературы по вопросу о лексике современного русского языка с точки зрения ее происхождения см.: Г. О. Винокур, О славянизмах в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1941, № 4; А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М., 1941, стр. 70—90; И. А. Фалев, Об иностранных словах в русском языке и их этимологии, «Русский язык в школе», 1941, № 3; Н. М. Шанский, Лексические и фразеологические кальки в русском языке, «Русский язык в школе», 1955, № 3; П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии, древнерусский период, М., 1956; Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949; Н. Дылевский, Общеславянская лексика болгарского языка. Славистичен сборник, т. 1, езикознание, София, 1958; И. И. Огиенко, Иноземные элементы в русском языке, Киев, 1915; А. В. Миртов, К вопросу о грамматическом усвоении заимствованных слов русским языком. «Ученые записки Горьковского университета», вып. 26, 1954; Я. А. Спринчак, К изучению общеславянской лексики в русском языке, «Русский язык в школе», № 2, 1958; А. В. Исаченко, Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания, Slavia, s. 1., Praha, 1953; Л. А. Булаховский, Общеславянские названия птиц, «Изв. АН СССР, отд. лит. и яз.», т. 7, вып. 2, 1948; В. В. Акуненко, Об интернациональных словах в современном русском языке, «Уч. зап. Харьковского гос. ун-та», труды филфака, т. 6, 1958; Л. П. Ефремов, Освоение заимствованных слов русским языком, «Уч. зап. Казахского ун-та», т. 25, 1957; B. Unbegaun, Le caique dans les langues slaves litteraires, «Revue des études slaves», t. XII, fasc. 1-2; K. Sandfeld, Notes sur les caiques linguistiques, «Festschrift W. Thomsen zur Vollendung des 70 Lebensjahres, Leipzig, 1912.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

а) ОБЩЕНАРОДНАЯ И СОЦИАЛЬНО ИЛИ ДИАЛЕКТНО ОГРАНИЧЕННАЯ ЛЕКСИКА

Слова в лексической системе современного русского языка различаются между собой не только своим происхождением, экспрессивно-стилистическими свойствами и принадлежностью к активному и пассивному составу, но и сферой своего употребления в социально-диалектном отношении.

Неоднородность современной русской лексики с точки зрения ее употребления видна сразу, при самом элементарном анализе нескольких наудачу выбранных слов. Одни слова оказываются общеизвестными и общенародными, другие выступают как ограниченные в своем употреблении той или иной группой лиц, тем или иным говорящим коллективом.

Конкретно лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну группу образуют общенародные слова — лексика, известная и употребляемая всеми говорящими на русском языке. Другую группу составляют слова, ограниченные в своем бытовании определенным говорящим коллективом, определенной диалектной или социальной средой.

Наиболее важной частью словаря русского языка во всем его многообразии является общенародная лексика — общеизвестная и общепотребительная. Она представляет собой то лексическое ядро, без которого немислим язык, невозможно общение. Ее составляют слова, являющиеся выражениями наиболее необходимых, жизненно важных понятий.

Общенародная лексика — костяк общенационального литературного словаря, необходимейший лексический ма-

териал для выражения мысли на русском языке, тот фонд, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчивы в своем употреблении и используются во всех стилях речи.

Общепонятная лексика, однако, представляет собой только часть словаря русского общепонятного языка во всей его совокупности.

Помимо этой всем известной и употребительной лексики, в словарном составе русского общепонятного языка имеются также и пласты слов ограниченного употребления, не являющихся общепонятным достоянием. Такие слова бытуют лишь в каком-либо говорящем коллективе, который предстает как территориально или социально определенная группа людей.

Это диалектизмы, профессионализмы и арготизмы.

Разграничивая общепонятный и социально или территориально ограниченные пласты словаря, следует учитывать те изменения, которые постоянно в них происходят. Некоторые группы слов, бывшие ранее диалектизмами, профессионализмами или арготизмами, являются в настоящее время уже общепонятными словами. Это можно сказать про слова *чепуха*, *вобла*, *учесть*, *скостить*, *навверное*, *ерунда* и др., из которых первые два первоначально были диалектизмами, вторая пара вначале характеризовала лишь речь счетных работников, а два последних пришли в общепонятный словарь из картежного (*навверное — из идти на верную*) и бурсацкого (*ерунда* от лат. *герундий*) арготизмов.

И, напротив, отдельные общепонятные слова могут, выходя из общего употребления или приобретая особое значение, становиться словами ограниченного употребления. К таким, например, словам можно отнести диалектизмы *зобать* — есть, *брезг* — рассвет, профессионализмы — *шапка* (в значении «заголовок, служащий общим заглавием нескольких статей»), *щека* (в значении «боковая, обычно плоская часть чего-либо»: *щека* револьвера), арготизмы — *подбросить* (в значении «подвезти»), *кол* (для обозначения неудовлетворительной оценки) и т. д.

Подвижность границ между лексикой общепонятной и лексикой с ограниченной сферой использования свидетельствует о непрерывном развитии и изменении русского словаря.

б) ДИАЛЕКТИЗМЫ

Среди лексических пластов ограниченного употребления, являющихся лексическими фактами речи одной какой-либо группы людей, иногда весьма широкой, особое место принадлежит лексике диалектной. Под диалектной лексикой подразумевают такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а являются принадлежностью одного или нескольких диалектов русского общенационального языка.

Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенного территориальной общностью.

Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чуждые и сторонние литературному языку, своеобразные языковые инкрустации, употребляемые обычно в определенных стилистических, художественно-выразительных целях.

Слова диалектного характера принято называть диалектизмами, однако употребляются для их обозначения и другие термины: провинциализмы, областные слова и т. д.

Лучше всего пользоваться наиболее распространенным термином — «диалектизмы», но с уточнением — лексические. Такое уточнение необходимо в силу того, что диалектизмы могут быть и иного характера, именно фонетические («Аринка, глянь-ка, на *бочкою* сидит»; «Ишь ты, куда *фатает!* (вместо литературного *хватает*) — строго сказал близко стоявший солдат» (Л. Н. Толстой, «Война и мир») и грамматические («Спину погреешь, а *брюха* замерзла. Вот *чуда!*»; «Да червь капусту *гложет*, а сам прежде *пропадает!*»; «Я бы его *изловимши*, да в землю бы закопал» — (Л. Н. Толстой, «Война и мир») и т. д.

Внутри диалектной лексики можно наметить несколько типов слов в зависимости от того, что соответствует тому или иному диалектному слову в литературном языке.

Выделяются собственно лексические диалектизмы, диалектизмы лексико-семантические и диалектизмы этнографические. Последние иногда называют этнографизмами.

1. Собственно лексические диалектизмы представляют собой неизвестные литературному языку слова, служащие названиями явлений, для обозначения которых в литературном языке употребляются другие сло-

ва. Эти диалектизмы могут быть как одного корня с соответствующим общенародным синонимом (*пеун* (сев.)¹; *певень* (зап.) — петух, *коваль* (южн.), *ковач* (вост.), *ковец* (пск.) — кузнец, *любжа* (курск., орл.) — любовь, *голох* (алтайск.) — голос, *блютка* (сталингр.) — блюдо и др.), так и другого (*кочет* (южн.) — петух, *скородить* (южн.) — боронить, *басена* (сев.) — красавица, *угунуть* (южн.) — затихнуть и т. д.).

Приведем несколько примеров собственно лексических диалектизмов, указывая их литературные синонимы: *дежа* (южн.) — квашня, *косуля* (сев.) — соха, *пожня* (сев.) — заливной луг, *назём* (сев.) — навоз, *лонись* (сев.) — прошлым летом, *лыва* (сев.) — лужа, *гляделки* (южн.) — глаза, *баз* (дон.) — двор, *стерня* (южн.) — жнивье, *дянки* (сев.) — варежки, *байкать* (сев.-вост.) — говорить, *оброть* — недоуздок, конская уздечка без удил с одним поводом, *ней* — не то («*Ней* от старости, *ней* с голоду» — Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо»), *инда* — даже, так что, *опростать* — освободить, *зенки* — глаза и т. п.

2. Лексико-семантическими диалектизмами являются слова общенародного характера, имеющие особое значение, не свойственное им в литературном языке: *верх* (южн.) — овраг, *пахать* (сев.) — мести пол, *хозяин* (уральск.) — леший, *ворог* (сев.) — колдун, *людно* (арх.) — богато (орл.), *дивно* (сиб.) — много, *больно* (южн.) — очень, *погода* — непогода, *улица* (южн.) — гулянье, *дорога* (сиб.) — улица, *зевать* (тамб., владимир.) — звать («Ты меня что, *зевал*?»); *гораздо* — очень («У нас поля обширные, а не *гораздо* щедрые» — Н. А. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); *хозяйка* — жена («Дарья, *хозяйка* большого...» — Н. А. Некрасов, «Мороз — Красный нос»); *грохочут* — хохочут («Опять *грохочут* в пятой роте, — сказал один солдат» — Л. Н. Толстой, «Война и мир»).

3. Этнографические диалектизмы представляют собой слова, возникновение и существование которых в языке связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей того или иного говора.

Это такие диалектные слова, которые называют предметы и явления, не входящие в общенародный обиход, и,

¹ Пометы, указывающие на наречия или диалекты, в которых употребляется то или иное слово, даются по диалектным словарям (прежде всего — по словарю В. Даля).

следовательно, не имеют параллелей в общенародном литературном языке.

Известную аналогию этнографическим диалектизмам представляют среди устаревших слов историзмы (см. стр. 232).

Та их особенность, что они являются единственным обозначением существующих явлений, объясняет их использование в художественной литературе, научных произведениях и публицистике.

В случае необходимости обозначить называемый ими предмет и явление этнографические диалектизмы должны или быть объяснены перифрастически (т. е. быть переданы описательно), или употребляться, как они есть. В качестве этнографических диалектизмов можно назвать, например, слова: *понёва* (клетчатая верхняя юбка, из-под которой выходит рубаха — исподница); *очеп* (жердь у колодца); *новина* (суровый холст); *посконный* (сшитый из домотканного холста); *калитовка* (четырёхугольная ватрушка из ржаной муки, начиненная картофелем или пшеном); *коты* (берестяные лапти) и т. д.

Многие из лексических диалектизмов отражают далекое прошлое нашего языка и являются по происхождению общенародными словами, с течением времени сохранившимися лишь в отдельных территориальных ответвлениях русского национального языка. Такое сохранение старых, исконно русских слов или их прежних значений объясняется устойчивостью отдельных языковых явлений и специфическими особенностями их развития в народных говорах. Например: *веред* (нарыв, болячка), *беремя* (охапка), *солодкий*, *долонь* (сев., ладонь; гладкое место для тока), *борошно* (ржаная мука), *сором* (срам), *живот* (сев., пожитки), *зобать* (есть, сев. и ряз., производное *забота*), *пахать* (в значении «махать», ср. *опахало*) и т. д.

Все лексические диалектизмы, как и соответствующие явления фонетического и грамматического характера, являются, как уже отмечалось, внелитературными, находящимися обычно за пределами общенациональной литературной речи.

Однако это не означает, что между этими двумя лексическими системами — общенародной и диалектной — не было и нет никаких точек соприкосновения. Многие из того, что ранее в языке было диалектным, расширило сферу своего употребления, стало известным всему русскому

народу, вошло в общенациональный литературный язык; многое из того, что до сих пор остается ограниченным в своем употреблении в народных говорах, используется нередко в изобразительных целях в художественной литературе. В результате этого происходит постоянный процесс впитывания литературной речью областных слов, процесс обогащения общенародного литературного словаря за счет отдельных групп диалектных слов. Особенно интенсивным такой процесс был в период складывания общенационального русского языка, в значительно меньшей степени он проявлялся позднее и проявляется в настоящее время.

Вследствие этого в современном русском литературном языке существует немало слов, первоначально местных по своему употреблению, слов, свойственных первоначально отдельным территориальным диалектам, но позднее вошедших в литературный язык.

Сюда, например, относятся слова: *чепуха, филин, пахать, хилый, зелена, нудный, улыбаться, очень, бирюк,, прикорнуть, батрак, неуклюжий, мямить, шумиха, подоплека* и т. д.

В связи с нормативностью литературного языка, с необходимостью сохранять его чистоту и правильность особую важность приобретает вопрос, в какой степени и в каких стилях правомерно использование диалектных слов в системе современной литературной лексики. Ясно, что укрепление диалектных слов в общенародной лексике возможно в настоящее время лишь в двух случаях: 1) в том случае, если в обиход всего народа входит тот или иной предмет, который был известен вначале в одной какой-либо области; 2) в том случае, если лексический диалектизм является хорошим экспрессивно-выразительным синонимом общелитературного слова.

Употребление лексических диалектизмов в стилях художественной и публицистической литературы возможно и вне этих условий, в качестве определенных стилистических средств, определенных характерологических фактов, позволяющих строить диалог, давать речевую характеристику героя, стилизовать речь и т. д.

Использование лексических диалектизмов (и тем более, конечно, фонетико-морфологических) вне определенных художественно-выразительных задач, а также во всех остальных стилях литературного языка является нарушением норм современной русской речи.

Особым здесь является лишь вопрос об этнографизмах, возможных и в научных произведениях.

Принципы и приемы использования диалектной лексики в современной художественной литературе были установлены в ходе дискуссии о языке писателя в 1934 г.

Подавляющее большинство участвовавших тогда в обсуждении выразило мнение, что художники слова, следуя традициям русской классической литературы XIX в., должны строить свое повествование на основе общенародного языка и привлекать диалектный материал очень осторожно и умело, руководствуясь в своей работе принципом художественной меры, выразительности и понятности. Это мнение наиболее ярко было сформулировано А. М. Горьким: «Прежде всего не нужно увлекаться местными речениями, оставьте это этнографам»¹.

Естественно, что в силу индивидуальной манеры письма, различных языковых вкусов, а также в зависимости от жанра литературы приемы и принципы использования диалектных слов могут варьироваться.

Так, Пушкин, Лермонтов, Чехов, Горький чрезвычайно скупы и осторожно вводили в свои произведения диалектную лексику. Напротив, очень свободно привлекали ее с определенными стилистическими целями Григорович, Казак-Луганский (В. Даль), Тургенев, Л. Толстой, из современных писателей — Шолохов и Гладков.

Рассматривая употребление диалектной лексики в художественном произведении, можно наблюдать и разные приемы ввода ее в литературный контекст. Так, ввод в авторскую речь диалектной лексики Л. Толстым резко отличается от употребления соответствующих словарных фактов в произведениях Тургенева. Если у Л. Толстого вновь привлекаемая лексика диалектного характера является полноправным членом авторского словаря, то у Тургенева она выступает в виде чуждых общему словесному контексту «вкраплений». Если Л. Толстой не делает в тексте никаких замечаний или разъяснений относительно характера и области употребления использованных внелитературных слов, то Тургенев, как правило, их объясняет и оговорками или графическими средствами (кавычки, курсив и пр.), подчеркивает их свежесть и сторонность общелитературному контексту.

¹ А. М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 204.

Ср. у Л. Толстого: «Уже были зазимки, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отделялась от полос буреющего, выбитого скотом озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи»; «Но в это время в свет костра вступила уже тонкая красивая фигура молодого солдата, несшего беремя дров»; «Было морозно и колко, но с вечера стало замолаживать»; «Насупротив от Николая были зелены» и т. д. и у Тургенева: «После пожара этот заброшенный человек приютился, или, как говорят орловцы, «притулился» у садовника Митрофана»; «В Орловской губернии последние леса и площадь исчезнут лет через пять» (в авторской сноске указывается: «Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов»); «Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ» и т. д.

В отличие от Л. Толстого Тургенев объясняет иногда даже слова, вкладываемые им в уста героев, например в рассказе «Льгов» в авторской речи объясняется употребленное Сучком слово *колдобина* («глубокое место, яма в пруду или в реке»), в рассказе «Бирюк» — употребленное Фомой слово *бирюк* («Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый») и т. д.

Большинство советских писателей в употреблении диалектной лексики следует Л. Толстому.

Так, у Шолохова находим: «Над займищем по черному недоступному небу шел ущербный месяц»; «Возле костра собрали вечерять на раскинутом ряднище»; «Они несут с покрытого голызинами бугра белое крошево снега, сметая его в сугроб, громоздят в пласты»; «По базам мычали не наевшиеся молодой зеленки коровы»; «Она выгнала из закута белоноздрого телка, припустила его к матери...» и т. д. ¹

в) ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ

Профессионализмы представляют собой слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией. В их

¹ Подробнее об употреблении диалектизмов в художественных произведениях см. в нашей статье «К изучению в школе языка романа Л. Н. Толстого «Война и мир», Сб. «Л. Н. Толстой. К 125-летию со дня рождения», Учпедгиз, 1953, стр. 58 и след.

состав входят словарные единицы, известные не всему русскому народу, а употребляемые одной какой-нибудь социальной группой лиц (медицинские работники, работники полиграфии, юристы, моряки и т. д.).

Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства. Поэтому их называют иногда с п е ц и а л ь н ы м и с л о в а м и, или с п е ц и а л ь н ы м и т е р м и н а м и.

Вот несколько примеров профессионализмов: *скальпель* — небольшой хирургический нож, обычно с дугообразным лезвием, для операций, анатомирования (лат.); *шпон* (нем. *Sporn* — шепка) — тонкая металлическая пластинка, не достигающая высоты шрифта, вставляемая между строками набора для увеличения расстояния между ними; *шканцы* — часть верхней палубы военного корабля (голландск.); *алиби* (лат. — «в другом месте») — отсутствие обвиняемого на месте преступления в момент его совершения, как доказательство его непричастности к преступлению; *мездра* (изнанка выделанной кожи) и т. д.

Как и диалектизмы, профессионализмы составляют такой пласт слов в лексике общенационального языка, сфера употребления которых является ограниченной. Однако они серьезно отличаются от диалектизмов: 1) сфера их употребления ограничена не территориально, а социально, 2) они входят в состав лексики литературного языка.

Среди профессионализмов наблюдается как узкоспециальные слова, например: *глинка* — высший сорт глины — каолин, употребляемый в ситцепечатании (тех.), так и слова более широкого употребления, например *кард* (*кард*, иранск.) — нож, холодное оружие в виде кинжала у командного состава морского и воздушного флота.

В ряде случаев сфера употребления тех или иных профессионализмов расширяется настолько, что они теряют свой особый характер употребления и превращаются в общенародные слова. Такое вхождение специальных терминов в общее употребление объясняется или широким распространением специального предмета и понятия, или метафорическим употреблением их для обозначения ранее не называемых ими предметов и явлений действительности.

В качестве слов, ставших из профессионализмов общенародными в силу широкого распространения специальных предметов и понятий, ими обозначаемых, можно на-

звать, например, слова *комбайн*, *глобус*, *экран*. Эти слова стали достоянием общенародного словаря после того, как в нашем сельском хозяйстве прочно вошла в жизнь уборка при помощи комбайна, глобус стал необходимой принадлежностью при обучении географии, а кино стало одним из наиболее популярных видов искусства.

В качестве слов, ставших из профессионализмов общенародными в силу их метафорического употребления, можно указать, например, слова: *аврал* (ср.: *Был объявлен аврал*; первоначально морская команда — «все наверх»), *брожение* (ср. *брожение умов*; первоначально биологический термин), *сфера* (*в высших сферах*; первоначально математический термин), *стушеваться* (первоначально специальное слово чертежников, производное от слова *тушь*), *мякотелый* (первоначально специальное слово садоводов, термин для определения спелости плодов), *темп* (ср. *темпы роста*; первоначально музыкальный термин).

Среди профессионализмов выделяются как слова, которые в качестве лексических единиц известны только в специальном употреблении, например *троемес* (из словаря плотников) — длинный гвоздь, соединяющий сразу три доски; *эстамп* — оттиск или снимок с гравюры (из французского языка, ср. *штамп*), *выплавок* — кусок металла, *асбест* — волокнистый белый материал, из которого вырабатываются негорючие изделия (это слово вначале пришло к нам из греческого языка в виде слова *известь*) и т. п., так и слова, которые с другими значениями входят в состав общенародной лексики. В качестве слов, являющихся профессиональными только по своей семантике, можно назвать слова: *мостик* — место на палубе, откуда командир командует кораблем; *балда* — тяжелый молот для раздробления камней и горных пород (техн.; ср. *набалдашник* от тюрк. слова *baldak* — костыль, сабельная рукоять); *шапка* — заглавие крупным шрифтом, заголовок нескольких статей (типогр.) и т. д.

Профессионализмы употребляются обычно в устной речи представителей какой-либо профессии, специальности и в научно-технических стилях письменного языка.

Однако возможны профессионализмы и в стиле публицистики и художественной литературы, где они могут быть оправданы лишь как определенное стилистическое средство для изображения трудовой деятельности и производственного пейзажа или речевой характеристики пер-

сонажей. Но использование профессиональной лексики должно быть разумным. Употребляя те или иные профессионализмы, следует помнить о том, что некоторые из них незнакомы представителям других областей трудовой деятельности и в необходимых случаях так или иначе объяснять их значения. В свете этого вряд ли можно оценить как удачное, например, такое предложение из романа «Русский лес» Леонова, как «Он констатировал, что перманентная денудация, хотя и стимулирует метаморфизацию биогеоценоза, но *seterum* не идентифицирует с его деградацией».

Неумеренное употребление профессионализмов неизбежно приводит к обеднению образно-выразительных качеств языка художественного произведения, к ослаблению его эмоционально-эстетического воздействия на читателя.

г) АРГОТИЗМЫ

Под арготизмами следует понимать такую социально ограниченную в употреблении лексику, которая является эмоционально-экспрессивным выражением того, что стилистически нейтрально обозначается общенародными словами.

Арготизмы отличаются от профессионализмов следующими чертами:

1. Они всегда представляют собой слова, являющиеся не основными, а параллельными обозначениями какого-либо явления действительности. Это значит, что рядом с ними всегда существуют синонимические слова общенародного употребления.

2. Всем без исключения арготизмам (в отличие от профессионализмов, являющихся нейтральными словами) присуща яркая экспрессивно-стилистическая окраска.

3. В силу этой яркой экспрессивно-стилистической окраски арготизмы имеют обычно значительно более широкое распространение и легко переходят из того или иного арго в просторечие, т. е. в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную литературно-книжными нормами. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что арготизмами часто называют, собственно, такие слова, которые ими являются только с генетической точки зрения.

Особые слова, возникшие в самом арго (*двоешник*, *блат*, *барахлить* и т. д.), среди арготизмов занимают в

общем небольшое место. Наиболее многочисленной группой арготизмов являются общенародные слова с особым, специфическим значением. Вот несколько примеров: *кол* (в значении «неудовлетворительно»), *хвост* (в значении «несданный экзамен»), *засыпаться*, *срезаться* (в значении «не выдержать экзамена»), *подбросить* (в значении «подвезти»), *загорать* (в значении «простаивать»), *липа* (в значении «подделка»), *блеск* (в значении «превосходно»), *прошвырнуться* (в значении «пройтись»), *вызубрить* (в значении «выучить»), *плавать* (в значении «плохо что-либо знать»), *спеться* (в значении «сговориться»); *Дырка!* (в значении «плохой вратарь»); *Сапожники!* (в значении «никуда не годные работники») и т. д.

Все они имеют в настоящее время довольно широкую сферу употребления, хотя и возникли как специфические слова того или иного арго, например: арго музыкантов — *спеться*, воровского арго — *липа*, школьного арго — *кол*, *хвост*, *плавать* и т. д.

Иногда арготизмами называют только слова воровского арго (*академия* — в значении «тюрьма», *балерина* — в значении «отмычка», *фрайер* — в значении «мелкий вор», *шкет*, *шамать* и др.).

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения сферы ее употребления см.: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. 1, 1952, стр. 69—73; А. И. Ефимов, О языке художественных произведений, М., 1954, стр. 141—180; Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, изд. МГУ, 1954, стр. 113—124; В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; Н. П. Гриčkова, Об областных словах в современном русском языке, «Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена», т. 122, 1956; Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, М., 1949.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ

а) МЕЖСТИЛЕВАЯ ЛЕКСИКА

Богатая своими выразительными возможностями и семантической емкостью, лексика современного русского языка представляет собой сложное и многообразное явление не только с точки зрения происхождения, социально-диалектного характера и важности в общей системе русского языка, но и с точки зрения экспрессивно-стилистической.

Если лингвистически анализировать такие, например, синонимические ряды, как *лгать*, *врать*, *заливать*, *сочинять* и *желать*, *хотеть*, *жаждать*, *алкать*, то можно заметить, что составляющие их слова различаются между собой не только тем, откуда и когда они появились в русском языке, жизненно важные ли это слова или нет и т. д., но и тем, что они оказываются разнородными в ряде случаев и по своему стилистическому употреблению и экспрессивной окраске. Слово *лгать* будет являться общеупотребительным и нейтральным, слово *врать* и *сочинять* — словами разговорно-литературной лексики с оттенком фамильярности, слово *заливать* будет являться просторечным и шутивным. Слова *желать* и *хотеть* будут являться словами межстилевого характера, слова *жаждать* и *алкать* — книжными и устарелыми.

Такое стилистическое расслоение лексики и различие слов по экспрессивной окраске тесно связано с тем, что язык представляет собой совокупность нескольких стилей, различных по тем языковым средствам и приемам (в первую очередь лексическим), которые берутся для выражения определенного содержания из общенародного языка.

Применение тех, а не иных средств языка обусловливается, как известно, той областью и ситуацией, в которой развертывается языковое общение. Цели сообщения, кото-

рые ставит перед собой говорящий или пишущий, заставляют его отбирать из общенародного языка такую лексику, которая была бы наиболее действенной, наиболее выразительной, наиболее, наконец, пригодной для поставленной задачи.

Именно поэтому каждый из стилей языка характеризуется определенной системой лексических средств. Правда, лексические границы стилей не являются неподвижными: слова разговорно-бытовой лексики могут войти в официально-деловой стиль, в публицистический стиль могут проникать элементы художественной речи и т. д.; особенно многослойным в лексическом отношении является стиль художественной литературы. Но тем не менее лексическое своеобразие разных стилей языка вырисовывается совершенно ясно.

Очень многие слова оказываются закрепленными в своем употреблении за тем или иным стилем языка. Это и позволяет классифицировать лексику со стилистической точки зрения.

Если мы возьмем, например, такие слова, как *щитовидный*, *кровообращение*, *щитовидка*, *валандаться*, *удружить*, *синьора*, *пенс*, *нега*, *грезы* и т. д., то все они окажутся закрепленными за различными стилями языка и в процессе общения вместе (вне определенных условий) употребляться не будут. Одни из них будут принадлежностью научного стиля (*щитовидный*, *кровообращение*), другие — просторечия (*щитовидка*, *валандаться*, *удружить*), третьи — будут входить в так называемую экзотическую лексику (*синьора*, *пенс*), четвертые — в поэтическую (*нега*, *грезы*) и т. д.

Такая классификация лексики с ее стилистической стороны обычно осложняется классификацией ее с точки зрения экспрессивной.

Это совершенно естественно, ибо каждый стиль имеет свои, ему лишь присущие экспрессивные особенности. Ясно, например, что такому стилю, как научный, будет чужда эмоционально окрашенная лексика; напротив, для стиля художественной литературы такая лексика будет одним из наиболее характерных признаков.

В подавляющем большинстве случаев именно эмоциональная характеристика слова и экспрессивные особенности определяют его стилистическое употребление. Таким, например, словам, как *простофиля*, *дошлый*, *форсить*,

в научном исследовании, учебнике, пособии и т. д. не будет места именно потому, что эти слова обладают экспрессивной насыщенностью.

С точки зрения экспрессивной слова делятся на ряды и группы по их экспрессивной окраске, которая объясняется тем, что в слове иногда наблюдается не только указание на какое-либо явление действительности, но и выражается отношение говорящего к этому явлению. Именно сопровождение названия определенным оценочным моментом и создает у слова ту или иную эмоционально-экспрессивную окраску (презрение, неодобрение, пренебрежение, шутку, иронию, ласку, фамильярность и т. д.). Например, рядом с нейтральным словом *поэт* существуют неодобрительные *стихоплет* и *рифмоплет*, рядом с нейтральными словами *сын* и *дочь* — ласкательные *сыночек*, *дочурка*.

С точки зрения экспрессивно-стилистической в лексике современного русского языка прежде всего выделяется такой пласт слов, который, во-первых, является межстилевым, имеющим применение во всех стилях языка, и, во-вторых, представляет собой разряд слов экспрессивно не окрашенных, эмоционально нейтральных. Межстилевые, экспрессивно не окрашенные слова являются названиями жизненно важных явлений действительности без какой-либо их оценки, это чистые наименования предметов, качеств, действий и т. д.

Учитывая экспрессивную нейтральность такой лексики, ее нередко называют нейтральной лексикой.

Межстилевая лексика является основой для словаря как устной, так и письменной речи, без нее немислимо ни устное, ни письменное общение. Входящим в нее словам присуща простота и общепонятность, естественность и четкость, для них не отмечается ни претензия на красоту, ни искусственность. Именно при помощи этих слов, самых обычных и привычных, создаются, как правило, наиболее проникновенные и душевные образы. Это качество межстилевой лексики отметил еще А. П. Чехов: «Красочность и выразительность в описаниях природы достигается только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.».

Этим общеупотребительным, межстилевым словам противостоят разряды слов, ограниченные в своем употребле-

нии определенным стилем и имеющие в себе дополнительные оттенки эмоциональной оценки называемого или какой-либо экспрессии.

Слова, стилистически ограниченные, делятся на две группы (в зависимости от того, в письменной или устной речи преимущественно они употребляются). Эти группы — разговорно-бытовая и книжная лексика.

б) РАЗГОВОРНО-БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА

Разговорно-бытовая лексика употребляется в непринужденной беседе. Употребление ее в письменной речи ограничено стилями художественной литературы и публицистики, где она используется с определенными художественно-выразительными целями. Употребление ее в других стилях (научном, деловом) наблюдается очень редко и затрагивает лишь отдельные факты. Причем всякое такое употребление разговорно-бытовой лексики в книжной речи придает данному контексту разговорный оттенок, и разговорно-бытовые слова ощущаются в нем как элементы, ему если не чуждые вовсе, то по крайней мере сторонние.

Разговорно-бытовая лексика делится на два разряда: 1) общенародную разговорно-бытовую лексику и 2) разговорно-бытовую лексику, социально или диалектно ограниченную. О разговорно-бытовой лексике, социально или диалектно ограниченной, выше уже говорилось. Это диалектизмы, или областные слова, разговорные профессионализмы и арготизмы. Противопоставляясь книжной лексике как слова устной речи, они противопоставляются и общенародной разговорно-бытовой лексике, так как являются словами не общенародного, а группового распространения и употребления.

Общенародная разговорно-бытовая лексика включает в свой состав две группы слов: 1) разговорно-литературную лексику, объединяющую слова разговорно-бытового характера, не нарушающие норм литературного употребления (*роскошничать, франтить, грохнуть, окошко, вещица, грязница, молодчина, каналья, молокосос, злющий* и т. д.); 2) просторечную лексику, характерную для простой, непринужденной речи, не связанной строгими нормами. Слова, входящие в нее, частью стоят на грани литературного употребления, частью представляют собой нелитературные слова (*жох, фофан, лоботряс, хавронья, жор-*

жик, ухмылка, танцулька, околпачить, форсить, хапать, кажись, ишь, цыц и т. д.).

От межстилевой лексики, одинаково характерной для устной и письменной речи, разговорно-литературная и просторечная лексика отличается своей специфической экспрессивно-стилистической окраской (фамильярности, иронии, бранности, шутки, ласки, презрения и т. д.). Слова разговорно-бытовой лексики, называя что-либо, дают также и определенную оценку называемого, вследствие чего имеют живой, непринужденный характер. Эти специфические отличия общенародной разговорно-бытовой лексики от межстилевой выявляются, например, при сравнении общеупотребительных и экспрессивно-нейтральных слов *неправда, бесплатно, очень* с их разговорно-литературными и просторечными синонимами: *ахиня, вранье, чепуха, ерунда, чушь, дичь* (разг.-лит.), *брехня* (прост.); *даром* (разг.-лит.), *дарма* (прост.); *ужас, страх* (разг.-лит.), *страсть* (прост.) и т. д.

Разграничивая в общенародной разговорно-бытовой лексике лексику разговорно-литературную и просторечную, следует иметь в виду, что границы между этими разрядами очень зыбки и подвижны. Ряд слов, входивших ранее в просторечную лексику, является сейчас принадлежностью разговорно-литературной лексики (*учеба, почта, копать, молодежь, гурьба, верховье, батрак* и т. д.). Некоторые слова, напротив, из состава разговорно-литературной лексики с течением времени перешли в лексику просторечную (*брюхо, честить* и др.).

В просторечной лексике особо выделяются в у л ь г а р и з м ы, которые относятся к ее внелитературному слою. В качестве вульгаризмов можно указать слова: *трепач, хануга, харя, сопатка, стервец, жрать, околеть* (по отношению к людям), *хлестать* (в значении «пить») и т. д.

Среди фактов, входящих в общенародную разговорно-бытовую лексику (разговорно-литературную и просторечную), наблюдаются различные явления.

1. Встречаются специфические разговорно-бытовые слова, которых нет в межстилевой лексике, например: *наяривать, вздрючка, лупцевать* (прост.), *огорошить, вволю, газировка, затеять* (разг.-лит.) и т. д.

2. Наблюдаются общеупотребительные слова с особыми — разговорно-литературными и просторечными — значениями (обычно метафорического происхождения).

Например: *накатать* (в значении «написать»), *хлестать* (в значении «пить водку»), *свистнуть* (в значении «украсть»), *плести* (в значении «говорить вздор»), *винегрет* (в значении «мешанина»), *шляпа* (в значении «растяпа»), *тюлень* (в значении «неповоротливый человек») и т. д.

3. Наблюдаются слова, имеющие в межстилевой лексике соотносительные им слова того же корня, но иного словообразовательного строения, например: *картошка* (ср. *картофель*), *помереть* (ср. *умереть*), *большущий* (ср. *большой*), *обгородиться* (ср. *загородиться*), *неважнецкий* (ср. *неважный*), *силком* (ср. *насильно*) и т. д.

4. В просторечной лексике также встречаются общеупотребительные слова, отличающиеся лишь своей фонетикой и акцентологией, например: *инструмент*, *табатерка*, *ундер*, *сурьезный*, *портфель*, *магазин* и т. д.

в) КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА

В разряд книжной лексики входят такие стилистически ограниченные и закреплённые в своем употреблении слова, которые встречаются преимущественно в письменной речи. Тем самым книжная лексика в противоположность разговорно-бытовой выступает как система слов, основной сферой использования которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, официальных бумаг и деловых документов, а также язык художественной литературы.

Это не означает, что книжные слова не употребляются в устной речи совершенно. Но употребляясь в устной речи, книжные слова не утрачивают все же стилистическую окраску книжности. Среди книжных слов выделяются, с одной стороны, слова, являющиеся единственным названием соответствующих явлений действительности и понятий (*умозаключение*, *бессмертие*, *единорог* и др.) и, с другой стороны, слова, в разговорно-бытовой и общеупотребительной лексике, имеющие синонимы, правда, с иными экспрессивно-стилистическими свойствами (*восторжествовать* — победить, *грядущий* — будущий, *приверженец* — сторонник, *чаяния* — надежды и т. д.).

В разряд книжных слов входит прежде всего подавляющее большинство абстрактной лексики, представляющей собой выражение различных отвлечённых понятий, в том числе научных, общественно-полити-

ческих и технических. Правда, целый ряд абстрактных слов (*засолка, безалаберщина* и т. п.) является принадлежностью разговорно-бытовой лексики, однако основная их масса, несомненно, относится в качестве одного из наиболее характерных компонентов к книжной лексике.

Основная масса абстрактных слов книжного характера представляет собой производные слова, образованные при помощи того или иного морфологического способа (чаще всего при помощи суффиксов *-ние (-ение), -ость, -изм, -ация, -енный, -ствовать* и сложения: *стремление, поверхность, солипсизм, профанация, властвовать, мировоззрение* и т. п.). Однако встречаются среди них и слова непроизводные, например, *воля* (к победе, *рукам воли не давай* — разг.), *жажда* (счастья, *его мучила жажда* — межстиль.) и т. д.

В книжную лексику включаются также слова деловых бумаг и официальных документов. Такой разряд слов называется *официально-деловой лексикой*. В качестве примеров можно привести слова *иск, надлежит, ответчик, вышеизложенный, препроводить, уведомление, посе́му* и др.

Целиком к книжной лексике относятся устаревшие слова и номинативно-стилистические неологизмы. Эти группы слов подробно будут разобраны ниже, в связи с анализом лексики современного русского языка с точки зрения активного и пассивного словарного состава.

В книжную лексику входит также экзотическая лексика с примыкающими к ней варваризмами, а также лексика поэтическая.

Экзотическая лексика представляет собой иноязычную по происхождению лексику, характеризующую быт и специфические национальные черты того или иного народа. Ею обозначаются предметы и явления, свойственные тому народу, откуда заимствуется какое-либо конкретное слово.

Экзотическая лексика используется, как правило, в художественной литературе для описания не свойственных нам вещей и явлений, а также для передачи местного колорита и особенностей речи персонажей.

Так, в поэме Лермонтова «Аул Бастунджи», в которой описывается жизнь горцев, мы находим слова: *аул, бешмет, сакля, башлык, алах, мечеть, мулла, Зара, Селим* и т. д.

Все слова, принадлежащие к экзотической лексике, представляют собой иноязычные слова, в определенной степени уже освоенные русским языком: они выступают всегда как слова определенного лексико-грамматического класса, содержат в своем составе лишь отдельные иноязычные черты (ср. *сольдо*, *сэр* и т. д.), изображаются средствами русского алфавита.

Прежде всего этими чертами экзотическая лексика отличается от примыкающих к ней варваризмов. Под *в а р в а р и з м а м и* следует понимать такие иноязычные слова, которые еще не подверглись транслитерации и сохраняют все присущие им в языке-источнике свойства. Очень часто они передаются не русскими буквами, а с помощью того алфавита, который присущ языку-источнику.

Варваризмы иначе иногда называются *и н о с т р а н н ы м и с л о в а м и*.

От экзотической лексики, помимо «иностранности», их отличает также и то, что они могут выражать и такие понятия, которые в русском языке выражены исконно русскими словами.

В художественной литературе и публицистике они используются, как правило, с теми же стилистическими целями, что и слова, относящиеся к экзотической лексике. Иногда они также употребляются как средство комического, для создания иронии, пародии, комизма и т. д. (ср., например, употребление Пушкиным в «Евгении Онегине» слова *vulgar*, впоследствии освоенного в виде слова *вульгарный*).

Параллельное исконно русским словам использование варваризмов создает особый *м а к а р о н и ч е с к и й с т и л ь*. Им написаны многие стихотворения Мятлева, отдельные стихотворения Лермонтова, Пушкина, А. К. Толстого и других поэтов.

Два примера:

Мы яровое убрали
И убрали траву.
Се тре жоли, се тре жоли.
Коман ву порте ву?

(М я т л е в.)

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,

За мой армейский чин
Все, что je vous écris;
Меж тем же ву засюр
Ich wünsche счастья Вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez, *Мадам.*

(Л е р м о н т о в)

Особым разрядом книжной лексики, чаще всего употребляющимся в стихотворных произведениях, но встречающимся и в художественной прозе, является так называемая поэтическая лексика. Поэтическая лексика выделяется особым стилистическим характером взволнованности и лиричности. Входящие в нее слова или создают патетический тон повествования, или придают ему мягкость и задушевность.

Отбор такого рода слов в русской поэзии происходил в конце XVIII — начале XIX века, как отбор поэтических средств выразительного и красивого. Поэтическая лексика была составлена из старославянизмов, книжных слов, образованных по их подобию, некоторых иноязычных слов и отдельных слов из народной поэзии. Все эти разнородные по происхождению слова в составе поэтической лексики получили одинаковые стилистические свойства.

В качестве примеров, относящихся к поэтической лексике, можно привести слова: *ланыты, перси, уста, жребий, уповать, божественно, безбрежный, обаяние, волшебный, пламенный, сладостный, увь, грусть, нега, прелестный; эфир, роза, арфа, кумир, нектар, аромат, муза, зефир, лилия, идеал; родимый, дуброва, пригожий, кручина* и т. д.

Многие слова поэтической лексики в настоящее время осознаются уже как архаизмы. Имея это в виду, поэтическую лексику иногда называют традиционно-поэтической.

Лирический или патетический тон стихотворений создается советскими поэтами, как правило, с помощью других лексических средств: стилистический характер поэтичности в целом ряде случаев у них приобретают слова, ранее ничего взволнованного и лиричного не содержавшие.

Однако и сейчас поэтическая лексика некоторыми советскими поэтами привлекается в отдельные произведения довольно широко и свободно. Ее состав и характер употребления определяются в таких случаях литературно-ху-

дожественной школой и отражают стилистические вкусы автора, следование им определенным традициям русского классического стиха.

Так, в поэме Твардовского «За далью — даль» пушкинские стихотворные интонации и словоупотребление можно видеть в использовании слов: *зов*, *обретать*, *краса*, *державный*, *грядущий*, *дале*, *ведать* и т. п.:

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль.
Твой слышу *зов*: со мною следуй
И *обретай* в пути и *ведай*
За далью — даль.
За далью — даль.

Своим — своя, чужим — чужая,
Я службу гордую несую,
Грядущей славой мир *венчая*,
Его величье и *красу*.

Кремлевских стен *державный* гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты.

Ср. у Пушкина: «*Грядущие* годы таятся во мгле»; «Пусть бедный прах мой здесь же похоронят... Не тут — не близко — *дале* где-нибудь»; «Невы *державное* течение, береговой ее гранит»; «Юный град, полночных стран *краса* и диво» и т. д.

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической см.: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. 1, 1952, стр. 43—68; А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1955, стр. 73—99; А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, М., 1957; О. С. Ахмаиова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Р. А. Будагов, К вопросу о языковых стилях, «Вопросы языкознания», 1954, № 3; В. Г. Адмони и Т. И. Сильман, Отбор языковых средств и вопросы стиля, «Вопросы языкознания», 1954, № 4; Ю. С. Сорокин, К вопросу об основных вопросах стилистики, «Вопросы языкознания», 1954, № 2; Е. М. Галкина-Федорук, Об экспрессивности и эмоциональности в языке, «Сборник статей по языкознанию», изд. МГУ, 1958; О. С. Ахманова, О стилистической дифференциации слов, там же.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

а) АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ ЗАПАСЫ

Согласно марксистскому учению о языке, процессом, определяющим развитие словарного состава языка, его дальнейшее обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста существующей лексики за счет новых слов. Наличная лексика языка почти непрерывно впитывает в себя вновь возникающие слова, вызванные к жизни изменениями в общественном строе, развитием производства, культуры, науки, художественного слова и т. д.

Накопление в словаре все большего количества слов, пополнение его стилистических ресурсов наряду с совершенствованием и улучшением грамматического строя отражает общее поступательное движение языка.

Однако изменения, наблюдаемые в словарном составе языка, не сводятся лишь к появлению новых, ранее в нем не существовавших слов. В лексике происходит одновременно и обратный процесс — процесс исчезновения из ее состава некоторых устаревших слов. Хотя этот процесс не является определяющим в развитии лексики языка, но и он сильно сказывается на облике словарного состава языка и также свидетельствует о его постоянном совершенствовании.

Освобождение словаря от лишних слов (а выпадают из него только такие) столь же закономерно и необходимо, как и обогащение его новыми словами: оно позволяет говорящим на данном языке освобождаться от ненужных лексических дублетов, устранять из своего активного за-

паса устаревшее и тем самым содействует более эффективному выполнению языком его основной и важнейшей функции — быть средством человеческого общения. Эти процессы появления новых слов и исчезновения устаревших сопровождаются процессами семантического порядка: возникновением у слов новых смысловых значений и утратой старых.

Так как закрепление в языке новых слов и значений и особенно уход из языка старого — процесс постепенный и длительный, то в словарном составе языка всегда существуют одновременно два пласта слов: активный словарный запас, с одной стороны, и пассивный словарный запас — с другой.

К активному словарному запасу языка относится вся привычная, повседневно употребительная в той или иной сфере языкового общения современная лексика, не имеющая ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. Активный запас включает в себя как слова общенародного употребления, так и слова в своем использовании ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоциональная лексика и т. д.), поэтому его нельзя отождествлять с активным запасом слов того или иного носителя языка. Сложная и разветвленная терминология советских физиков будет во многом не известной и активно не употребляемой лингвистами, медиками, садоводами, рабочими и т. д.; существующая сейчас в языке эмоциональная лексика нетерпима в сфере официальных отношений, в научных трудах и т. д., но от этого ни терминология советских физиков, ни существующая сейчас эмоциональная лексика не перестают быть фактами современной лексики, фактами активного запаса языка.

К пассивному словарному запасу языка (не следует путать с пассивным запасом слов того или иного носителя языка, зависящим от его профессии, образования, повседневной работы и т. д.) относится из лексики все то, что не является в ней повседневно употребительным, определяющим ее систему как современную, т. е. все, что редко употребляется, что не стало еще или перестало уже быть необходимым, привычным и употребительным в той или иной сфере общения. Иначе говоря, в пассивный словарный запас языка входят: 1) слова, которые ушли или уходят из языка (устаревшие слова), и 2) слова, которые не вошли еще в общелитературное употребление или только

что в нем появились (неологизмы). Следовательно, слова в современной лексической системе с точки зрения привычности, активности и повседневности в употреблении делятся на три группы: 1) современную лексику, 2) устаревшие слова, 3) неологизмы.

б) УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Исчезновение из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление, совершающееся медленно и не сразу (да и не всегда) приводящее к выпадению слова из лексики языка вообще. Утрата слова или того или иного его значения — результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из явления активного словарного запаса первоначально делается достоянием пассивного словаря и лишь потом постепенно забывается и совершенно исчезает из языка.

Этот процесс не представляет собой прямолинейного процесса: в ряде случаев устаревшие слова впоследствии вновь возвращаются в активный запас лексики нашего языка. Естественно, что при этом происходит, как правило, и резкое изменение их значений (ср. судьбу, например, таких слов, как *указ*, *солдат*, *министерство* и др.).

Устаревшие слова современного русского литературного языка, в совокупности образующие его устаревшую лексику, представляют сложную и многослойную систему. Причиной этого является их неоднородность и многообразие с точки зрения: 1) степени их устарелости, 2) причин их архаизации и 3) возможности и характера их использования.

Разберем отдельно эти вопросы.

Как было сказано выше, устаревшие слова отличаются между собой прежде всего степенью своей устарелости.

Среди них выделяется в первую очередь группа слов, которые являются в настоящее время совершенно неизвестными большинству носителей современного русского литературного языка и потому непонятны без соответствующих справок. Сюда относятся:

а) слова, совершенно исчезнувшие из языка, не встречающиеся в настоящее время в нем даже в составе производных слов (*локы* — лужа, *котора* — ссора, *проси-нец* — февраль, *стрый* — дядя по отцу, *нетий* — племянник по сестре, *рака* — могила, гробница и т. д.);

б) слова, не употребляющиеся в языке как отдельные слова, но встречающиеся в качестве корневых частей производных слов: *говядо* — скот (*говядина, говяжий*), *усние* — кожа (*заусенец*), *булдыга* — кость (*забулдыга*), *худог* — искусный (*художник*), *скора* — шкура (*скорняк*), *коло* — колесо (*двуколка, около*), *коварь* — кузнец (*коварство*), *мытарь* — сборщик подати (*мытарство*), *подаять* — подавать (*подающие*) и т. п.;

в) слова, исчезнувшие из языка как отдельные значимые единицы, но употребляющиеся еще в составе фразеологических оборотов: *кур* — петух: как *кур во щи*; *зга* — дорога (ср. *стезя*): *ни зги не видно*; *кол* — небольшой участок земли: *ни кола, ни двора*; *красный* — дорогой, красивый (*красная цена, красная девица*) и др.

Все эти слова сейчас прочно забыты, однако изредка они все же употребляются в литературе и как отдельные номинативные единицы (*весь* — село, *тать* — вор, *мыто* — вид торговой пошлины в древней Руси, *камо* — куда, *за не* — потому что, *лицедей* — актер и т. д.).

Этой группе устаревших слов до известной степени противостоит другая группа, включающая в себя слова, которые знакомы носителям современного русского литературного языка, но находятся в составе его пассивного словаря и употребляются лишь в определенных, в общем — редких случаях. К такого рода устаревшим словам можно отнести: *верста, конка, бурса, лукавствовать, зря* (видя), *иройство, брадобрей, токмо* (только), *глаголить* (говорить), *вельми* (очень), *хлад* (холод) и т. д.

Естественно, что большое значение в степени устарелости того или иного слова и отдельного значения имеет время выхода его из активного употребления. В большой мере, однако, она определяется также: 1) местом данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка, 2) первоначальной распространенностью слова и длительностью употребления в составе активного словаря, 3) наличием или отсутствием ясной и непосредственной связи с родственными словами и т. д. Нередко слово, давно вышедшее из активного употребления, все же до сих пор не забыто говорящими, хотя и встречается в их речи очень редко, и наоборот, наблюдаются случаи, когда забывается и выпадает из языка слово, переместившееся в пассивный словарный запас языка сравнительно недавно.

Например, слова *бдеть, глад, бедство* вышли из активного словаря не только устной, но и письменной речи более 100 лет назад, однако до сих пор понятны в своих основных значениях говорящим на современном русском языке. Напротив, забытыми, неизвестными совершенно в своей семантике для подавляющего числа говорящих сейчас на русском языке являются слова *уком* (уездный комитет), *непрерывка*, бытовавшие в активном употреблении сравнительно с ранее отмеченными *бдеть, глад, бедство* совсем недавно.

Так как топонимика (названия рек, озер, населенных пунктов и т. д.) и антропонимия (личные и фамильные имена) являются наиболее устойчивыми фактами в словарном материале, то очень многое из того, что уже ушло из активного словарного запаса нарицательных имен, сохраняется в топонимике и антропонимии в качестве собственных имен: река *Шуя* (*шуя* — левая), станция *Бологое* (*бологое* — хорошее, доброе, красивое), акад. Л. В. *Щерба* (*щерба* — трещина, зубурина), город *Городец* (*городец* — городок, с суффиксом *-ец*), город *Мытищи* (*мытище* — место, где собирали мыто), деревня *Червленая* (*червленая* — красная), повар *Смурый* (*смурый* — хмурый, ср. пасмурный) и т. д.

Ушедшие в устаревшую лексику современного русского языка слова могут быть в активном словарном запасе в лексике других, близкородственных ему славянских языков. Ср. слова *вельмі* — в белорусском, *łuska* — в польском (русское *луска* живет в составе производного *лускать*), *крак* — в болгарском (ср. русское производное *окорек*), *ul* — в чешском (в русском оно входит как корень в слова *улей, улица* и др.) и т. д.

Помимо того что устаревшие слова различны по степени своей архаичности в современном языке, они отличаются друг от друга еще и тем, что привело их в состав устаревшей лексики. Это отличие является наиболее серьезным и принципиальным.

Рассмотрение устаревших слов в связи с причинами, в силу которых они превратились в устаревшие, заставляет выделить среди них две основные, резко противоположные категории слов: 1) *и с т о р и з м ы* и 2) *а р х а и з м ы*.

Слова могут выйти из активного употребления и перейти в пассивный словарь и потому, что исчезают называ-

емые ими явления, предметы, вещи и т. д., и в силу того, что они как обозначения каких-либо явлений, предметов, вещей и т. п. в процессе употребления в языке могут вытесняться другими словами. В одном случае слова становятся ненужными в активном словаре говорящих потому, что они являются обозначениями исчезнувших явлений действительности, в другом случае слова уходят из активного употребления по той причине, что их вытесняют другие слова (с теми же значениями), которые оказываются более приемлемыми для выражения соответствующих понятий. В первом случае мы имеем дело с историзмами, во втором — с архаизмами.

Историзмы представляют собой слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы волей-неволей прибегаем к историзмам, ибо в современном русском литературном языке они синонимов не имеют (ср. историзмы в романе А. Н. Толстого «Петр I»: *боярин, ямищик, стольник, сокольничий, алтын, епанча, фезязь* (мужское долгополое платье), *кольчуга, самопал, пицаль, единорог* (род пушки) и т. д.).

Что же касается архаизмов, то в словарном составе современного русского литературного языка рядом с ними обязательно должны существовать и существуют синонимы, являющиеся словами активного употребления (ср.: *ловитва* — охота, *вояж* — путешествие, *кои* * — которые, *балтические* — балтийские, *самодовольствие* — самодовольство, *стора* — штора, *пиит* — поэт и т. п.). Если причины ухода из активного употребления слов в состав историзмов всегда совершенно ясны, то причины превращения слов из факта активного словарного запаса в архаизмы, причины вытеснения, замены одного слова другим являются труднообъяснимыми.

Для нас совершенно ясно, почему, например, слова *кафтан, городовой, челобитье* и другие превратились в историзмы (исчезли соответствующие им предметы, явления, вещи и т. д.); напротив, требуются специальные лингвистические разыскания для того, чтобы ответить на вопрос, почему слова *перст, сей, чело, доселе, буде* были вытеснены из активного употребления словами *палец, этот, лоб, до сих пор, если* и превратились, таким образом, в архаизмы.

В зависимости от того, является ли устаревшим все слово как определенный звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказалось лишь его смысловое значение, архаизмы можно разделить на **архаизмы лексические** и **архаизмы семантические**.

Среди лексических архаизмов с точки зрения их отношения к тем словам, которые вытеснили их из активного употребления, выделяются три вида. В одном случае мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другой производной основой. Это собственно лексические архаизмы. Например: *психея* (душа), *мание* (воля, желание), *льзя* (можно), *поелику* (потому что), *всуе* (напрасно), *мемория* (память), *ветрило* (парус), *овн* (баран), *доколь* (пока), *отроковица* (девушка), *выя* (шея), *шуйца* (левая рука), *присно* (постоянно), *зело* (очень), *иже* (который), *деница* (утренняя заря), *сей* (этот), *перст* (палец), *заморский* (иностранный) и др.

В другом случае мы имеем дело с такими словами, которым ныне в качестве языковой оболочки тех же понятий соответствуют слова однокорневого характера, с той же самой производной основой. Это лексико-словообразовательные архаизмы (ср.: *чувствие* — чувство, *пастырь* — пастух, *кокетствовать* — кокетничать, *нервический* — нервный, *безлюдство* — безлюдье, *дружество* — дружба, *фантазм* — фантазия: «Поэма вся проникнута немецкой сентиментальностью и немецким *фантазмом*» (Белинский), *свирепство* — свирепость, *воитель* — воин, *дол* — долина и т. д.).

В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь в отношении словообразовательного строения, суффиксами или приставками, производная же основа в них одна и та же, и образованы они от одного и того же слова. *Рыбарь* и *рыбак* различны между собой не своей производной основой *рыб*, а присоединенными к ней суффиксами *-арь* в одном слове и *-ак* в другом.

В третьем случае мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время в качестве языковой оболочки соответствующих понятий заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного звукового облика. Это лексико-фонетические архаизмы.

Их не следует смешивать и отождествлять с фонетическими архаизмами, которые представляют собой устаревшие явления не в словах, а в звуках.

Например, фонетическим архаизмом будет произношение *e* как *e*, а не как *o* перед твердыми согласными под ударением (*потек*, не *потёк*, *еще*, не *ещё* и др.), произношение мягкого *p* в словах типа *верх* и т. п. Лексико-фонетическими архаизмами являются такие слова, как *осьмнадцать* (восемнадцать), *ценсура* (цензура), *гошпиталь* (госпиталь), *аристокрация* (аристократия), *филозофия* (философия), *афеизм* (атеизм, ср. у Пушкина: «Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого *афеизма*»), *зерцало* (зеркало), *глад* (голод), *вран* (ворон), *клуб* (клуб), *воксал* (вокзал), *ироизм* (героизм), *врана* (ворона) и др.

Помимо лексических архаизмов, существуют, как уже упоминалось выше, архаизмы семантические. Семантические архаизмы — это слова, существующие и в современном русском литературном языке, но имеющие устаревшие значения. Семантический архаизм, иначе говоря, представляет собой устаревшее значение какого-либо слова, в иных значениях являющегося обычным словом современного русского литературного языка.

Ср.: «Магнит и электрическое вещество имеют *привлекательную* силу» («Словарь Академии Российской»); «Теперь *смотрящий*, *соображая* все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная» (П у ш к и н, Станционный смотрящий); «И столь же строгому разбору в *соседстве* повод подавал» (П у ш к и н, Евгений Онегин); «Не Гёте ли был его (имеется в виду Шатобриан.— Н. Ш.) *льетенантом* в Германии» (в письме Тургенева Вяземскому); «*Прямым* Онегин Чильд Гарольдом вдаль в задумчивую лень» (П у ш к и н, Евгений Онегин); «Угас как *светоч* дивный гений» (Л е р м о н т о в, На смерть поэта); «Законов *гибельный позор*, неволи немощные слезы» (П у ш к и н, Вольность).

Выделенные слова в приведенных примерах употребляются и сейчас, однако в других значениях. Так, слово *привлекательная* употреблено в значении «притягивающая», слово *соображать* — в значении «сопоставлять, сравнивать», слово *соседство* — в значении «соседи», слово *льетенант* — в значении «заместитель», слово *прямой* — в значении «настоящий», слово *светоч* — в значении «боль-

Шая свеча, факел», слова *гибельный позор* — в значении «зрелище гибели».

При анализе языка художественных произведений прошлого необходимо учитывать, что в ряде случаев писатели в определенных художественных целях используют слово с расчетом на восприятие читателем и нового и старого (для носителя современного языка — уже устаревшего и часто неизвестного) его значений.

В двух значениях одновременно употреблено Пушкиным слово *упоенны* в оде «Вольность».

Он видит — в лентах и чинах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны.

В настоящее время уже нельзя сказать *упоенные вином*.

В двух значениях с обличительно-сатирической целью, с явной издевкой употребляется Щедриным в «Наших глуповских делах» слово *позорище* (ср. *позорище* — зрелище и *позорище* — увеличительно-презрительное от *позор* — стыд): «Глупов и Глуповица, управляющие и управляемые, — все это, взятое вместе, представляло такую сладостную картину гармонии, такое умиленное *позорище* взаимных уступок, доброжелательства и услуг, что сердцу делалось больно и самый нос начинал ощущать как бы прилив благородных чувств» (Сочинения, т. 2, 1951, стр. 460).

Следует отметить, что стареть может не только само слово (целиком или в какой-либо части), архаическими могут становиться и связи данного слова с другими, его возможность сочетаться с тем или иным словом (что в конце концов отражается и на значении и употреблении слова вообще).

В примерах: «Открой мне благородный след того возвышенного галла, Кому сама среди *славных бед* ты гимны смелые внушала» (П у ш к и н, *Вольность*); «*Остров малый* на взморье виден» (П у ш к и н, *Медный всадник*); «Дело в том, что осетинские *разбойники, безопасные* в этом месте, стреляют через Терек в путешественников» (П у ш к и н, *Путешествие в Арзрум*) и т. п., есть такие сочетания слов, которые в настоящее время являются устаревшими. Сейчас уже не скажут *славные беды, малый остров, безопасные разбойники*, хотя *славные подвиги, малые дети*,

безопасное место будут словосочетаниями самыми обычными и современными. Такие архаизмы можно назвать лексико-синтаксическими.

Намеченные выше группы устаревших слов различаются между собой также характером и возможностью их употребления в различных стилях современного русского литературного языка. Архаизмы могут употребляться только с определенной стилистической целью; вне этой художественно-выразительной и изобразительной установки их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления. Историзмы же, употребляясь иногда с теми же целями, что и архаизмы, возможны и вне определенных стилистических условий, так как они, как единственное выражение исчезнувших понятий, явлений, предметов и т. д., могут применяться с целью обозначения этих понятий, явлений, предметов и т. п. Такое использование историзмов мы находим, например, в исторических работах, в описаниях прошлого, в воспоминаниях и т. д.

Архаизмы используются в художественной литературе в основном с тремя различными стилистическими целями.

1. Они могут быть использованы писателем прежде всего для создания колорита эпохи, для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев. Такое употребление архаизмов (и историзмов) мы наблюдаем в исторических романах, повестях, рассказах и т. д.

2. Они могут быть использованы писателем для создания торжественного стиля, взволнованно-патетической речи.

В такой роли архаизмы (очень часто старославянского происхождения) мы наблюдаем в стихотворениях Пушкина «Пророк», «Анчар», «Вольность», «Клеветникам России», «19 октября», «Олегов щип» и других, в стихотворениях Лермонтова «Умиравший гладиатор», «Поэт», «Пророк», «Сосед» и т. п., в ряде авторских отступлений у Гоголя, в поэмах и стихотворениях В. В. Маяковского и т. д.

3. Они могут, наконец, явиться у писателя одним из средств создания комического — иронии, сатиры, сарказма.

Мастерами употребления архаизмов в таких целях были М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, В. В. Маяковский. Именно такое использование архаизмов (наряду с целями воссоздания летописного слога) мы наблюдаем, например, в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина (см. «Обра-

шение к читателю»). В таких же целях они употребляются сейчас в фельетонах и баснях.

Аналогичные функции могут выполнять и стилистические неологизмы, ср. у Салтыкова-Щедрина: «Истинный пузырь никогда не появляется на поверхности одиноким, но всегда приводит за собой целую семью маленьких пузырей и *пузырят*» (Сочинения, т. 2, 1951, стр. 460).

По своему происхождению в лексической системе русского литературного языка как архаизмы, так и историзмы могут быть самыми разнообразными. Среди них встречаются и исконно русские слова: *льзя, дабы, оный, насильство, семо* (сюда), *сполох* (тревога), *заводчик* (зачинщик) и т. п., и старославянские: *глад, лобзать, святыня, глагол* (слово), *вещать* и др., и заимствованные из других языков: *абшид* (отставка), *сикурс* (помощь), *натура* (природа), *политес* (вежливость), *аксамит* (бархат) и т. п.

При анализе языка литературных произведений прошлого следует учитывать двойкий характер историзмов и архаизмов. С одной стороны, исследуя язык писателей прошлого, мы встречаемся с сознательным использованием такого рода фактов в определенных, указанных выше стилистических целях. В таких случаях (к ним относится и употребление устаревших слов современными писателями) соответствующие слова — факты устаревшей лексики как для нас, так и для авторов XVIII—XIX вв. и их читателей-современников.

С другой стороны, в произведениях прошлого (и художественных, и деловых, и научных и т. д.) мы встречаемся, даже если они написаны сравнительно недавно, с такими историзмами и архаизмами, которые ими являются лишь для нас, но во время написания анализируемого произведения устаревшими словами не были.

Следовательно, есть архаизмы и историзмы стилистического употребления (в современных нам художественных произведениях, как уже отмечалось, они должны быть и являются только такими) и есть архаизмы и историзмы времени (они встречаются — иногда рядом с устаревшими словами стилистического употребления — только в произведениях, написанных в прошлом).

Об этих двух типах устаревших слов в пределах одного и того же литературно-художественного контекста дают представление отрывки из произведения Пушкина «Борис Годунов»;

Поезжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: *помочь*
Нужна моим усердным *воеводам*.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте *град* и *граждан*.

Так точно *дьяк*, в *приказах* поседель,
Спокойно *зрит* на *правых* и виновных,
Добру и злу *внимая* равнодушно,
Не *ведая* ни жалости, ни гнева.

Как хорошо; вот сладкий плод учения!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все *царство вдруг*: границы, *грады*, реки,

В приведенных отрывках мы наблюдаем среди устаревших слов и историзмы: *воевода*, *дьяк*, *приказ* (в значении «учреждение»), *царство* (в значении «государство во главе с царем»), и архаизмы — *помочь* (помощь), *град*, *граждане* (жители города), *зреть* (смотреть), *внимать* (слушать), *ведать* (знать), *вдруг* (в значении «сразу»). Употреблены они Пушкиным в трагедии на историческую тему.

Однако было бы неправильным считать, что все эти слова использованы поэтом в качестве художественно-изобразительного средства, с определенной стилистической установкой. Среди выделенных устаревших слов имеются и такие, которые для Пушкина такими еще не были, которые перешли в пассивный запас русской лексики и приобрели в связи с этим определенную экспрессивно-стилистическую окраску позднее. Неверно было бы приписывать, например, какие-то стилистические функции в вышеприведенных отрывках историзму *царство*, лексико-фонетическому архаизму *помочь*, семантическому архаизму *вдруг*. Для Пушкина эти три слова были обычными словами его активного лексического запаса.

в) НЕОЛОГИЗМЫ

Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов, который, как уже указывалось, является определяющим для развития лексики любого языка.

Этот процесс ведет к возникновению в словарном составе языка того или иного исторического периода другого слоя пассивного словарного запаса — неологизмов.

Н е о л о г и з м ы— это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли или никогда не входили и не войдут в активный словарный запас языка.

Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не волеются в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности.

Поэтому очень часто слово, которое было в определенный момент развития русского языка неологизмом, позже неологизмом уже может и не являться. Так, не представляют в настоящее время неологизмов слова *кругозор*, *будущность*, *гражданин* (в современном значении), бывшие неологизмами в последней четверти XVIII в. (первое было введено Кургановым, второе — Карамзиным, третье с новой, ныне существующей семантикой — Радищевым); не воспринимается сейчас как неологизм появившееся впервые у В. И. Ленина и им введенное в русскую лексику слово *партийность* (первый раз оно было употреблено В. И. Лениным в конце 1894 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»¹) и т. д.

Следовательно, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт недавно, стало всеобщим и общепотребительным, потеряло специфические стилистические качества и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм.

С этой точки зрения неверно относить к неологизмам современного русского литературного языка, т. е. к его пассивному запасу лексики, абсолютно все слова, появившиеся в русском языке в советскую эпоху. Ведь подавляющее большинство их стало словами активного словарного запаса (*колхоз*, *комсомольский*, *трактор*, *заочно*, *спецовка* и т. д.), а некоторые из них, побывав в активном запасе, превратились в устаревшие слова (*уком*, *наркомат*, *непрерывка*, *женотдел* и т. п.).

¹ «...С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 380—381).

Таким образом, не всякое новое, недавнее, по времени возникновения слово является неологизмом.

Далеко не все неологизмы, возникнув в качестве определенного речевого факта, обязательно входят потом в активный словарный запас языка. Многие так и остаются (вероятно, останутся навсегда) неологизмами. Поэтому и сравнительно давно появившееся слово тем не менее может быть неологизмом.

Так, слова *огончарован* у Пушкина, *умнохудощавое* у Гоголя, *брюхопоклонники* у Салтыкова-Щедрина, *романомания*, *полетистость* у Белинского, *обер-композиитор*, *левитанистее* у Чехова и т. д., возникшие еще и XIX п., хотя и не являются новыми по времени своего появления, "оставаясь до сих пор индивидуально-художественными новообразованиями, представляют собой и сейчас неологизмы. Такие слова обычно в учебных пособиях называются неологизмами индивидуально-стилистическими.

Неологизмы различаются между собой как в отношении причины, которая повлекла появление их в языке, так и со стороны их лексико-словообразовательного характера.

Неологизмы могут возникать в языке: 1) и как обозначение появляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т. д., 2) и как новое название ТОГО, что уже имеет в языке наименование. Неологизмы первого рода в своем возникновении совершенно необходимы для языка, представляют собой слова, без которых обойтись нельзя; они появляются в языке потому, что в жизнь его носителя — русского народа — входят новые вещи, предметы, явления и т. д. Как неологизмы в свое время воспринимались слова *пароход* (этим словом обозначался первоначально и паровоз), *нигилизм*, *радиовещание*, *аэроплан*, *советский* и т. п.

Неологизмы второго рода возможны, но не обязательны, хотя и всегда в своем появлении обусловлены; они появляются в языке потому, что возникает необходимость дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в языке уже получило. В этой связи как неологизмы в свое время воспринимались прочно вошедшие сейчас в активный запас слова *предложный падеж* (придуманное М. В. Ломоносовым), *самолет*, *мифология*, заменившие соответственно слова *сказательный падеж* (введено М. Смотрицким), *аэроплан*, *баснословие*. Но, с другой стороны, как неологизмы воспринимаются и сейчас *кюхельбекерно* Пушкина, *злец* Салтыкова-Щедрина, *калекши* Маяковского.

Неологизмы в зависимости от того, являются ли они простыми наименованиями чего-либо, или также служат и определенным художественно-выразительным задачам, определенным стилистическим целям, можно разделить на чисто номинативные неологизмы (*целинник, госхоз* и т. п.) и неологизмы номинативно-стилистические (иначе — индивидуально-стилистические). Последние более всего присущи художественной литературе, но не чужды и публицистике (*полуподлец, тяжелозвонкое* у Пушкина, *зеленокудрые* у Гоголя, *одисты, поэты* у Белинского, *акростишествовать* у Салтыкова-Щедрина, *толкастика, блиноед, кисляйство, купчихообразная* у Чехова, *многопудье, радугоглазый, огромнить, аэросипед, молоткастый* у Маяковского и др.).

В зависимости от того, новое ли это слово вообще, или же это использование для выражения нового понятия уже существующего слова, неологизмы распадаются на лексические (образованные на базе существующих слов, заимствования из других языков) и семантические. Как семантические неологизмы (примеры лексических были даны выше в достаточном количестве) возникли в русском литературном языке второй половины XIX в. слова *подоплека, шумиха, помпадур* в современных значениях (ранее они обозначали соответственно: подкладка у крестьянской рубахи, сусальное золото, собственное имя любовницы Людовика XV). Сейчас это, конечно, уже не неологизмы. Семантическими неологизмами остаются до сих пор некоторые индивидуально-стилистические новообразования, например, слова Салтыкова-Щедрина *аплодисменты* и *дантист*, в значении «пощечины» и «бьющий по зубам», образованные им в сатирических целях.

В отличие от чисто номинативных неологизмов номинативно-стилистические неологизмы редко укрепляются в активном словарном запасе языка, обычно не входят в общелитературное употребление. Как правило, они, являясь словами определенного художественного контекста, существуют как реальные номинативные единицы лишь в нем. Только немногие из индивидуально-стилистических новообразований с течением времени становятся словами общего употребления (ср.: *головотяп, благоглупость* и *пенкосниматель* Салтыкова-Щедрина, *прозаседавшиеся* Маяковского и т. п.). Вопрос о так называемых потенциальных словах, т. е. словах, понимаемых, но

не используемых, прежде всего касается именно этой группы неологизмов.

Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, должен быть оправдан в своем возникновении или потребности назвать познанное, открытое, изобретенное и т. д., или определенными художественно-образительными задачами.

Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, не может быть новообразованием, созданным вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя. Созданное без соблюдения указанного слово будет мертворожденным словом, ненужным и бессмысленным набором звуков.

Только тогда неологизм является жизнеспособным словом, действенным фактом языка как системы, понимаемым и оправданным, могущим войти в общенародный язык, когда он образован в соответствии с существующими в языке закономерностями.

Патологическая страсть к образованию новых слов, образованию слов ради слов как таковых, очень часто без учета активных тенденций современного русского словообразования всегда была чужда нашим писателям и публицистам, у которых неологизмы никогда не были самоцелью, всегда были образованиями, в которых чувствовалось и большое языковое чутье, и глубокое проникновение в дух русского языка, и художественная мера большого мастера. Аномальными неологизмами характеризуется лишь творчество некоторых символистов и футуристов (Хлебникова, Белого и других). Именно поэтому их словоновшества оказались мертворожденными: не только те, которые были образованы совершенно произвольно, но и те, которые базировались на реальном материале русского языка (вроде слов *будетляне, речар, охотея, кричак, соноги, любавица* и др. Хлебникова).

Все неологизмы, вызванные к жизни определенной потребностью — номинативная потребность это или потребность художественно-стилистическая, — до тех пор неологизмы, пока находятся в пассивном словарном запасе.

В отличие от устаревших слов, находящихся в пассивном словарном запасе, но бывших когда-то в активном употреблении народа-языкотворца, неологизмы составляют такую группу слов пассивного словарного запаса, которая демонстрирует неисчерпаемые возможности языка

к обогащению новыми словами, но которая существует в общей лексической системе до некоторой степени потенциально, как слова, прикрепленные к определенному контексту и вне его не воспроизводимые.

Отрыв от соответствующей ситуации (употребление неологизма за пределами того контекста, в котором он возник) является первым шагом на пути превращения неологизма в слово активного словарного запаса.

Из литературы о лексике современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса см.: Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, М., 1943; А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, М., 1957; С. И. Ожегов, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, «Вопросы языкознания», 1953, № 2; Н. И. Фельдман, Окказиональные слова и лексикография, «Вопросы языкознания», 1957, № 4; Н. М. Шанский, Устаревшие слова в русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Принципы словообразовательного анализа	5
Этимологический анализ слова	24
а) Место и значение этимологического анализа в школе	—
б) Задачи этимологического анализа	29
Слово как основная единица языка	42
Русское слово как структурное целое	50
а) Морфемный состав слова	—
б) Типы значений морфем	56
в) Словообразовательные и формообразующие аффиксы	60
г) Морфематические связи и продуктивность словообразовательных и формообразующих аффиксов	61
д) Формы морфемы и варианты морфемы	65
Морфемы как значимые единицы языка	68
а) Производная и производная основы	—
б) Суффикс	83
в) Префикс	98
г) Соединительные гласные <i>о/е</i>	107
д) Окончание	116
Изменения в морфологической структуре слова	124
Словообразование и его роль в обогащении лексики русского языка	131
Предмет и задачи лексикологии русского языка	145
Лексическое значение русских слов и его разновидности	150
Омонимы	157
Синонимы	162
Антонимы	165
Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения	169
а) Понятие «исконно русская лексика»	—

б) Общеславянская лексика	170
в) Восточнославянская лексика	175
г) Собственно русские слова	178
д) Заимствованные слова в русском языке	183
е) Старославянизмы в лексике русского языка	184
ж) Иноязычные элементы в лексике русского языка	191
з) Иноязычные слова	192
и) Лексические кальки	200
Лексика современного русского языка с точки зрения сферы ее употребления	205
а) Общепринятая и социально или диалектно ограниченная лексика	205
б) Диалектизмы	207
в) Профессионализмы	212
г) Арготизмы	215
Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессив- но-стилистической	217
а) Межстилевая лексика	—
б) Разговорно-бытовая лексика	220
в) Книжная лексика	222
Лексика современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса	228
а) Активный и пассивный запасы	—
б) Устаревшие слова	230
в) Неологизмы	239

Николай Максимович Шанский
ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ
И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Редактор *З. А. Богданова*
Художник *Ю. М. Сигов*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий*
Корректоры: *Т. М. Графовская*
и *К. А. Иванова*

* * *

Сдано в набор 10/III 1959 г. Подписано
к печати 25/V 1959 г. $84 \times 108 \frac{1}{32}$ 15,5(12,71) п. л.
Уч.-изд. л. 13,02. Тираж 20 тыс. экз.
А 04349.

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной
рощи, 41. Заказ №2903.

Цена без переплета 2 р. 60 к.,
переплет 80 коп.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.